

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67300
of 30, September, 2016

Периодичность издания – 4 номера в год**Publication frequency – 4 issues per year****Учредитель: «Финансовый университет»****Founder: “Financial University”**

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

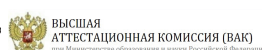
The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

WORLD OF NEW ECONOMY

DOI: 10.26794/2220-6469

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто г. Лечче (Италия);

Мазараки А., ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи энд маркетинг консалтенс» (Германия)

Хан С., д-р, профессор, руководитель Департамента экономики Блумсбургского университета, (США);

Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН;

Агеев А. И., д-р экон. наук, проф., директор Института экономических стратегий (ИНЭС);

Балацкий Е. В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Герасименко В. В., д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой «Маркетинг» МГУ;

Головнин М. Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора по научной работе Института экономики РАН;

Ершов М. В., д-р экон. наук, проф. Финансового университета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;

Иванов В. В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН;

Миркин Я. М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;

Могилевский Л. М., д-р техн. наук, проф., генеральный директор РОАО «Москва златоглавая»;

Нуреев Р. М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

Сорокин Д. Е., д-р экон. наук, проф., член-корр. РАН, руководитель Департамента экономической теории Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С. Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., действительный член (академик) Российской академии естественных наук, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

Казанцев С. В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., ведущий научный сотрудник Финансового университета;

Подвойский Г. Л., канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем занятости и трудовых отношений Института экономики РАН;

Юданов А. Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. Департамента экономической теории Финансового университета;

Варнавский В. Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примова РАН;

Звонова Е. А., д-р экон. наук, проф., руководитель Департамента мировых финансов Финансового университета;

Куприянова Л. М., канд. экон. наук, доцент Департамента учета, анализа и аудита, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;

Медведева М. Б., канд. экон. наук, проф., заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента мировых финансов Финансового университета;

Сумароков В. Н., д-р экон. наук, проф., советник при ректорате Финансового университета;

Рубцов Б. Б., д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета;

Толкачев С. А., д-р экон. наук, проф., первый заместитель заведующего кафедрой «Макроэкономическое прогнозирование и планирование» Финансового университета.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento, Lecce (Italy);

Mazaraki A., Rector of Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);

Simon G., Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy” (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Director of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES);

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Gerasimenko V.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair “Marketing”, Lomonosov Moscow State University;

Golovnin M. Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, First Deputy Director of scientific work of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M. V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V.V., Ph D. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Ya. M. Mirkin, Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Mogilevskiy L.M., Doctor of Technical Sciences, Professor, CEO of Russian public company “Moscow of Golden Domes”;

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Sorokin D.E., Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of RAS, Head of the Economic Theory Chair of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, full member (academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security of the Financial University;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor, Leading Research fellow of the Financial University;

Podvoiskiy G.L., Ph.D. of Economics, Leading Researcher at the Center for Employment and Labor Relations of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences (RAS);

Yudanov A. Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Zvonova E.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Global Finance Chair of the Financial University;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Accounting, Analysis and Audit, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor, Deputy Head for Educational and Methodical Work of the Global Finance Chair of the Financial University;

Sumarokov V.N., Doctor of Economics, Professor, Adviser at administration of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor of the Banking and Financial Markets Chair of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning of the Financial University.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
«МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ».
Свидетельство
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: ФГБОУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Корректор
С.Ф. Михайлова

Переводчик
З. Межва

Верстка
С.М. Ветров

**Оформление подписки
в редакции**
по тел.: 8 (499) 943-94-31
e-mail: MMKorigova@fa.ru
Коригова М.М.

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@mail.ru;
wne.fa.ru

Подписано в печать:
10.12.2020
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 687
Усл. печ. л. 15,12
Отпечатано
в Отделе полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Секачева А.Б.

**Современное состояние и перспективы развития
топливно-энергетического комплекса Франции..... 6**

Паксютов Г.Д.

**Японские «креативные отрасли» на глобальных рынках:
текущие проблемы и роль государства 15**

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Кузнецов А.В.

**Региональная роль Евразийского банка развития
в посткоронавирусном мире..... 22**

Аландаров Р.А., Зайцева Э.А.

**Анализ отечественного опыта применения мер и инструментов
бюджетной политики для стимулирования экономического роста 33**

Кишкович Ю.П.

**Концептуальная модель системы управления финансами предприятий
с применением современных информационных технологий 47**

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Могучев Н.С., Хузина А.Ф.

**Особенности институциональной среды государственно-частного
партнерства в России: региональный аспект..... 56**

Митяков С.Н., Федосеева Т.А., Митяков Е.С.

**Система индикаторов экономической безопасности муниципалитета
как составной элемент многоуровневой системы экономической
безопасности 67**

Диденко Д.В., Гринева Н.В.

**Анализ роли институтов и технологий в экономическом росте
позднего СССР в межстрановом сопоставлении 81**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В.

**Ранжирование регионов России по демографической ситуации
с учетом уровня развития социальной инфраструктуры..... 96**

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Кириченко И.А., Смирнов А.В.

Инвестиционный комплекс России: структурные сдвиги 110

WORLD ECONOMY

Sekacheva A.B.

**Current State and Prospects of Development
of the Fuel and Energy Complex of France.....6**

Paksiutov G.D.

Japan's Exports of Creative Goods: Current Challenges and State Policy..... 15

FINANCIAL ANALYTICS

Kuznetsov A.V.

**The Regional Role of the Eurasian Development Bank
in the Post-Coronavirus World..... 22**

Alandarov R.A., Zaitseva E.A.

**Analysis of Domestic Experience in the Application of Measures
and Instruments of Budgetary Policy to Stimulate Economic Growth 33**

Kishkovich Yu.P.

**Conceptual Model of Enterprise Financial Management System
with the Application of Modern Information Technologies..... 47**

REAL SECTOR

Moguchev N.S., Khuzina A.F.

**Features of the Institutional Environment of Public-Private
Partnership in Russia: Regional Aspect 56**

Mityakov S.N., Fedoseeva T.A., Mityakov E.S.

**The System of Indicators of Economic Security of a Municipality
as an Integral Element of a Multi-Level System of Economic Security..... 67**

Didenko D.V., Grineva N.V.

**Analysis of the Role of Institutions and Technologies
in Economic Growth of the Late USSR in a Cross-Country Comparison 81**

ECONOMIC THEORY

Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V.

**Ranking of Regions of Russia by the Demographic Situation
Considering the Level of Development of Social Infrastructure..... 96**

EXPERT REPORT

Kirichenko I.A., Smirnov A.V.

Investment Complex of Russia: Structural Shifts 110

© "WORLD OF NEW
ECONOMY" Journal
Certificate
ПИ № ФС77-67300.
of September, 30, 2016
Issued since 2007.
Founders: Financial
University Under
The Government
Of The Russian Federation

Founder and editor
of the magazine from 2007
to 2015 Doctor of Economics,
Professor N.N. Dumayaya

Editor-in-chief
S.N. Silvestrov

*Science journal editorship
manager*
V.A. Shadrin

Publishing editor
Yu.M. Anyutina

Proofreader
S.F. Mihaylova

Translator
Z. Mierzwa

Makeup
S.M. Vetrov

Editorial office address:
123995, GSP-5, Moscow,
Leningradskiy prospekt,
53, room 5.6
Tel.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@maul.ru;
wne.fa.ru

Signed off to printing:
10.12.2020
Format 60 × 84 1/8
Order № 687
Relative printer's sheet 15,12
Printed in the Department
of Polygraphy of the
Financial University
(Leningradskiy prospekt, 49)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-6-14

УДК 339.9(045)

JEL F43

Современное состояние и перспективы развития топливно-энергетического комплекса Франции

А.Б. Секачева

Дипломатическая академия МИД, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3735-0066>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены современное состояние и особенности функционирования топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Франции, а также перспективы его развития на период до 2050 г. Особое внимание уделено вопросам атомной энергетики в этой стране и возможности ее замены альтернативными источниками в средне- и долгосрочной перспективе. Рассмотрен вопрос обеспечения энергетической безопасности при использовании атомных электростанций (АЭС), который решается благодаря эффективному государственному регулированию данной отрасли. Отдельно анализируются проблемы энергетики Франции при взаимодействии с наднациональными структурами Европейского союза, а также участие этой страны в выработке общей энергетической политики интеграционного объединения. Определены преимущества ТЭК Франции по сравнению с другими странами – членами ЕС, и по результатам исследования сделаны выводы о перспективах его развития в условиях перехода к низкоуглеродной экономике. Эти перспективы обозначены в Национальной стратегии по снижению выбросов углерода и Долгосрочной энергетической программе Франции. В настоящее время достижение целевых показателей, установленных в этих документах, представляется сложной задачей, отсюда и непоследовательность, которая проявляется в государственной энергетической политике. В первую очередь это связано с будущим атомной энергетики, по отношению к которой у Франции возникли разногласия с руководством ЕС и ведущими странами-членами.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс; энергетика Франции; атомная энергетика; электроэнергия; АЭС; возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Секачева А.Б. Современное состояние и перспективы развития топливно-энергетического комплекса Франции. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):6-14. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-6-14

ORIGINAL PAPER

Current State and Prospects of Development of the Fuel and Energy Complex of France

Sekacheva A.B.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3735-0066>

ABSTRACT

This article examines the current state and features of the functioning of the fuel and energy complex (FEC) in France and its development prospects for the period up to 2050 as well. The author paid particular attention to the issues of nuclear power in this country and the possibility of replacing it with alternative sources in the medium and long term. The point of ensuring energy security in the use of nuclear power plants, which is solved thanks to effective state regulation of this industry, is considered. Separately, the author presented the analyses of energy problems of France in the interaction with the supranational structures of the European Union and considered the participation of this country in the development of a common energy policy for the integration. The author determined the advantages of the French fuel and energy sector in comparison with other EU member states. The results of the study substantiated conclusions about the prospects for further development in the context of the transition to a low-carbon economy. These prospects the author outlined in the country's national carbon reduction strategy and long-term energy program.

© Секачева А.Б., 2020

Currently, achieving the targets set out in these documents is a difficult task, hence the inconsistency that is evident in the state energy policy. It is primarily due to the future of nuclear energy, which France has disagreed with the EU leadership and leading member States.

Keywords: fuel and energy complex; energy of France; nuclear power; electric power; nuclear power plants; renewable energy sources

For citation: Sekacheva A.B. Current state and prospects of development of the fuel and energy complex of France. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):6-14. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-6-14

ВВЕДЕНИЕ

Структура топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Франции после Второй мировой войны постепенно менялась в зависимости от ситуации в мировой энергетике. Изначально в нем преобладало угольное топливо, затем нефть, но в начале 1970-х гг. произошла его глубокая трансформация в связи с широкомасштабным развитием атомной энергетике. В 1990-х гг. этому способствовало и расширение использования природного газа. В настоящее время во Франции наблюдается энергетический переход, обусловленный развитием возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и внедрением программ по снижению выбросов парниковых газов.

Топливо-энергетический баланс (ТЭБ) Франции включает как национальное производство, так и импорт первичных энергоносителей, что предполагает их переработку во вторичную энергию с последующим распределением, транспортировкой и конечным потреблением. В 2019 г. энергопотребление в стране, по данным компании RTE¹, было декарбонизировано почти на 92%. Вместе с тем необходимость импортировать необходимые ей энергоресурсы «тяжелым бременем лежит на торговом балансе Франции» [1, с. 66].

Согласно статистическим данным Генерального комиссариата по устойчивому развитию, Франция производит примерно половину первичной энергии, потребляемой на ее территории, и, таким образом, импорт занимает значительную долю во внешнеторговом балансе страны. В общей сложности расходы на энергию во Франции достигли рекордных 68,7 млрд евро в 2012 г., что превысило дефицит внешнеторгового баланса Франции. Спустя три года, в 2015 г., эти расходы сократились до 40 млрд евро, а потребление первичной энергии во Франции достигло 260,5 млн тонн нефтяного экви-

валента (т.н.э.). При этом, по данным Министерства энергетики Франции, из них около 140 млн т.н.э. (примерно 53%) было произведено на территории страны (<https://www.connaissancedesenergies.org/sites/default/files/pdf-actualites/datalab-30-bilan-energetique-france-2016-mars2018-d.pdf>). Эта доля оставалась примерно такой же и в последующие годы. Так, в 2019 г. 10,1% от общего объема импорта занимали углеводороды (55 млрд евро).

В течение последних 10 лет правительство Франции осуществляет масштабные реформы в пользу использования более безопасного и экономичного производства электроэнергии с целью обеспечения устойчивого и безвредного для окружающей среды энергетического развития. При этом Франция столкнулась с проблемой роста спроса на энергию по причинам, с одной стороны, экономического и демографического роста, а с другой — необходимости сокращения выбросов парниковых газов. Использование энергосберегающих технологий в жилом и промышленном секторе, а также сокращение использования углеводородов позволили заметно снизить энергопотребление в стране. Также резко сократились и выбросы парниковых газов, особенно после подписания Парижского соглашения по климату. Принятые на его основе официальные документы ЕС по энергетической политике стали обязательными для всех стран-членов.

В связи с указанными обстоятельствами борьба с изменением климата стала главным приоритетом как для Франции, так и в целом для ЕС. В июле 2017 г. Министерство экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Франции представило план по улучшению климата (Le Plan Climat)² сроком на 5 лет, направленный на повышение энергоэффективности национальной экономики путем оптимизации использования природных

¹ RTE является основным оператором системы передачи электроэнергии во Франции и дочерней компанией корпорации Électricité de France (EdF).

² Официальный сайт правительства Франции. URL: <https://www.gouvernement.fr/action/plan-climat>; Официальный сайт Министерства экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Франции. URL: <https://www.ecologique-solidaire.gouv.fr/politiques/plan-climat>.

ресурсов, внедрения новых технологий, увеличения притока инвестиций, а также создания новых рабочих мест. План предусматривает глубокие изменения в некоторых секторах экономики (строительство, транспорт, энергетика, сельское и лесное хозяйство, промышленность и утилизация отходов) и представляет собой программу действий по реформированию ТЭК страны.

Последующие два года (2018–2019) были ознаменованы одновременным пересмотром указанного плана для целей обновления данных и актуализации информации, а также для корректировки сроков выполнения ключевых задач.

При составлении данных планов правительство Франции учитывает исторически сложившиеся особенности ее энергетического сектора в сравнении с другими странами — членами ЕС. Производство электроэнергии в ней играет важную роль, так как электричество используется для отопления служебных и жилых помещений, в то время как другие европейские страны отдают предпочтение отоплению природным газом. Также в производстве электроэнергии преобладают атомные электростанции (АЭС), в то время как в других европейских странах для этой цели используются электростанции на ископаемом топливе (уголь, нефть и газ). Вследствие этого обстоятельства потребление электроэнергии на душу населения во Франции выше, чем в соседних странах, таких как Германия или Великобритания. Как уже указывалось выше, это объясняется значительным весом жилого фонда, где помещения обогреваются электричеством, поскольку только треть французских домохозяйств используют для этих целей природный газ. Расширению использования электроэнергии на базе АЭС также способствовали события прошлого века, связанные с первым нефтяным кризисом в 1974 г. и ростом военно-политической напряженности на Ближнем Востоке. Именно поэтому французское правительство для обеспечения энергетической независимости страны сделало ставку на развитие атомной энергетики. В 2016 г. 77% всей электроэнергии во Франции было произведено АЭС³. Для сравнения, на ископаемое топливо приходится около 80% энергии, производимой в Китае, 70% в США и в среднем около 55% энергии, производимой в Европе.

Благодаря ускоренному развитию АЭС Франция с 2015 г. является крупнейшим в мире чистым

экспортером электроэнергии и получает от этого более 3 млрд евро в год. Эта страна существенно опережает США по удельному весу электроэнергии, вырабатываемой АЭС, которую она экспортирует в Италию, Бельгию и другие страны [1, с. 66]. Ядерная энергетика Франции имеет установленную электрическую мощность 63,1 ГВт, что меньше установленной мощности ядерной энергетики США в 99,9 ГВт (https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/RDS_2-37_web.pdf). Таким образом, парк атомных реакторов Франции не является самым большим, но здесь атомная энергия является наиболее важной частью ТЭБ страны.

На фоне роста производства и стабильного потребления электроэнергии Франция в 2018 г. стала ее крупнейшим экспортером в Европе, опередив Германию. В общей сложности она поставила 86,3 ТВт·ч электроэнергии соседним странам, а импортировала 26,1 ТВт·ч⁴. Но именно Франции в ЕС благодаря АЭС и преобладанию других низкоуглеродных технологий имеет невысокие уровни выбросов парниковых газов по сравнению с другими европейскими странами. Так, примерно 90% французской электроэнергии поступает из низкоуглеродных источников энергии. Помимо этого, около 17% электроэнергии Франции производится из переработанного ядерного топлива, и в стране активно развиваются ядерные технологии, представляющие значительный экспортный потенциал (<http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/france.aspx>).

В 2018 г. производство электроэнергии во Франции было особенно «декарбонизировано» благодаря динамичному развитию ВИЭ и АЭС: 19 АЭС (58 ядерных реакторов) произвели 393,2 ТВт·ч, что на 3,7% больше, чем в 2017 г. Таким образом, высокая доля атомной энергетики в ТЭК страны кардинально отличает его от мировой энергетики, где основным источником производства электроэнергии является ископаемое топливо (газ, нефть и уголь), на долю которого приходится почти 80% мирового производства (<https://www.iea.org/newsroom/news/2018/april/key-electricity-trends-2017.html>). Это позволяет Франции провозгласить себя опорой Парижского соглашения по климату и претендовать на роль лидера в глобальном экологическом движении. В ней АЭС

³ Официальный сайт компании Vattenfall. URL: <https://www.vattenfall.fr/le-mag-energie/transition-energetique/mix-energetique-francais>.

⁴ Официальный сайт правительства Франции. URL: <https://www.gouvernement.fr/action/plan-climat>; Официальный сайт Министерства экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Франции. URL: <https://www.ecologique-solidaire.gouv.fr/politiques/plan-climat>.

и ГЭС обеспечивают выработку 95,9% электроэнергии без выбросов углекислого газа⁵.

Акцент на развитие атомной энергетики позволил Франции в 2016 г. занять 9-е место в мире по выработке электроэнергии и 1-е место в мире по выработке электроэнергии на АЭС (50% общей установленной мощности) (<https://www.iea.org/newsroom/news/2018/april/key-electricity-trends-2017.html>). Даже после катастрофы на японской АЭС «Фукусима-1» (2011) французское правительство заявило о намерении и далее развивать атомную энергетику, что является причиной противоречий и дискуссий по данному вопросу между ней и руководством ЕС. Несложно заметить, что структура энергопотребления Франции не соответствует таковой в ЕС. Так, в 2018 г. только около 26% электроэнергии, произведенной в нем, было ядерного происхождения (http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nrg_105a&lang=en).

Лидером атомной отрасли в стране является интегрированная государственная энергетическая компания Electricité de France (EDF), созданная в 1946 г. за счет национализации частных компаний по производству, распределению и продаже электроэнергии. С тех пор в собственности EDF находятся все гидроэлектростанции страны. С 1999 г. около 20% акций компании находятся в свободном обращении на фондовых биржах, а государству принадлежит более 80% акций. Становление компании на международном рынке происходило за счет поглощения лидирующих энергетических компаний в Великобритании, Бельгии, Германии, Нидерландах, Австрии и Польше. Благодаря этому EDF является одной из крупнейших компаний в Европе по производству электроэнергии и работает во всех сферах отрасли — от производства до сбыта энергии.

Второй по величине производитель электроэнергии во Франции — группа Areva — в настоящее время является одним из мировых лидеров в атомной энергетике и присутствует в каждой части ядерного топливного цикла.

Столь пристальное внимание к развитию атомной энергетики объясняется тем, что АЭС позволяют обеспечить постоянное производство электроэнергии, при котором нет выбросов парниковых газов, и поэтому благодаря им Франции удалось снизить зависимость от импорта энергоносителей. Так, 58 французских реакторов обеспечивают постоянное производство электроэнергии, однако в последние

годы наблюдается постепенное сокращение доли ядерной энергетики в пользу ВИЭ. Такая тенденция имеет место везде, где существует корреляция между снижением ядерной энергетики и ростом «зеленой» экономики. Расширению использования ВИЭ в последнее время способствуют и негативные стороны атомной энергетики: проблема безопасности использования АЭС, растущая стоимость станций нового поколения, негативное воздействие на окружающую среду и т.д.

Второй по величине источник электроэнергии во Франции — гидроэнергетика продемонстрировала наибольший рост производства в 2018 г. (на 27,5%) благодаря «избыточным дождевым осадкам». В 2017 г. на ГЭС было произведено 63,1 ТВт·ч электроэнергии, что составляет 12,5% от общей выработки электроэнергии в стране.

Среди других ВИЭ важно упомянуть производство ветровой и солнечной энергии, которое в 2018 г. увеличилось на 15,3 и 11,3% соответственно (по сравнению с 2017 г.) во многом вследствие благоприятных для производства электроэнергии погодных условий. В целом в 2018 г. ветроэнергетика составила 5,1% национального производства электроэнергии, а солнечная — 1,9%. Увеличение доли ядерной и возобновляемой генерации в 2018 г. привело к сокращению производства электроэнергии компаниями, работающими на углеводородном сырье, — оно снизилось на 26,8% по сравнению с предыдущим годом. Стоит отметить, что последние заводы, работающие на угле, должны быть закрыты к 2022 г. в соответствии с Долгосрочной энергетической программой Франции (PPE). Наконец, доля газовой промышленности в ТЭБ страны составила 5,7% (31,4 ТВт·ч) от общего объема электроэнергии, и она остается третьим по величине источником электроэнергии во Франции⁶.

Стратегия развития ТЭК Франции предусматривает постепенное повышение энергоэффективности, т.е. постоянное сокращение расходов на энергию. Вместе с тем нельзя не отметить, что требование ЕС о повышении доли ВИЭ в энергобалансе стран-членов стимулирует рост цен на электроэнергию. К тому же опора на данные источники не позволяет обеспечить стабильность производства, так как невозможно контролировать солнце, ветер или осадки, поэтому в настоящее время сложно в полной мере

⁵ Официальный сайт компании EDF. URL: <https://www.edf.fr/entreprises>.

⁶ Официальный сайт правительства Франции. URL: <https://www.gouvernement.fr/action/plan-climat>; Официальный сайт Министерства экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Франции. URL: <https://www.ecologique-solidaire.gouv.fr/politiques/plan-climat>.

опираться на «зеленое» электричество. Это одна из причин того, что ядерная энергетика все еще занимает доминирующие позиции в ТЭК страны. Проблема хранения электроэнергии также объясняет, почему во Франции до сих пор функционируют электростанции, работающие на ископаемом топливе, — их можно быстро запустить и восполнить нехватку электроэнергии при значительном росте потребления, как, например, зимой.

Невзирая на политику отказа от использования углеводородов в энергетике страны, некоторые компании Франции занимают весомую долю на мировых рынках нефти и газа. Крупнейшей нефтегазовой компанией в стране является Total — это также одна из глобальных нефтегазовых компаний, которая входит в тройку мировых лидеров по производству сжиженного природного газа (СПГ). Другая крупная компания GDF Suez работает в основном в газовой отрасли, электроэнергетике и секторе энергетических услуг. В последние годы она расширяет присутствие на быстрорастущих рынках и диверсифицирует свою деятельность. Государству в ней принадлежит 33,2% капитала, прочим акционерам — не более 5% каждому.

Основные направления энергетической политики страны определяют следующие структуры: Министерство окружающей среды, энергетике и моря (Le ministère de l'Environnement, de l'Énergie et de la Mer), Комиссия по регулированию энергетике (La Commission de régulation de l'énergie), производители и поставщики газа и электроэнергии, а также операторы систем передачи и распределения (RTE, Enedis, GRDF).

Во II квартале 2018 г. Комиссия по регулированию энергетике Франции опубликовала исследование, в котором изложены основные тенденции и предстоящие изменения в энергетическом секторе национальной экономики (<http://prospective.cre.fr/etude-sur-les-perspectives-strategiques-dans-le-secteur-de-lenergie>). В исследовании говорится о тенденции снижения спроса на электроэнергию, которая будет усиливаться по мере повышения энергоэффективности производства. Отмечено, что инновации также ускоряют трансформацию энергетического сектора, в частности это касается снижения издержек производства ВИЭ, особенно фотоэлектрических панелей и батарей.

Получение доступа к надежному и недорогому источнику энергии является необходимым условием для эффективного функционирования современного общества и обеспечения энергетической независимости

страны. Поэтому обеспечение бесперебойности и безопасности поставок и снижение зависимости от импорта являются основными целями энергетической политики в соответствии с законодательством Франции (статья L.100–1 Энергетического кодекса) (<https://beta.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000031063189/2015-08-19>). За безопасность поставок урана для производства электроэнергии отвечает корпорация EDF, которая в своей деятельности использует для этого несколько инструментов.

Во-первых, географическую и коммерческую диверсификацию источников поставок для каждой стадии топливного цикла: добычи, переработки, обогащения и сборки. Эта диверсификация особенно важна, поскольку EDF осуществляет поставки из таких стран, как Казахстан, Канада, Австралия и Нигер. Во-вторых, обеспечение безопасности поставок на договорной основе и в долгосрочной перспективе. Потребности EDF в полной мере покрываются на последующие 10 лет. В-третьих, управление запасами. Крупные запасы урана сопровождают всю цепочку ядерного топливного цикла и сводят к минимуму риск перерыва в поставках и позволяют эксплуатировать реакторы французской АЭС в течение нескольких лет.

Таким образом, энергетическая безопасность Франции обеспечивается в полной мере благодаря активной позиции государства в данном вопросе. Для более широкого понимания масштабов развития атомной энергетике в этой стране необходимо сравнить ее с другой атомной державой, например с Россией. В 2019 г. в России работало 10 АЭС (35 ядерных энергоблоков), что составляет 26,98 ГВт установленной мощности. В энергобалансе страны на АЭС приходится 17% (<http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/russia-nuclear-power.aspx>). Это примерно в два раза и по количеству АЭС, и по мощности меньше, чем во Франции.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЭК ФРАНЦИИ

Стратегия развития энергетического сектора Франции включает в себя 20 направлений. Так, в сфере производства энергии намечено закрытие последних угольных электростанций к 2022 г. и запрет на новые проекты электростанций с использованием ископаемого топлива; удвоение установленной мощности ВИЭ к 2028 г.; достижение 50%-ной доли ядерной энергетике в структуре энергоснабжения Франции к 2035 г. и увеличение производительности ВИЭ с 40 до 59%. Также в рамках данной стра-

тегии будут приняты меры, направленные на повышение эффективности систем отопления, обеспечение работы транспортных сетей без углеводородов, сокращение выбросов парниковых газов во всех сферах производства и т.д.

Как уже отмечалось выше, в декабре 2015 г. было принято Парижское соглашение по климату, основные цели которого: не допустить повышения средней температуры на планете выше 2 °С по отношению к показателям доиндустриальной эпохи; ограничить выбросы парниковых газов, получаемых в результате промышленной деятельности человека; увеличить вклад каждой отдельной страны по снижению вредных выбросов в атмосферу; организовать выделение средств в специальный климатический фонд на борьбу с последствиями климатических изменений и переход на использование ВИЭ.

Для достижения этих целей ЕС поставил перед собой задачу добиться углеродной нейтральности к 2050 г. Она предполагает, что баланс выбросов в рамках отдельной национальной экономики должен быть равен нулю или отрицателен. Поскольку такие требования должны выполнить все страны, подписавшие Парижское соглашение, то во Франции в связи с этим были приняты два основных документа: Национальная стратегия по снижению выбросов углерода (Stratégie Nationale Bas-Carbone, SNBC)⁷ и Долгосрочная энергетическая программа Франции (Programmations pluriannuelles de l'énergie, PPE) (<https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000041814432&dateTexte=20200507>). Нетрудно заметить, что данная стратегия и программа соответствуют руководящим документам ЕС. Так, опубликованный и размещенный на официальном сайте Еврокомиссии (ЕК) документ 28.11.2018-COM (2018) 773 «Чистая планета для всех — европейское стратегическое долгосрочное видение процветающей, современной, конкурентоспособной и климатически нейтральной экономики» (далее Стратегия-2050) является обязательным для всех стран — членов Евросоюза (https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en).

Национальная стратегия по сокращению выбросов парниковых газов является дорожной картой Франции в области деятельности по смягчению последствий изменения климата. Стратегия устанавливает

цели по сокращению выбросов парниковых газов по всей Франции в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также реализует цели правительства, представленные в июле 2017 г. в Климатическом плане для ускорения достижения условий Парижского соглашения. В ней содержатся руководящие принципы государственной политики по осуществлению перехода к низкоуглеродной экономике.

Достижение настолько низкого уровня выбросов парниковых газов к 2050 г. достаточно затруднительно для Франции, однако данная стратегия была разработана в результате многосторонних консультаций с заинтересованными сторонами (энергетическими компаниями, профсоюзами и т.д.). Поэтому предполагается, что меры государственной политики могут позволить Франции достичь своих климатических и энергетических целей в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Для этого планируется больше инвестировать в развитие ВИЭ, а также сократить потребление энергии во всех секторах экономики за счет повышения ее энергоэффективности.

Предполагается, что многолетняя Программа развития энергетики позволит сделать энергетическую систему страны более устойчивой, эффективной и диверсифицированной. Переход к такой системе должен осуществляться поэтапно в следующие 10 лет. В отличие от Национальной стратегии по сокращению выбросов парниковых газов, многолетняя Программа фокусируется одновременно на всех секторах энергетики Франции, что позволяет в полной мере контролировать развитие всего ТЭК.

В Программе представлены более 100 мер, направленных на стимулирование экономического роста и решение проблемы изменения климата. Ожидается, что в результате их реализации ВВП страны вырастет на 1,3% в 2023 г. и на 2% в 2028 г. Также Программа предусматривает выделение дополнительной государственной финансовой поддержки в размере от 20 до 30 млрд евро в период между 2018 и 2028 гг. Эти значительные суммы позволят увеличить производство ВИЭ на 100 ТВт·ч в год, и благодаря этому стоимость электроэнергии будет в 10 раз дешевле вследствие резкого снижения затрат в этом секторе.

Долгосрочная стратегия развития ТЭК Франции включает в себя 4 основных цели, которые необходимо достичь к 2050 г. Первая цель — сокращение потребления энергии. Однако энергетических ресурсов, не содержащих углерода, недостаточно, чтобы заменить все ископаемое топливо, потребляемое в настоящее время, и поэтому предусмотрены до-

⁷ Официальный сайт Министерства экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Франции. URL: <https://www.ecologique-solidaire.gouv.fr/strategie-nationale-bas-carbone-snbc>.

полнительные меры по снижению энергопотребления. В первую очередь его предполагается снизить в транспортном и промышленном секторах, для чего государством предусмотрен ряд стимулирующих мер. Они включают предоставление налоговых льгот и кредитование на льготных условиях для компаний, содействующих экологической деятельности и соблюдающих требования стандартов национального агентства по вопросам жилищного строительства, финансирование аудита и диагностики для домохозяйств с низким доходом, субсидирование производства ВИЭ и т.д.

Значимую роль также играет сокращение выбросов парниковых газов в транспортном секторе. Планируется к 2040 г. полностью прекратить продажи новых автомобилей с выбросами парниковых газов, в связи с чем увеличится количество станций зарядки электромобилей. Соответствующий закон (Loi d'orientation des mobilités) (<https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000039666574&categorieLien=id>.) предусматривает, во-первых, увеличение инвестиций в инфраструктуру для улучшения качества ежедневных поездок; во-вторых, развитие инновационной деятельности по развитию транспортных систем, доступных для каждого; и, в-третьих, уменьшение влияния транспорта на окружающую среду. Данный подход интересен тем, что государство не планирует перестраивать инфраструктуру, а берет на себя роль посредника, предоставляя субъектам все необходимые инструменты для оптимального решения задач инновационной деятельности и улучшения повседневной мобильности граждан Франции.

Вторая цель, обозначенная в Стратегии, — это снижение использования ископаемых видов топлива. Ожидается, что к 2028 г. первичное потребление угля, нефтепродуктов и природного газа снизится по сравнению с 2012 г. на 80; 35 и 19% соответственно. Меры по снижению доли ископаемых видов топлива предполагают замещение топливных энергоресурсов ВИЭ.

Третья цель Стратегии — диверсификация энергетического сектора путем развития ВИЭ и сокращения доли ядерной энергетики в энергобалансе Франции. Согласно закону о переходе к низкоуглеродной энергетике (Loi de Transition Énergétique pour la Croissance Verte) (<https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000039666574&categorieLien=id>.) к 2030 г. 32% потребляемой Францией энергии будет производиться ВИЭ. Также намечен целевой показатель сокращения доли ядерной энергетики до

50%. Многолетняя Программа развития энергетики установила некоторые цели для ускорения темпов развития ВИЭ к 2028 г. В частности, к ним относятся удвоение установленной мощности ВИЭ к 2028 г. и увеличение производства электроэнергии на 40–59% по сравнению с 2016 г. Также предусмотрено проведение работ по разработке экологически чистого биотоплива из отходов или непищевого сырья.

Четвертая цель на пути диверсификации ТЭБа — к 2030 г. 10% потребления природного газа должен составлять биогаз. Природный газ является важнейшей частью энергетики Франции, так как позволяет удовлетворять спрос при пиковых значениях зимой и является ископаемым сырьем с наименьшими выбросами углерода. Тем не менее в долгосрочной перспективе его придется заменить биогазом или новым синтез-газом, произведенным с использованием ВИЭ. В настоящее время затраты на производство возобновляемых газов высоки, но основные игроки этого сектора указывают на существование перспектив их снижения.

В 2017 г. доля ВИЭ составила 17% национального производства электроэнергии, а целевой показатель, установленный Программой, предполагает достижение 40% к 2030 г. Основными средствами достижения данной цели станут гидроэнергетика, солнечная фотоэлектрическая (PV) и ветровая энергия на суше, а затем постепенно ветровая энергия в море, производство которой в ближайшие годы значительно увеличится. Таким образом, общие установленные мощности секторов возобновляемой энергетики будут увеличены с 48,6 ГВт (в конце 2017 г.) до 74 ГВт в 2023 г. и до 102–113 ГВт в 2028 г. На поддержку развития ВИЭ государство намерено выделить до 7–8 млрд евро вместо нынешних 5 млрд. Субсидироваться будет преимущественно наземная ветроэнергетика, для которой планируется утроение мощности к 2030 г., и солнечная, мощность которой вырастет в 5 раз. Предусмотрена и разработка ветровых турбин, устанавливаемых на морском дне вблизи побережья. В целом ВИЭ должны обеспечить 40% производства электроэнергии к 2030 г. (<https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000039666574&categorieLien=id>.)

Что касается сокращения существующих ядерных мощностей, то необходимость этого трудного решения объяснялась тем, что более диверсифицированная электрическая система является и более устойчивой. Предполагалось, что остановка 14 ядерных реакторов и сокращение ядерной энергетики до 50% к 2035 г. не потребуют создания нового проекта

по энергетике и не приведут к увеличению выбросов парниковых газов в стране. Понятно, что такие аргументы являются малоубедительными, и в конце 2019 г. французское правительство, не поставив никого из европейских партнеров в известность, поручило концерну EDF подготовить проект по введению в строй, начиная с 2021 г., 6 атомных реакторов нового поколения. Это решение принял лично президент Франции Э. Макрон, который видит в атомной энергетике гарантию суверенитета страны и считает, что Франция должна и дальше ее развивать на основе новых технологий. Как сказал когда-то генерал Ш. де Голль, энергетический суверенитет для Франции не имеет цены [2].

ВЫВОДЫ

1. В ТЭК Франции основную долю занимает ядерная энергетика, и эта страна является вторым в мире после США производителем электроэнергии АЭС. На сегодняшний день в атомную отрасль Франции входят 2600 предприятий (85% из них — это малые и средние компании), которые прямо или косвенно обеспечивают занятость 220 тыс. рабочих и служащих. Годовой оборот в отрасли составляет около 50 млрд евро, при этом 22% приходится на экспортные операции [3].

Реализация государственной программы строительства АЭС привела к тому, что Франция наряду с Россией обладает наиболее полным комплектом предприятий, необходимых для функционирования и развития атомной энергетике. Французские компании самостоятельно обогащают уран, проводят его конверсию, производят ядерное топливо и развивают технологии его переработки. Государственная компания EDF является крупнейшим оператором АЭС и функционирует не только во Франции, но и в Германии, Великобритании, Бельгии, Польше, Италии и других странах.

2. В силу изменения глобальной структуры энергопотребления в пользу альтернативных и более экологически чистых энергоносителей руководство Франции прилагает усилия по разработке и внедрению стратегий и программ реформирования энергетике в соответствии с планами ЕС. Поэтому в 2017 г. в этой стране потенциал возобновляемой энергии достиг рекордного уровня за счет снижения затрат производства, увеличения инвестиций и внедрения новых технологий (<https://www.lefigaro.fr/conjoncture/2018/11/09/20002-20181109ARTFIG00194-hausse-des-taxes-sur-les-carburants-le-gouvernement-denonce-une-desinformation.php>). Активному раз-

витию альтернативной энергетике способствовал комплекс мер долгосрочной Стратегии развития ТЭК Франции, главной целью которой является достижение углеродной нейтральности к 2050 г. Согласно весьма спорному докладу Агентства по охране окружающей среды и контролю за энергией (Agence de l'environnement et de la maîtrise de l'énergie ADEME), Франция может полностью перейти на ВИЭ к середине XXI в. [1, с. 68]. Однако на современном этапе невозможно с уверенностью определить, какой вид производства электроэнергии будет наиболее конкурентоспособным для замещения ядерной энергетике, поэтому Франция намерена поддерживать производственные мощности для строительства новых ядерных реакторов в целях обеспечения энергетической безопасности страны.

3. Энергетика Франции дает стране ряд преимуществ перед другими странами ЕС: она имеет наиболее конкурентоспособную и стабильную стоимость электроэнергии, и при этом производит наименьшее количество выбросов вредных газов в атмосферу. Так, «карбонемкость» экономики страны в настоящее время снизилась почти на 30% по сравнению с уровнем 2004 г. Однако попытка президента Франции Э. Макрона ввести «зеленый» налог на автомобильное топливо стала одной из причин возникновения протестного движения «желтых жилетов» (<https://www.lefigaro.fr/conjoncture/2018/11/09/20002-20181109ARTFIG00194-hausse-des-taxes-sur-les-carburants-le-gouvernement-denonce-une-desinformation.php>). Поэтому правительство страны в соответствии с планирующимся решением ЕС предполагает сделать упор на введение углеродного налога для импортеров, который может затронуть импорт из США, Китая и России. Но принятие такой меры потребует достаточно много времени [4]. Ожидается, что соответствующий закон будет принят в ЕС к 2022 г.

4. На современном этапе развития Франции необходимо внимательно отслеживать изменение баланса сил между крупными поставщиками и потребителями энергоресурсов, чтобы обеспечить национальную энергетическую безопасность в условиях усиливающейся глобальной нестабильности. Очевидно, что от устойчивости отношений между США и Китаем во многом зависит прочность всей международной торговой системы и соответственно Франция должна это учитывать. Вместе с тем серьезного внимания заслуживают отношения Франции с Россией, которые традиционно были достаточно позитивными. В диалоге с США Франция может столкнуться с про-

блемами, которые рискуют обострить ее разногласия с американским президентом. Это касается, прежде всего, Парижского соглашения по климату, так как защита окружающей среды стала краеугольным камнем в деятельности французской дипломатии.

5. Значительные изменения в экономике большинства стран ЕС, в том числе и Франции, происходят в связи с выходом Великобритании из состава ЕС в январе 2020 г. Франция изначально не была заинтересована в так называемом брексите, так как Великобритания является ее важным торгово-инвестиционным партнером и крупнейшим поставщиком энергии. Вместе с тем объем экспорта составляет только 3% от общего производства электроэнергии в стране, поэтому выход Великобритании из состава ЕС не должен отразиться на внешней энергетической

стратегии Франции. Кроме того, компания EDF заявила о намерении продолжать свою деятельность в Великобритании, несмотря на политические последствия ее выхода из ЕС. Она имеет в этой стране дочернюю компанию EDF Energy, которая является одним из ведущих поставщиков электроэнергии и эксплуатирует 15 ядерных реакторов. Компанией уже были предприняты меры для предотвращения основных проблем, которые могут возникнуть при реформатировании отношений между Великобританией и ЕС.

Таким образом, ТЭК Франции в настоящее время вполне способен решить проблемы обеспечения энергетической безопасности страны вне зависимости от внешних условий и создавать стимулы для развития реального сектора национальной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Овакимян М.С. Топливо-энергетический комплекс Франции / Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН; 2016.
2. Добров Д. Откажется ли Франция от атомной энергетики? URL: <https://inosmi.ru/politic/20200127/246703727.html>.
3. Гагаринская И.В. Франция начинает пересматривать планы по развитию энергетики. URL: http://www.ng.ru/energy/2019-02-11/9_7504_france.html.
4. Прокофьев И.В., Каратаев С.В., Грибова Н.В., Захаров П.В., Трошин Н.Н., Холодков В.М., Дмитриева А.Б. Будущее глобализации под угрозой? *Проблемы национальной стратегии*. 2018;(3):11–56.

REFERENCES

1. Ovakimyan M.S. Fuel and energy complex of France. In: France on the threshold of change: economy and politics at the beginning of the XXI century. A.V. Kuznetsov, M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeev, eds. Moscow: IMEMO RAS; 2016. (In Russ.).
2. Dobrov D. Will France Give Up Nuclear Energy? URL: <https://inosmi.ru/politic/20200127/246703727.html>.
3. Gagarinskaya I.V. France begins to revise plans for energy development. URL: http://www.ng.ru/energy/2019-02-11/9_7504_france.html.
4. Prokofiev I.V., Karataev S.V., Gribova N.V., Zakharov P.V., Troshin N.N., Kholodkov V.M., Dmitrieva A.B. Is the future of globalization at stake? *Problemy natsional'noy strategii*. 2018;(3):11–56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алла Борисовна Секачева — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
aline_ph@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla B. Sekacheva — Associate Professor, Cand. Sci. (Econ.), Department of World Economy, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
aline_ph@rambler.ru

*Статья поступила 05.09.2020; после рецензирования 15.09.2020; принята к публикации 16.10.2020.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.09.2020; revised on 15.09.2020 and accepted for publication on 16.10.2020.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-15-21
УДК 338.012(045)
JEL O25, Z10

Японские «креативные отрасли» на глобальных рынках: текущие проблемы и роль государства

Г.Д. Паксютов

МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7153-4315>

АННОТАЦИЯ

В академической литературе и экономической практике приобрела значительное распространение концепция «креативных отраслей», которые считаются одним из важнейших источников роста современной экономики. В Японии развитие национальных «креативных отраслей» является важным направлением государственной политики (собирательное название для правительственных инициатив в данной сфере – стратегия Cool Japan). Предполагается, что культурные и «креативные» отрасли должны способствовать возрождению национальной экономики после затяжной стагнации («потерянное десятилетие»), укреплению позиций Японии на мировой политической арене. Изучению особенностей японских «креативных отраслей» и результатов стратегии Cool Japan посвящена достаточно обширная исследовательская литература, в которой освещается ряд факторов, сдерживающих экспорт «креативных» благ из Японии. Среди таких факторов – недостаточные усилия по международному маркетингу продукции, развитию международных каналов дистрибуции и др. Кроме того, автор отмечает, что негативное влияние на уровень японского «креативного» экспорта оказывает преобладание на внутреннем японском рынке продаж контента на физических носителях, а также избыточная специализация на обслуживании внутреннего спроса («галапагосский синдром»). Ярким позитивным исключением из этих тенденций является сотрудничество японских производителей анимации со «стриминговым сервисом» Netflix. В ответе на имеющиеся вызовы немаловажную роль может сыграть государственная политика по развитию национальных «креативных отраслей».

Ключевые слова: «креативные отрасли»; культурные отрасли; Cool Japan; политика в сфере «креативных отраслей»

Для цитирования: Паксютов Г.Д. Японские «креативные отрасли» на глобальных рынках: текущие проблемы и роль государства. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):15-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-15-21

ORIGINAL PAPER

Japan's Exports of Creative Goods: Current Challenges and State Policy

G.D. Paksiotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7153-4315>

ABSTRACT

For the last two or three decades, concepts such as 'creative industries' and 'creative economy' have become widely recognized and influential in both academic literature and business practice. Creative industries are believed to be a key engine of economic growth in the current era. In Japan, development of the nation's creative industries is an essential priority of the state, and various measures aimed at achieving this goal have been implemented, which are often collectively referred to as 'Cool Japan' strategy. It is assumed that cultural and creative industries present Japan with a possibility to revitalize the national economy after the long period of unsatisfactory performance known as 'the Lost Decade' and to strengthen the country's position on the global political arena. There are numerous academic studies dedicated to the analysis of 'Cool Japan' strategy and the accession of Japan's creative industries' performance. The authors of these studies, who are often sceptical of 'Cool Japan' strategy, highlight several factors hindering Japanese creative exports, such as insufficient international marketing efforts and underdeveloped international distribution

© Паксютов Г.Д., 2020

networks. Furthermore, it is asserted that Japanese creative exports are restricted by the Japanese content producers' hesitation to switch to digital technologies and by their focus on catering to the domestic market ('Galapagos syndrome'). Collaboration between Japanese animation producers and Netflix is a notable exception. National creative industries policy could play an important role in overcoming of all challenges mentioned above.

Keywords: creative industries; cultural industries; Cool Japan; creative industries policy

For citation: Paksiutov G.D. Japan's exports of creative goods: Current challenges and state policy. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):15-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-15-21

ВВЕДЕНИЕ

Популярность японской массовой культуры (видеоигр, анимации, кино и т.д.), особенно в странах Азии, привела к тому, что в исследовательском сообществе сформировался большой интерес к японским «креативным отраслям» и государственным мерам по их поддержке. Тем не менее в последние годы японские «креативные отрасли» демонстрируют достаточно скромные результаты на глобальной арене в сравнении с конкурентами из Южной Кореи, Китая и других стран. В этой связи наиболее актуальные исследования все чаще делают акцент не на экспортном потенциале японской культуры, а на том, что реализовать его в полной мере не удается.

Целью данного исследования является прояснение факторов, негативно влияющих на экспорт продукции японских «креативных отраслей», в том числе с опорой на детальное изучение академической литературы о данной проблеме.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «КРЕАТИВНЫХ ОТРАСЛЕЙ»

В последние два-три десятилетия получила широкое распространение и признание идея о том, что в современной экономике все большее значение приобретают креативность, знания, культурные ресурсы. Это представление нашло свое выражение в концепциях «креативной экономики», «креативных отраслей», «экономики знаний», которые часто употребляются синонимично. Так, влиятельный социолог Р. Флорида утверждает: «Современная экономика приводится в действие человеческой креативностью» [1, с. 18]; «современная экономика по существу является креативной экономикой» [1, с. 58]. Флорида признает близость своих идей к концепции «экономики знаний», ключевым основоположником которой называет П. Друкера, однако подчеркивает, что в его собственной теории главную роль играет не знание как таковое, а креативность, т.е. «создание на базе... знания практических новых форм» [1, с. 58]. Сам Друкер еще в 1993 г. утверждал, что «зна-

ние является и будет являться... основополагающим экономическим ресурсом» [2, р. 7], при этом знание им определялось как «информация, проявляющая себя в действии, информация, сфокусированная на результатах» [2, р. 42]. Подход Флориды по сравнению с подходом Друкера является расширительным, так как эксплицитно включает в себя отрасли культурного производства и потребления. Сходным является и определение популяризатора концепции «креативной экономики» Дж. Хокинса: «креативная экономика — это творческий продукт, умноженный на финансовые трансакции» [3, с. 101], где «творческий продукт» понимается как «товар или услуга, созданный в результате творческого процесса и имеющий экономическую ценность» [3, с. 101]. В своей книге Хокинс указывает 15 отраслей, в которых «творчество — самый важный сырьевой ресурс» (например, реклама, кино, дизайн и т.д.) [3, с. 101]. Это так называемые «креативные отрасли».

На примере табл. 1 проиллюстрируем возрастающее экономическое значение «креативных отраслей». Таблица демонстрирует отношение совокупного размера мирового рынка развлечений и медиа к мировому ВВП. Как можно видеть, за рассматриваемый период в 7 лет вклад данного рынка в мировой ВВП вырос почти на треть. В то время как рынок развлечений и медиа за рассматриваемый период рос в среднем темпами около 7% в год, мировой ВВП рос в среднем на 2% в год. На этом примере видно, что креативные отрасли могут обеспечивать темпы экономического роста, существенно превышающие средние по экономике.

«КРЕАТИВНЫЕ ОТРАСЛИ» В ЯПОНИИ. СТРАТЕГИЯ COOL JAPAN

Впервые к экономическому и политическому потенциалу японских «креативных отраслей» привлек широкое внимание Д. Макгрей, который в своей статье, вышедшей в 2002 г., утверждал, что Япония «заново изобретает понятие сверхдержавы» [4, р. 44]. В десятилетия после Второй мировой войны «японское экономическое чудо» привело к тому,

Таблица 1 / Table 1

Размер мирового рынка развлечений и медиа, мировой ВВП, трлн долл., и вклад рынка развлечений и медиа в мировой ВВП, % (2011–2018) / The volume of global entertainment and media market, world GDP, USD tn, and contribution of the global media and entertainment market to the world GDP, % (2011–2018)

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Развлечения и медиа	1,39	1,46	1,54	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1
Мировой ВВП	73,39	75,08	77,24	79,33	75,05	76,16	80,95	85,91
Вклад развлечений и медиа в мировой ВВП	1,89	1,94	1,99	2,14	2,40	2,49	2,47	2,44

Источник / Source: составлено автором по данным Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/237749/value-of-the-global-entertainment-and-media-market>; World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 19.04.2020) / compiled by the author based on data from Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/237749/value-of-the-global-entertainment-and-media-market>; World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed on 04.19.2020).

что на международной арене Страна восходящего солнца ассоциировалась с экономической мощью, высоким качеством японских технологий и потребительской продукции — электроники и автомобилей. Затем затяжная экономическая стагнация («потерянное десятилетие», начавшееся после кризиса 1991–1992 гг.) лишила Японию статуса экономической сверхдержавы. Несмотря на это, глобальное культурное влияние Японии только возросло, сделав страну сверхдержавой нового типа [4, р. 47]. Впоследствии стал широко обсуждаться потенциал «креативных отраслей» как драйвера развития современной японской экономики, важной составляющей новой экономической модели, способной ревитализировать национальную экономику [5]. В отечественной исследовательской литературе экономическое значение «креативных отраслей» для экономики Японии детально рассматривалось в [6, 7].

Приведенные выше табл. 2 и 3 демонстрируют размеры продукции некоторых «креативных отраслей» на внутренних японских рынках, а также позиции, которые японские рынки занимают среди крупнейших мировых рынков соответствующей продукции. По данным таблиц видно, что Япония является одним из мировых лидеров на рынках музыки, игр, кино и пр.

На государственном уровне стратегия использования современных медиа и поп-культуры в национальных интересах была официально провозглашена в Японии правительством Д. Коидзуми (2001–2006) [8, р. 423]. Обращаясь к парламенту страны в январе 2005 г., Коидзуми заявил, что правительство будет способствовать позитивному восприятию Японии за рубежом посредством продвижения продукции

креативных отраслей, таких как кино, анимация, мода. Для продвижения подобной продукции был создан ряд правительственных комитетов. Общим термином для концепций и стратегий, связанных с продвижением японской культурной продукции, стало словосочетание Cool Japan. В 2010 г. в составе Министерства экономики, торговли и промышленности Японии (METI) был создан офис Cool Japan, курирующий осуществление данной инициативы. Премьер-министр Японии Абэ Синдзо в 2013 г. впервые создал в правительстве должность министра по стратегии Cool Japan¹.

ЯПОНСКИЕ «КРЕАТИВНЫЕ ОТРАСЛИ» НА ГЛОБАЛЬНЫХ РЫНКАХ: ОЦЕНКИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В целом необходимо констатировать, что эксперты в самой Японии и за ее пределами достаточно пессимистичны в оценках результатов японских «креативных отраслей» на внешних рынках. Так, согласно Н. Кавасима, на текущем этапе не удалось реализовать экспортный потенциал японской поп-культуры, за исключением только индустрии видеоигр [9, р. 24]. Перечисляются несколько факторов, препятствовавших удовлетворительному росту экспорта японских «креативных отраслей»: проблемы с защитой прав интеллектуальной собственности в странах Азии; недостаточный маркетинг японских медиапродуктов за рубежом; доминирование в анимационной и киноиндустрии модели финансирования проектов («производственный

¹ The Nation. Abe aims to boost the power of 'Cool Japan' cultural exports. URL: <http://www.nationmultimedia.com/opinion/Abe-aims-to-boost-the-power-of-Cool-Japan-cultural-30202639.html>.

Таблица 2 / Table 2

Японские рынки кино, рекламы, видеоигр и цифровых медиа*, млрд долл. (2019) / Japan's markets for motion pictures, advertising, video games and digital media, USD bn (2019)

Индустрия	Кино	Реклама	Видеоигры	Цифровые медиа
Размер японского рынка	2,4	1,34	18,68	16,55
Позиция Японии в мире	3	4	3	3

Примечание: * «Цифровые медиа» — это аудиовизуальный контент, потребляемый посредством цифровых электронных устройств (смартфоны, планшеты и др.), а также приложения для данных устройств.

Источник / Source: составлено автором по данным FIPP. URL: <https://www.fipp.com/news/insightnews/chart-week-where-media-market-four-years>; MPAА. URL: <https://www.motionpictures.org/wp-content/uploads/2020/03/MPA-THEME-2019.pdf>; Newzoo. URL: <https://newzoo.com/insights/rankings/top-10-countries-by-game-revenues>; Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/276653/revenue-forecast-for-the-largest-advertising-markets> / compiled by the author according to FIPP. URL: <https://www.fipp.com/news/insightnews/chart-week-where-media-market-four-years> (accessed on 04.19.2020); MPAА. URL: <https://www.motionpictures.org/wp-content/uploads/2020/03/MPA-THEME-2019.pdf>; Newzoo. URL: <https://newzoo.com/insights/rankings/top-10-countries-by-game-revenues>; Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/276653/revenue-forecast-for-the-largest-advertising-markets>.

Таблица 3 / Table 3

Японские рынки музыки, мобильных игр и книг, млрд долл. (2017) / Japan's markets for music, mobile games and books, USD bn (2017)

Индустрия	Музыка	Мобильные игры	Книги
Размер японского рынка	2,73	10,6	5,25
Позиция Японии в мире	2	3	4

Источник / Source: составлено автором по данным RIAJ. URL: <https://www.riaj.or.jp/riaj/open/open-record?file?fid=1638>; IndianWeb2; URL: <https://www.indianweb2.com/2020/01/13/2019-numbers-the-biggest-mobile-gaming-markets-in-the-world/>; Dentsu. URL: https://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2019.pdf; Exchange rates UK. URL: https://www.exchangerates.org.uk/historical/USD/31_12_2017 / compiled by the author based on data from RIAJ. URL: <https://www.riaj.or.jp/riaj/open/open-record?file?fid=1638>; IndianWeb2. URL: <https://www.indianweb2.com/2020/01/13/2019-numbers-the-biggest-mobile-gaming-markets-in-the-world/>; Dentsu. URL: https://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2019.pdf; Exchange rates UK. URL: https://www.exchangerates.org.uk/historical/USD/31_12_2017.

комитет», «сэйсаку шинкай»), которая плохо подходит для экспортной деятельности, а также сравнительно невысокий уровень доходов населения на азиатских рынках, на которых популярна японская креативная продукция [9, р. 25–26]. Подводя итоги, Кавасима утверждает, что ответственность за не вполне удовлетворительные результаты в японских «креативных отраслях» лежит на них самих, а не на авторах государственной политики по их поддержке. Напротив, в рамках данной политики «сделано, что было возможно» [9, р. 33]. Для сравнения, К. Ивабути считает, что принятые меры по продвижению японского «контента» за рубеж были неудовлетворительными — в том числе утверждает, что «не было серьезных попыток развить новые каналы международной дистрибуции» [10, р. 39].

Еще более системной критике стратегию Cool Japan подвергает С. Ояма. Примечательно, что он в качестве эталона принимает «глобальную модель креативных отраслей», в первую очередь — британ-

скую [11, р. 1]. Ояма утверждает, что стратегия Cool Japan не уделяет внимания привлечению в японские «креативные отрасли» молодых кадров; не отдает достаточный приоритет малому бизнесу по сравнению с крупнейшими медиаконгломератами; не включает в себя меры по привлечению иностранных инвестиций (напротив, правительство усилило ограничения на покупку иностранцами акций в японских телекомпаниях) [11, р. 6]. На этих основаниях Ояма приходит к заключению, что стратегию Cool Japan следует считать скорее комплексом мер по «национальному брендингу» (nation branding), нежели полноценной политикой развития «креативных отраслей» [11, р. 6]. Также Ояма замечает, что Cool Japan не включает меры по поддержке «новых медиа» [11, р. 6]. Он приводит анализ японской медиаиндустрии и демонстрирует, что в Японии доминируют крупные компании, представляющие «старые медиа» — традиционные издательства, кинокомпании, телеведущие, защищенные от конкурентов различными юриди-

Таблица 4 / Table 4

**Доля экспорта культурных благ в совокупном экспорте, % (2017) /
Share of exports of cultural goods in total exports of goods, % (2017)**

Страна	Япония	Франция	Германия	Италия	Южная Корея	Великобритания	США
Доля экспорта культурных благ	0,49	1,62	0,51	1,82	0,62	3,37	1,77

Источник / Source: составлено автором по данным UIS. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> / compiled by the author based on data from UIS. URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.

ческими ограничениями и политическими мерами [11, р. 13]. «Новые медиа», такие как цифровые медиаплатформы, социальные сети и др., «сталкиваются с недоверием» со стороны «старых медиа» [11, р. 11]. В заключение Ояма заявляет, что применение в Японии «глобальной модели креативных отраслей» привело бы к куда более масштабной дерегуляции и глобализации национальных медиа и культурных отраслей [11, р. 17].

Таблица 4 демонстрирует долю экспорта культурных благ (по классификации и данным ЮНЕСКО) в совокупном экспорте Японии и некоторых других развитых стран. Как видно из таблицы, экспорт культурных благ имеет для Японии относительно невысокое значение, несмотря на большой потенциал японских «креативных отраслей» и обширную «фанатскую базу» японской популярной культуры за рубежом, что подтверждает обоснованность рассмотренных выше критических замечаний. При подобных сравнениях, однако, необходимо учитывать, что дать экспорту культурных товаров и услуг однозначную количественную оценку крайне затруднительно.

В исследовательской литературе имеются примеры критики японских «креативных отраслей» и стратегии Cool Japan с идеологической, ценностной точки зрения. Отмечаются следующие недостатки политики японского правительства в сфере «креативных отраслей»: недостаточное внимание к «культурному разнообразию» внутри страны [8, р. 427] и «демократизирующему потенциалу» современной культуры [12, р. 11]. К. Ивабути полагает, что развитие японских «креативных отраслей» должно быть сопряжено со стимулированием этнического и социокультурного разнообразия. Ссылаясь на идеи Р. Флориды, он утверждает, что «в идеале... в глобальном креативном городе... талантливые, креативные люди собираются и работают вместе вне зависимости от их социокультурного бэкграунда» [12, р. 8–9].

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ «КРЕАТИВНЫХ ОТРАСЛЕЙ», СДЕРЖИВАЮЩИЕ ИХ ПРОДВИЖЕНИЕ НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ

Детальное изучение особенностей развития японских «креативных отраслей» с социокультурной точки зрения является отдельной задачей, слишком крупной, чтобы выполнить ее в данной работе. Подводя итоги поведенного выше обзора литературы, отметим, что вне зависимости от предпочтительной модели национальных «креативных отраслей» трудно не согласиться с тем, что продвижение японской «креативной» и культурной продукции сдерживается недостаточным вниманием, которое уделяется международному маркетингу такой продукции и развитию каналов ее дистрибуции за рубежом. Укажем на некоторые другие особенности японских производителей «креативных» благ, негативно влияющие на их позиции на глобальных рынках.

Заметим, что для внутренних рынков многих японских «креативных отраслей» характерной является достаточно низкая (относительно других развитых стран) доля продаж «контента» в цифровом виде. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие данную тенденцию. Так, по данным за 2017 г., в Японии продажи на физических носителях составляют 60% продаж музыки (для сравнения, средний мировой показатель — 30%)^{2,3}. Рынок бумажных газет сохраняет мощные позиции в условиях конкуренции с цифровыми альтернативами (две японские газеты, Yomiuri Shimbun и Asahi Shimbun, являются мировыми лидерами по размерам тира-

² Dentsu Media Innovation Lab. Information Media Trends in Japan 2019. P. 22. URL: https://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2019.pdf.

³ IFPI. Global Music Report. P. 11. URL: https://www.ifpi.org/downloads/GMR_2018.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

жа)⁴. Как резюмируют эксперты Dentsu, «японская медиаиндустрия с некоторым сомнением отнеслась к переходу к деятельности в Интернете»⁵. По этой причине японские медиапроизводители не имеют достаточных стимулов для развития международных цифровых каналов дистрибуции и участия в глобальной кооперации.

Ярким исключением из данной тенденции является масштабное сотрудничество японских анимационных студий с компанией Netflix. С 2018 г. крупнейший мировой «стриминговый сервис» активно заключает производственные соглашения с японскими аниматорами; по оценке Nikkei, сотрудничество с Netflix стало «радикальной переменой» для японской анимационной индустрии, которая получила новый стабильный источник дохода и доступ к иностранным потребителям⁶. Более активное участие в международных цифровых сервисах и развитие своих собственных может стать важным направлением для продвижения японских «креативных отраслей» за рубеж. Так, в самой Японии возрастает популярность приложений и цифровых сервисов для чтения комиксов *манга* (например, LINEmanga). Запуск подобных приложений и сервисов на английском и других языках позволил бы производителям предлагать свою продукцию любителям манга по всему миру. В координации и осуществлении подобных проектов существенную роль может сыграть государство.

Еще одним важным фактором, сдерживавшим участие японских культурных и медиапроизводителей в глобализационных процессах, является наличие огромных внутренних рынков, относительно защищенных от иностранных конкурентов. По этой причине японские «креативные отрасли» не имеют столь существенных стимулов для продвижения на внешние рынки, как, например, южнокорейские. Ситуация, при которой японские производители фокусируются исключительно на внутренних потребителях и теряют конкурентоспособность на зарубежных рынках, является настолько распространенной, что для ее обозначения возник специальный термин — «галапагосизация» (*galapagosization*, «*gapanagосу-ка*») или «галапагосский синдром». Данный термин нередко используется для характеристики японских «креативных отраслей», например индустрии мобильных

игр, музыкальной индустрии^{7,8}. В «галапагосских» отраслях не только методы дистрибуции, но и сама продукция («контент») отличаются своеобразием, которое зиждется на особенностях японской культуры и может служить препятствием для успешного продвижения на внешние рынки. Так, что касается японской музыкальной индустрии, ключевую роль на этом рынке играют «идолы» («*айдору*»), медиаперсоны, поддерживающие определенный образ и специфически взаимодействующие с публикой [13].

Тем не менее расширение экспорта японских «креативных» и культурных товаров остается немаловажной задачей для национальных производителей «креативных» благ. Эта задача особенно актуальна в свете того, что сокращение и старение населения Японии («серебряное цунами») [14] может в перспективе привести к существенному снижению внутреннего спроса на продукцию таких ключевых японских «креативных отраслей», как анимация, манга (комиксы), видеоигры и т.д., основными потребителями которой являются представители младшего поколения. В данной ситуации японские производители медиаконтента и культурных благ будут более заинтересованы в том, чтобы диверсифицировать рынки сбыта и, таким образом, снизить уязвимость перед шоками внутреннего спроса. Немаловажную роль при ответе на этот и другие актуальные вызовы будет играть политика в сфере «креативных отраслей», осуществляемая правительством страны.

ВЫВОДЫ

«Креативные отрасли» считаются одним из главных драйверов роста в современной экономике. В Японии для реализации их экономического и политического потенциала осуществляется ряд правительственных инициатив (стратегия Cool Japan). Был проведен обзор исследовательских работ, посвященных результатам японских «креативных отраслей» на зарубежных рынках и стратегии Cool Japan. Исследователи находят в текущем состоянии японских «креативных отраслей» ряд недостатков, это неразвитая система международной дистрибуции, недостаточные усилия по маркетингу продукции, слабые позиции «новых медиа» и недостаток их поддержки со стороны государства.

⁴ Op. cit. P. 3–4.

⁵ Op. cit. P. 10.

⁶ Shinohara H. How Netflix could give new life to Japanese anime. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Companies/How-Netflix-could-give-new-life-to-Japanese-anime>.

⁷ Niita Y. Galapagos syndrome hits Japan's mobile game industry. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Galapagos-syndrome-hits-Japan-s-mobile-game-industry>.

⁸ BARKS. Нихонго но онгаку бидзинецу гарапагосу-ка [Галапагосизация японского музыкального бизнеса]. URL: <https://www.barks.jp/news/?id=1000100644>.

Кроме того, можно отметить, что продвижение японских «креативных отраслей» на внешние рынки сдерживается преобладанием на внутреннем рынке продаж на физических носителях, а также избыточной специализацией на обслуживании внутренних

потребителей с их подчас специфическими предпочтениями («галапагосский синдром»). В такой ситуации особенно важными являются меры, осуществляемые государством, в том числе по созданию международных каналов дистрибуции контента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI; 2007. 421 с.
Florida R. The rise of the Creative Class. Moscow: Klassika-XXI; 2007. 421 p. (In Russ.).
2. Drucker P.F. Post-capitalist society. Oxford: Butterworth-Heinemann; 1993. 212 p.
3. Хокинс Д. Креативная экономика. М.: Классика-XXI; 2011. 256 с.
Howkins J. The Creative Economy. Moscow: Klassika-XXI; 2011. 256 p. (In Russ.).
4. McGray D. Japan's gross national cool. *Foreign policy*. 2002;(1):44–54.
5. Kakiuchi E., Takeuchi K. Creative industries: Reality and potential in Japan. Tokyo: National Graduate Institute for Policy Studies; 2014. 20 p.
6. Тимонина И.Л. Креативность как экономический ресурс: опыт Японии. *Япония. Ежегодник*. 2017;(46):97–116.
Timonina I.L. Creativity as Economic Resource: Japan's Practise. *Yaponiya. Ezhegodnik*. 2017;(46):97–116. (In Russ.).
7. Паксютов Г.Д. Экономическое значение японской «индустрии контента». *Японские исследования*. 2019;(1):51–72.
Paksiutov G. Economic contribution of Japan's content industry. *Yaponskiye issledovaniya*. 2019;(1):51–72. (In Russ.).
8. Iwabuchi K. Pop-culture diplomacy in Japan: Soft power, nation branding and the question of 'international cultural exchange'. *International Journal of Cultural Policy*. 2015;(4):419–432.
9. Kawashima N. 'Cool Japan' and Creative Industries: An Evaluation of Economic Policies for Popular Culture Industries in Japan. *Asian Cultural Flows*. Kawashima N., Lee H., eds. Singapore: Springer; 2018. 237 p.
10. Iwabuchi K. Creative Industries and Cool Japan. *Global Game Industries and Cultural Policy*. Fung A., ed. Cham: Palgrave Macmillan; 2016. 340 p.
11. Oyama S. In the Closet: Japanese Creative Industries and their Reluctance to Forge Global and Transnational Linkages in ASEAN and East Asia. Jakarta: ERIA; 2019. 26 p.
12. Iwabuchi K. Cool Japan, Creative Industries and Diversity. Jakarta: ERIA; 2019. 17 p.
13. Galbraith P.W., Karlin J.G., eds. Idols and celebrity in Japanese media culture. London: Palgrave Macmillan; 2012. 239 p.
14. Лебедева И.П. «Серебряное цунами» в Японии. *Азия и Африка сегодня*. 2016;(5):43–49.
Lebedeva I.P. Silver Tsunami in Japan. *Aziya i Afrika segodnya*. 2016;(5):43–49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Георгий Давидович Паксютов — аспирант кафедры международных экономических отношений ИСАА, МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия
gpaksiutov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Georgii D. Paksiutov — postgraduate student, Department of International Economic Relations, IAAS, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
gpaksiutov@mail.ru

Статья поступила 15.04.2020; после рецензирования 20.05.2020; принята к публикации 20.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2020; revised on 20.05.2020 and accepted for publication on 20.06.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-22-32

УДК 339.72,339.924(045)

JEL F02, F15, F21, F34, F53

Региональная роль Евразийского банка развития в посткоронавирусном мире*

А.В. Кузнецов

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

АННОТАЦИЯ

До сих пор процессы мировой регионализации не нашли должного отображения в формировании системных подходов к управлению финансовыми отношениями в рамках Евразийского экономического союза, что обуславливает поиск новых механизмов финансовой политики, необходимых для стимулирования экономик стран ЕАЭС в контексте складывающихся экономических и геополитических ограничений, а также создания необходимых предпосылок для промышленной кооперации в условиях антироссийских санкций и деглобализационных тенденций, усиленных пандемией COVID-19. В настоящее время уязвимость экономик государств – членов ЕАЭС обусловлена их чрезвычайной зависимостью от внешнего внерегионального спроса, международных рынков капиталов и технологий, а также основанных на долларе США международных расчетных и платежных систем. Исследование базируется на диалектическом подходе с применением общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения, а также методов системного, историко-логического и сравнительного анализа. В работе выявлен противоречивый характер развития мировой экономики на современном этапе. Обоснована роль Евразийского банка развития (ЕАБР) в создании условий для устойчивого развития стран – членов ЕАЭС. Проанализированы изменения структуры инвестиционного портфеля ЕАБР. Обобщены преимущества и недостатки текущей деятельности ЕАБР в контексте реализации Стратегии Банка на период 2018–2020 гг. Представлена сравнительная характеристика финансирования стран – членов ЕАБР по линии многосторонних банков развития. Показано влияние пандемии коронавируса COVID-19 на текущую и перспективную деятельность ЕАБР.

Ключевые слова: инвестиционный портфель; цели устойчивого развития; ЕАБР; интеграция в ЕАЭС; пандемия COVID-19; многосторонние банки развития; инфраструктурные проекты; финансовые инструменты; промышленная кооперация

Для цитирования: Кузнецов А.В. Региональная роль Евразийского банка развития в посткоронавирусном мире. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):22-32. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-22-32

ORIGINAL PAPER

The Regional Role of the Eurasian Development Bank in the Post-Coronavirus World**

A.V. Kuznetsov

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

ABSTRACT

Until now, the processes of global regionalisation have not been adequately reflected in the formation of systemic approaches to the management of financial relations within the Eurasian Economic Union. It leads to the search for new financial policy mechanisms necessary to stimulate the economies of the EAEU countries in the context of emerging economic and geopolitical constraints, as well as the creation of the necessary prerequisites for industrial cooperation in

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в рамках НИР по теме «Повышение роли Евразийского банка в реализации социально-экономических проектов Российской Федерации в современных геополитических условиях».

** The article was written based on the results of the research carried out at the expense of budget funds, which were provided to the Financial University as part of the state contract within the framework of research on the topic "Increasing the role of the Eurasian Bank in the implementation of social and economic projects of the Russian Federation in contemporary geopolitical conditions".

the context of anti-Russian sanctions and de-globalisation trends intensified by the COVID-19 pandemic. Currently, the vulnerability of the economies of the EAEU member states is due to their extreme dependence on external extra-regional demand, international capital and technology markets, as well as international settlement and payment systems based on the US dollar. The study is based on a dialectical approach. In conducting the research, we used general scientific methods of analysis, synthesis, generalisation, as well as methods of systemic, historical-logical and comparative analysis. The contradictory nature of the development of the world economy at the present stage was revealed. The role of the EDB in creating conditions for sustainable development of the EAEU member states has been substantiated. Changes in the structure of the EDB's investment portfolio were analysed. The advantages and disadvantages of the EDB's current activities in the context of the implementation of the Bank's Strategy for 2018–2020 were summarised. Comparative characteristics of financing of EDB member countries through multilateral development banks were presented. The impact of the COVID-19 coronavirus pandemic on the current and future activities of the EDB was shown.

Keywords: investment portfolio; sustainable development goals; EDB; EAEU integration; pandemic COVID-19; multilateral development banks; infrastructure projects; financial instruments; industrial cooperation

For citation: Kuznetsov A.V. The regional role of the Eurasian development bank in the post-coronavirus world. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):22-32. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-22-32

ВВЕДЕНИЕ

Геополитическая ситуация в мире характеризуется существенными ограничениями международной торгово-инвестиционной активности, вызванными нарастающим противостоянием между США и КНР, с одной стороны, и между Западом и Россией — с другой, нестабильностью на финансовых рынках, обусловленной неопределенностью дальнейшего развития событий, связанных с пандемией COVID-19, структурной перестройкой мировой экономики в условиях перехода на новые технологии, а также со все более активной ролью стран с развивающимися рынками, формирующими новые региональные центры геоэкономического и геополитического влияния.

Два взаимопротиворечащих интеллектуальных течения характеризуют состояние мировой экономики на современном этапе: декларируемая истощаемость природных ресурсов, связанная с достижением порогового уровня загрязнения окружающей среды, несовместимого с безопасной жизнедеятельностью человечества, и задача обеспечения устойчивого развития [1–3]. В частности, страны с формирующимися рыночными экономиками для преодоления отставания от развитых стран должны инвестировать в собственное развитие значительную часть накопленных финансовых ресурсов. Однако на практике этого не наблюдается в связи с тем, что посредством мирового финансового рынка данные ресурсы в значительной степени перераспределяются в пользу развитых стран. Не в последнюю очередь от целей и направления деятельности институтов развития стран с формирующимися рынками зависит, в какой степени будет преодолена данная дилемма.

Следует обратить особое внимание на то, что проблема истощаемости ресурсов, обозначенная еще в 1972 г. в докладе Римскому клубу «Пределы роста» и плавно трансформировавшаяся сначала в «Цели развития тысячелетия», а затем в «Цели устойчивого развития» ООН, не подкрепляется должным критическим анализом основной цели глобальной экономической деятельности — максимизации прибыли (роста ВВП). Следует подчеркнуть, что эта цель несопоставима с задачей устойчивого развития, поскольку возможности максимизации прибыли многонациональных компаний (МНК), в иностранных филиалах которых занято всего 2,5% мировой рабочей силы, существенно отличаются от соответствующих возможностей остального населения мира. В период 1990–2019 гг. темпы прироста активов иностранных филиалов МНК в 6,5 раза превышали темпы прироста мирового ВВП (<https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2769>). По мнению известного французского экономиста Т. Пикетти, главное противоречие капитализма заключается в том, что в долгосрочном периоде доходность капитала превышает темпы экономического роста, а это является основной причиной неравенства и дисбалансов [4]. В условиях отсутствия наднационального регулирования международного движения капиталов данное противоречие служит источником «нестабильности и кризиса» современного глобального развития и ведет к дальнейшей внутри- и межстрановой социально-экономической поляризации [5].

Следует отдельно подчеркнуть, что для достижения целей устойчивого развития ООН развивающиеся рынки ЕАЭС для их перехода в категорию развитых рынков должны решить множество задач,

включая устранение многочисленных экологических и социальных проблем, создание энергетической и транспортной инфраструктуры, развитие высокотехнологичных отраслей [6]. Вместе с тем, как свидетельствует исторический опыт, триада наиболее успешных экономик мира (США, ЕС, Япония) решали эти задачи в условиях реализации политики промышленного развития, т.е. жесткого государственного регулирования национальных рынков и их защиты от внешних шоков [7–9]. Однако на современном этапе использование методов промышленной политики идет в разрез с принципами ЦУР 2030 ООН (либерализация, открытые рынки и пр.).

В решении текущих задач промышленной кооперации стран ЕАЭС существенную, если не ключевую, роль могут сыграть банки развития. Характерно, что в теории западного экономического мейнстрима функционирование многосторонних банков развития направлено на финансирование сфер, являющихся приоритетными с точки зрения реализации социально-экономической политики государства. Однако на практике многосторонние банки развития [в которых наибольшая доля капитала принадлежит США, в частности это Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Межамериканский банк развития (МабР), Азиатский банк развития (АБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР)] нередко способствовали не столько формированию тенденций догоняющего развития в развивающихся странах и странах с формирующимися экономиками, сколько увеличению их внешней задолженности и зависимости от финансовых ресурсов и технологий МНК развитых стран [10–11].

Банки развития рефинансируются на международных рынках капитала и поэтому должны направлять свои ресурсы прежде всего в высокодоходные отрасли. Однако, во-первых, большинство отраслей, требующих финансирования в странах — членах ЕАЭС, не являются высокодоходными. Во-вторых, продолжение политики внешнего финансирования может привести страну к дефолту, если только эта страна не является эмитентом ключевой резервной валюты, роль которой сегодня практически безраздельно принадлежит доллару США. Вместе с тем путем развития реального сектора экономики и промышленности любая страна в состоянии создать дееспособный финансовый сектор и финансировать свое развитие за счет собственных ресурсов (как это, например, имеет место в КНР). Сбережения

для капитала существуют везде, необходимо только научиться институционально аккумулировать и направлять их в нужном направлении.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЕАБР НА 2018–2022 ГГ.

Исходя из заявленных целей, ЕАБР претендует стать классическим региональным банком развития, выступая инструментом содействия углублению интеграционных процессов государств-членов, в том числе путем увеличения новых проектов, общая стоимость которых в портфеле ЕАБР к концу 2022 г. должна составить 4,6 млрд долл. против 4,127 млрд долл. на апрель 2020 г.

Основной характеристикой деятельности ЕАБР является динамика изменения структуры его текущего инвестиционного портфеля, которая в страновом разрезе по состоянию на 31 декабря 2017 г. выглядела следующим образом: крупнейшими странами операций Банка выступали Казахстан (41,4%) и РФ (39,2%), за ними следовали Беларусь (15,9%), Армения (1,3%), Кыргызстан и Таджикистан (по 0,3%). По состоянию на 1 апреля 2020 г. доли стран в текущем инвестиционном портфеле Банка распределились следующим образом: Казахстан (39,5%), РФ (36,4%), Беларусь (20,2%), Армения (2,3%), Кыргызстан (1,6%), Таджикистан (0,03%). Таким образом, за два года и три месяца реализации текущей Стратегии Банка произошло некоторое увеличение долевого участия Беларуси, Армении и Кыргызстана в инвестиционных проектах ЕАБР (табл. 1).

В отраслевой структуре инвестиционного портфеля по состоянию на 31 декабря 2017 г. доминировали энергетика, транспорт и другая инфраструктура (48%); на горнодобывающую промышленность, металлургию, машиностроение и химическую промышленность в общей сложности приходилось 26%, на финансовый сектор — 21%. По состоянию на 1 апреля 2020 г. в отраслевой структуре инвестиционного портфеля продолжали доминировать транспорт, энергетика и иная инфраструктура (48,6%), на горнодобывающую промышленность, металлургию, машиностроение и химическую промышленность в общей сложности приходилось 33,3%, на финансовый сектор — 16%. Таким образом, за два года три месяца доля промышленности увеличилась на 6,3%, а доля финансового сектора снизилась на 5%, одновременно на 11,5% выросла доля прочих отраслей (табл. 2).

Поступательное смещение акцентов деятельности ЕАБР с финансового сектора в сферу промышленности, а также увеличение доли наименее развитых

Таблица 1 / Table 1

**Страновая структура текущего инвестиционного портфеля ЕАБР, % /
Country structure of the EDB's current investment portfolio, %**

Государство	31 декабря 2017 г.	1 апреля 2020 г.	Изменения
Казахстан	42,1	39,5	-2,6
Россия	39,2	36,4	-2,8
Беларусь	15,9	20,2	+4,3
Армения	1,3	2,3	+1,0
Кыргызстан	0,3	1,6	+1,3
Таджикистан	0,3	0,03	-0,27

Источник / Source: составлено по данным: Стратегия Евразийского банка развития на период с 2018 по 2022 год. ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF; Цифры и факты. ЕАБР. URL: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/> / Compiled according to Strategy of the Eurasian Development Bank for the period from 2018 to 2022. EDB. URL: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF; Figures and facts. EDB. URL: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/>.

Таблица 2 / Table 2

**Отраслевая структура текущего инвестиционного портфеля ЕАБР, % /
Sectoral structure of the EDB's current investment portfolio, %**

Отрасль	31 декабря 2017 г.	1 апреля 2020 г.	Изменения
Финансовый сектор	20,6	16,0	-4,6
Транспорт	18,9	19,4	+0,5
Энергетика	18,5	18,6	+0,1
Горнодобывающая промышленность	16,1	11,6	-4,5
Иная инфраструктура	10,3	10,6	+0,3
Прочие отрасли	8,9	20,4	+11,5
Металлургия	6,6	3,4	-3,2

Источник / Source: составлено по данным: Стратегия Евразийского банка развития на период с 2018 по 2022 год. ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF; Цифры и факты. ЕАБР. URL: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/> / Compiled according to Strategy of the Eurasian Development Bank for the period from 2018 to 2022. EDB. URL: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF; Figures and facts. EDB. URL: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/>.

членов банка в структуре его инвестиционного портфеля является важным шагом в направлении обеспечения условий для устойчивого развития.

Среди основных текущих задач Стратегии Банка на 2018–2022 гг. важное место отводится диверсификации источников фондирования новых проектов, расширению партнерств и альянсов, корпоративному развитию ЕАБР и задаче его перехода на расчетно-клиринговое обслуживание клиентов (https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF).

В 2013–2019 гг. негативное воздействие на формирование текущего инвестиционного портфеля

ЕАБР оказывал целый ряд факторов, включающих снижение темпов роста, девальвацию национальных валют, общее ухудшение условий торговли, волатильность процентных ставок, снижение инвестиционной активности в странах-членах, снижение бюджетных доходов и увеличение бюджетных расходов, направленных на поддержание экономической активности, увеличение долга, экономические санкции, введенные против России, трансформация драйверов роста из сферы обрабатывающей промышленности в сферу сельского хозяйства.

Среди положительных тенденций деятельности Банка в период действия текущей стратегии развития можно отметить следующие:

- повышение заинтересованности потенциальных клиентов в получении финансирования в национальных валютах стран — членов ЕАБР в противовес доллару и евро;
- рост интереса институциональных инвесторов в участии в кредитовании инфраструктурных проектов;
- сдвиг в инструментах финансирования в пользу относительно дешевых облигационных займов.

Одним из основных рисков текущей деятельности ЕАБР является резкое падение темпов экономического роста в России в 2020 г. на уровне $-5,4\%$ по прогнозу МВФ (<https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/index.aspx>) и $-6,1\%$ по прогнозу The Economist (<https://www.economist.com/weeklyedition/2020-07-18>).

С учетом сложившихся обстоятельств основными источниками стимулирования инвестиционного спроса могут стать государственные инвестиции, дальнейшее снижение процентных ставок, облегчение административной нагрузки на бизнес, налоговые льготы.

В настоящее время внешние источники финансирования для стран — членов ЕАБР представляются довольно привлекательными с учетом снижения процентных ставок Федеральной резервной системы (ФРС) США, Банка Англии и уже низких ставок Банка Японии и Европейского центрального банка (ЕЦБ), что создает искушение для увеличения внешних займов. Однако, несмотря на очевидную привлекательность данных источников, их использование может иметь крайне неблагоприятные последствия, поскольку дальнейшая девальвация национальных валют, резкое повышение доходности долговых обязательств из-за возможного снижения рейтингов, ужесточение санкционного давления предположительно повлекут за собой увеличение стоимости обслуживания внешнего долга, что негативно отразится на возможностях быстрого восстановления экономики после кризиса.

Поэтому необходимо развивать деятельность Банка на базе уже сформированных сильных сторон, таких как финансовая устойчивость; поддержка акционеров (через увеличение оплачиваемой части уставного капитала) и открытие дополнительных линий по предоставлению ликвидности в национальных валютах; расширение практического

применения сформированных Банком компетенций и экспертных знаний в реализации сложных проектов в сфере государственно-частного партнерства, управления инвестиционными рисками, синдицированного кредитования и развития инструментов долгосрочного инвестирования, поддержки интеграционных инициатив.

По сравнению с коммерческими банками ЕАБР обладает следующими преимуществами в предоставлении финансирования:

- 1) длительные сроки кредитования (до 25 лет) с установлением льготных периодов уплаты процентов и созданием резервных счетов для финансирования текущего дефицита бюджета проекта;
- 2) формирование синдикаций с многосторонними и национальными банками развития с целью поддержки экспорта и привлечения дополнительного финансирования в стратегически значимые проекты;
- 3) статус международной финансовой организации наделяет Банк иммунитетом против национального регулирования и надзора, что позволяет Банку в качестве «зонтичной» организации распространять данный статус на других участников финансируемых под его эгидой проектов и расширяет возможности их структурирования.

Наряду с явными преимуществами к серьезным недостаткам текущей деятельности ЕАБР возможно отнести следующие:

- 1) ограниченный доступ располагаемых инструментов по получению и размещению ликвидности в национальных валютах стран-членов;
- 2) небольшой по сравнению с другими многосторонними банками развития размер оплаченного капитала (1,5 млрд долл.) и низкие показатели кредитного рейтинга по сравнению с ведущими банками развития служат препятствиями для увеличения объемов финансирования и снижения стоимости заемных ресурсов;
- 3) низкая операционная эффективность Банка, обусловленная чрезмерной бюрократизацией его управленческих структур;
- 4) прогнозируемое снижение темпов экономического роста на фоне усиливающихся санкций стимулирует дрейф стран-членов в направлении КНР и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

С учетом рассмотренных преимуществ и недостатков новые возможности расширения текущей деятельности ЕАБР наблюдаются в следующих сферах:

1) реализация приоритетных инфраструктурных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП);

2) более активное развитие сотрудничества с такими недавно созданными паназиатскими финансовыми институтами, как Новый банк развития (НБР) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ);

3) привлечение новых акционеров в состав участников ЕАБР.

Одновременно с потенциальными возможностями возрастают риски деятельности ЕАБР, к основным из которых возможно отнести следующие:

1) усиление конкуренции со стороны коммерческих банков в основных сферах деятельности банков развития;

2) усиление инвестиционных рисков в регионе, связанных с сокращением возможностей фондирования проектов;

3) низкий реальный спрос на интеграционные проекты во многих отраслях деятельности ЕАБР.

В своей стратегии ЕАБР придерживается классической цели многосторонних банков развития — стимулирование рыночной экономики путем расширения торгово-экономических связей и инвестиционной деятельности с участием крупных компаний с акцентом на финансировании инфраструктурных проектов. Через финансирование проектов с сильным интеграционным эффектом ЕАБР встраивается в глобальную повестку «Группы двадцати», нацеленную на содействие инклюзивному развитию стран-членов в соответствии с приоритетами «Целей устойчивого развития 2030» ООН.

Для достижения стратегической цели ЕАБР следует решение следующих задач:

1) расширение финансовых продуктов и инструментов через предложение услуг по расчетно-клиринговой деятельности;

2) активное привлечение органов государственной власти стран ЕАЭС к реализации совместных и национальных проектов;

3) содействие углублению промышленной кооперации с целью постепенного перехода и массового освоения в производстве технологий 6-го технологического уклада;

4) привлечение дополнительного частного капитала для реализации проектов в ключевых секторах экономики через механизмы государственно-частного партнерства;

5) создание кредитных «синдикаций» с участием других международных и национальных финансо-

вых институтов и «зонтичное» распространение на них своего статуса преференциального кредитора;

6) расширение состава акционеров по мере изменения экономической и политической ситуации на евразийском пространстве;

7) развитие гуманитарного сотрудничества между государствами-членами, в том числе за счет средств Фонда технического содействия;

8) дальнейшее повышение имиджа Банка за счет участия в проведении экономических форумов, road-show¹ и ежегодной конференции «Евразийская интеграция».

В Стратегии Банка на 2018–2022 гг. основной акцент деятельности направлен на реализацию проектов «зеленой» экономики, призванных противодействовать негативным последствиям изменения климата и содействовать защите окружающей среды путем повышения эффективности использования существующих энергоисточников и перехода на возобновляемые источники энергии. При этом Банк фокусируется на финансировании следующих целевых проектов:

1) проекты с сильным интеграционным эффектом, включая: а) межстрановые инфраструктурные проекты, способствующие формированию единого безопасного транспортного пространства ЕАЭС (дороги, мосты, нефте- и газопроводы, телекоммуникационные линии и пр.); б) национальные интеграционные инфраструктурные проекты (морские и речные порты, аэродромы и пр.); в) проекты, встроенные в глобальные и региональные производственные цепочки; г) торговые операции между контрагентами стран — членов Банка; д) проекты, направленные на рост взаимных инвестиций стран — членов ЕАБР;

2) высокорисковые национальные проекты развития с длительным сроком окупаемости, включая: а) общегосударственные, региональные и муниципальные проекты в сферах жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры; б) проекты по созданию и развитию новых производств, направленные на импортозамещение и включение стран — членов ЕАБР в региональные цепочки создания добавленной стоимости; в) проекты с инновационной составляющей, нацеленные на стимулирование перехода предприятий на разработку передовых

¹ Дорожное шоу — элемент практической подготовки компании-эмитента при выпуске ее ценных бумаг (облигации, акции, и т.д.).

Таблица 3 / Table 3

**Инструменты поддержки проектов основных многосторонних банков развития /
Project support instruments of major multilateral development banks**

Банк	Кредиты	Гранты	Кредитные линии	Техническая помощь	Гарантии	Участие в капитале
АБР	+	+	+	+	+	+
АфБР	+	+	+	+	+	+
МАБР	+	+	+	+	+	+
Всемирный банк	+	+		+	+	+
ЕБРР	+		+	+	+	+
ЕИБ	+		+	+	+	+
ЕАБР	+			+		+

Источник / Source: составлено по данным: Андропова И.В., Шелепов А.В. Возможности усиления влияния НБР и АБИИ в глобальной финансовой системе. *Вестник международных организаций*. 2019;14(1):47; Стратегия Евразийского банка развития на период с 2018 по 2022 год. ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF / Compiled based on Andronova I., Sheleпов A. Potential for Strengthening the NDB's and AIIB's Role in the Global Financial System. *International Organisations Research Journal*. 2019;14(1):45; Strategy of the Eurasian Development Bank for the period from 2018 to 2022. EDB. URL: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF

технологий и на новый технологический уклад; г) реплицируемые проекты, связанные с поддержкой малого и среднего бизнеса в реализации проектов локального значения.

Для успешной реализации стратегической цели ключевым аспектом деятельности Банка является увеличение собственного капитала с учетом выстраивания отношений с крупными системообразующими компаниями («якорными» клиентами). Инструментами достижения поставленных стратегических задач ЕАБР на период 2018–2022 гг. выступают: 1) стимулирование технологичной и производственной кооперации; 2) повышение экспортной и технической конкурентоспособности; 3) развитие лизинговой деятельности; 4) развитие сотрудничества с Российским экспортным центром.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕАБР С МНОГОСТОРОННИМИ БАНКАМИ РАЗВИТИЯ

ЕАБР развивает сотрудничество с многосторонними банками развития (МБР), в частности с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатским банком развития (АБР), Новым банком развития (НБР), Международным инвестиционным банком и Российско-Кыргызским фондом. Рассматриваются проекты сотрудничества с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. Для реализации поставленных целей

ЕАБР задействует различные продукты и инструменты, среди которых основная роль принадлежит проектному финансированию; инвестиционному финансированию; участию в капитале; торговому финансированию; документарным операциям; участию в фондах, организации и управлению ими; оказанию консультационных услуг и технического содействия по подготовке проектов. Фактически ЕАБР воспроизводит традиционную линейку инструментов других многосторонних банков развития [12, р. 45] (табл. 3).

Таким образом, многосторонние банки развития представляют основную конкуренцию ЕАБР на рынке СНГ. В IV квартале 2019 г. десять международных финансовых институтов: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Азиатский банк развития (АБР), Евразийский банк развития (ЕАБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Исламский банк развития (ИБР), Международный банк экономического сотрудничества (МБЭС), Международная финансовая корпорация (МФК), Российско-Кыргызский фонд развития (РКФР) и Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР) одобрили для стран СНГ проекты на общую сумму 4751 млн долл. США, что на 35% меньше, чем в III квартале 2019 г. При этом 25% выделенных ресурсов было предназначено для финансирования проектов в частном секторе и 75% — для финансирования проектов в государственном секторе. Основная доля проек-

Таблица 4 / Table 4

Финансирование стран – членов ЕАБР по линии МБР в IV квартале 2019 г. с разбивкой по странам и банкам (млн долл. США) / Financing of EDB member countries through multilateral development banks in Q4 2019, by country and bank (millions of US dollars)

Страна	АБИИ	АБР	ЕАБР	ЕБРР	ЕИБ	МБРР / МАР	НБР	МБЭС	МФК	РКФР	ЧБР	Сумма, млн долл.	Доля среди стран СНГ, %	Кол-во, шт.
Инвестиционно-проектные займы частному сектору (1)														
Армения			15	29,7				4,6	14,4		5	68,7	7,6	7
Беларусь			65,2	34	140,5			25,5				265,2	29,4	14
Казахстан	46,7	100	134,1	5	30				4			319,8	35,4	7
Кыргызстан				6						15		21	2,3	5
Россия			201,3								23	224,3	24,8	5
Таджикистан				3,9								3,9	0,4	1
ИТОГО (1)	46,7	100	415,6	78,6	170,5			30,1	18,4	15	28	902,9	100	39
В % (1)	5,2	11,1	46,1	8,7	18,9			3,3	2,0	1,7	3,1	100		
Суверенные займы, техническая помощь и гранты (2)														
Армения		50,9		11,8		50						112,7	6,5	4
Беларусь				301,2								301,2	17,3	3
Казахстан		0,8										0,8	0,05	2
Кыргызстан		28,5		1,8								30,3	1,7	6
Россия	500						500					1000	57,5	2
Таджикистан	3,2	121,8		158		10						293	16,9	9
Итого (2)	503,2	202		472,8		60	500					1738		26
В% (2)	29,0	11,6		27,2		3,5	28,8					100		
ИТОГО (1) + (2)	549,9	302	415,6	551,4	170,5	60	500	30,1	18,4	15	28	2640,9	100	65
В %	20,8	11,4	15,7	20,9	6,5	2,3	18,9	1,1	0,7	0,6	1,1	100		

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами по данным: Обзор инвестиционной деятельности международных банков развития. IV квартал 2019 года. Евразийский банк развития. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/abe/Obzor-MBR-4-kvartal-2019.pdf> / Compiled and calculated by the authors based on data from Overview of investment activities of international development banks. IV quarter of 2019. Eurasian Development Bank. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/abe/Obzor-MBR-4-kvartal-2019.pdf>

тов в частном секторе приходилась на финансовый сектор (48%), а наибольший объем суверенного финансирования был предоставлен транспортно-му сектору (44%). На ЕАБР пришлось наибольшая доля финансирования проектов в частном секторе (34%), в то время как основной объем суверенного финансирования в рамках СНГ в размере 1 млрд долл. был предоставлен РФ.

В IV квартале 2019 г. в целом МБР профинансировали в странах – членах ЕАБР 65 проектов на сумму 2640,0 млн долл. США. Наибольший объем финансирования для стран – членов ЕАБР предоставили ЕБРР (20,9%), АБИИ (20,8%), НБР (18,9%),

ЕАБР (15,7%). Таким образом, среди основных МБР ЕАБР занимает четвертую позицию по общему объему финансирования в странах-членах по линии МБР. Это связано с тем, что финансирование ЕАБР в странах-членах приходилось исключительно на проекты частного сектора, в то время как 65,8% финансовых ресурсов было выделено государственному сектору (табл. 4).

Вместе с тем объем финансовых ресурсов, предоставляемых по линии МБР (включая ЕАБР) для реализации проектов в странах – членах ЕАЭС, является явно недостаточным и не вполне укладывается в структуру приоритетных направлений развития

промышленности в соответствии с переходом на 6-й технологический уклад. Исходя из анализа специфики проектов текущего инвестиционного портфеля ЕАБР, можно сделать вывод, что речь идет о финансировании отраслей 3–5-го технологического уклада. Все эти проекты являются безусловно значимыми. Однако для реализации цели инновационного развития нужны проекты, соответствующие 6-му технологическому укладу, и другой, более значительный объем финансирования.

В рамках управления казначейским портфелем для сохранения реальной стоимости собственного капитала в соответствии с Инвестиционной декларацией ЕАБР может заниматься покупкой и продажей очень широкого спектра ценных бумаг, включая государственные и муниципальные ценные бумаги, долговые ценные бумаги международных финансовых организаций, корпоративные долговые ценные бумаги, акции, а также структурные инструменты, все классы производных финансовых инструментов, в том числе на основные биржевые товары, не предполагающие поставку базового актива (<https://eabr.org/upload/iblock/dfd/investitsionnaya-deklaratsiya-dlya-sayta.pdf>). Таким образом, ЕАБР обладает универсальными возможностями по привлечению финансовых ресурсов для создания альтернативы финансированию со стороны других МБР.

Важным элементом внешней кредитоспособности ЕАБР является то, что кредитный рейтинг Банка превышает суверенный рейтинг РФ. Вместе с тем он ниже рейтинга других ведущих региональных банков развития, что ограничивает возможности заимствования Банком финансовых ресурсов на международных рынках капитала. Данное обстоятельство должно служить дополнительным побудительным стимулом для развития схем привлечения финансовых ресурсов на внутреннем рынке ЕАЭС.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕАБР

В краткосрочной перспективе наиболее сильным фактором негативного влияния на платежеспособный инвестиционный спрос в странах — членах ЕАБР является кризис пандемии COVID-19, который, по прогнозу ЕАБР, вызовет в 2020 г. сокращение ВВП в странах-членах на 2,2%. В результате положительного эффекта от ожидаемой государственной поддержки в области фискальной политики в последующие годы предполагается восстановление экономической активности с ростом ВВП стран-членов на 2,6% в 2021 г. и на

2,3% в 2022 г. (https://eabr.org/upload/iblock/f22/EABR_Macroview_04_2020_RU_2_1_.pdf). Кроме того, развитие инфляционных процессов, вызванное девальвациями национальных валют, может быть сглажено дефляционными эффектами, связанными со снижением потребительского спроса. Для стимулирования спроса регуляторы могут продолжить снижение процентных ставок, что уже имело место в РФ и Армении.

Ситуация на внешних рынках также складывается неблагоприятно для развития инвестиционных процессов. В период с марта по апрель 2020 г. произошло снижение котировок большинства основных биржевых товаров. По данным The Economist, 21 апреля цена барреля нефти марки Brent стоила меньше 20 долл., снизившись за месяц на 39,2% и на 77,1% по сравнению с апрелем 2019 г. В годовом измерении индекс цен на непродовольственные сельскохозяйственные товары снизился на 23,4%, на металлы — на 14,2% (<https://www.economist.com/weeklyedition/2020-04-25>). Однако к середине июля цены на большинство товарных групп практически восстановили свой прошлогодний уровень, за исключением нефти, цена которой оставалась на 35,5% ниже докризисного периода (43,3 долл. за баррель). Замедление деловой активности оказало заметное понижающее давление на фондовые рынки. При этом существенно вырос спрос на хеджированные активы. Так, цена на золото в годовом измерении поднялась на 28,3% (1809 долл. за тройскую унцию) (<https://www.economist.com/weeklyedition/2020-07-18>).

В целом наиболее развитые страны принимают беспрецедентные меры по предоставлению финансовой помощи для стимулирования экономики в целях противодействия коронавирусу. По данным немецкой неправительственной организации Bruegel, размеры общих пакетов финансовых мер (включая непосредственное фискальное стимулирование, отсрочки платежей и предоставление кредитных гарантий) составили: в Италии — 48,7% ВВП, Германии — 47,8% ВВП, Франции — 27,3%, Великобритании — 25,7%, США — 14,3%, Испании — 13,7% ВВП (<https://www.bruegel.org/publications/datasets/covid-national-dataset>). По данным МВФ, общая стоимость стимулирующего фискального пакета в РФ в настоящее время оценивается в 3,4% ВВП, в Армении — в 2%, Казахстане — в 9%, Кыргызстане и Таджикистане менее — в 1% ВВП (без учета заявленных мер стимулирования и финансовой помощи, в том числе от МВФ). Однако, несмотря на относи-

тельно незначительные размеры стимулирующих мер финансовой поддержки в странах — членах ЕАБР, они вызвали всплеск инфляции в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, для борьбы с которым центробанки подняли процентные ставки (<https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19#T>). Данный фактор является очередным свидетельством необходимости развития институтов и механизмов общего финансового рынка в ЕАЭС.

Можно предположить, что пандемия коронавируса COVID-19 изменит деятельность ЕАБР.

1. Будет происходить усложнение привлечения финансовых ресурсов, связанное с негативным влиянием COVID-19 на макроэкономическую ситуацию в странах — членах ЕАБР, включая падение ВВП, рост безработицы, сокращение частных трансфертов и денежных переводов (которые, например, составляют около 9% ВВП Армении). Кроме того, вследствие падения цен на сырьевые товары и сворачивания доходов от международного туризма ожидается значительное сокращение экспортных поступлений. Выход из сложившейся ситуации зависит от эффективности правительственных программ по стимулированию внутреннего спроса (фискальное стимулирование) и вливания в качестве антикризисной поддержки дополнительных финансовых ресурсов в реальный сектор экономик (монетарное стимулирование), что является основной мерой предотвращения углубления экономического спада.

2. Произойдет возможный пересмотр приоритетов инвестиционной деятельности ЕАБР, связанный с изменением структуры производства, вызванным мерами по ограничению распространения коронавируса COVID-19. Антикризисные меры, введенные правительствами по всему миру, привели к остановке производств и нарушению цепочек поставок в большинстве промышленных секторов, вплоть до частичного закрытия целых отраслей, что стало причиной беспрецедентного шока спроса практически во всех экономиках мира. Непосредственное влияние пандемии на международное производство и трансграничные инвестиции привело к задержке реализации инвестиционных проектов и откладыванию новых проектов, а также существенному снижению доходов зарубежных филиалов МНК, значительная доля которых, как правило, реинвестировалась в принимающих странах.

В связи с данными обстоятельствами в долгосрочной перспективе возникает необходимость в создании большей национальной и региональной

промышленной автономии, особенно в производстве основных товаров и услуг (например, связанных со здравоохранением).

3. Возникнет необходимость смещения акцентов на финансирование проектов экономики замкнутого цикла вследствие текущей структурной трансформации мировой торговли и инвестиций, которая ускоряется под воздействием пандемии COVID-19. Следует учитывать, что международная торговля, инвестиции и глобальные производственные цепочки продолжают трансформироваться под влиянием следующих мегатенденций: 1) применения в цепочках поставок глобальных МНК технологий четвертой промышленной революции; 2) перехода институтов глобального экономического управления в области торговли и инвестиций от многостороннего сотрудничества к региональным и двусторонним форматам взаимодействия, что будет сопровождаться ужесточением системной конкуренции между региональными центрами силы и усилением регуляторных и дирижистских практик; 3) в глобальном масштабе ориентация международного бизнеса на достижение «Целей устойчивого развития» ООН будет сопровождаться реализацией широкого спектра мер, включающих меры по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий.

ВЫВОДЫ

Установившаяся в мире геоэкономическая и геополитическая неопределенность усиливает значимость институциональных аспектов управления процессами стратегического развития [13]. Институты развития играют важную роль в промышленной модернизации стран и регионов благодаря их способности привлекать значительные ресурсы для финансирования и осуществления информационно-аналитической поддержки международных проектов — как в частном, так и в государственном секторе экономики. На евразийском пространстве исключительные возможности по организации такой кредитно-инвестиционной деятельности принадлежат ЕАБР.

В условиях геополитической неопределенности пандемию коронавируса COVID-19 можно рассматривать как своеобразный стресс-тест готовности ЕАБР к диверсификации действующих инструментов и созданию новых механизмов по привлечению и инвестированию финансовых ресурсов для эффективного содействия устойчивому экономическому росту и расширению торгово-экономических связей стран-членов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World. New York: Palgrave MacMillan; 2011. 304 p.
2. Randers J. 2052 — A global forecast for the next 40 years. White River Junction: Chelsea Green Publishing; 2012. 376 p.
3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Cologne/Geneva: World Economic Forum; 2016. 192 p.
4. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Harvard University Press; 2014. 696 p.
5. Eichengreen B. Global Imbalances and the Lessons of Bretton Woods. Cambridge, MA: MIT Press; 2010. 208 p.
6. Реализация экономических интересов России при взаимодействии со странами Азии и Ближнего Востока в условиях новых вызовов и возможностей сотрудничества / Абрамов В.Л., Логинов Е.Л., Шкута А.А. Зарицкий Б.Е и др. М.: Финуниверситет при Правительстве РФ; 2018. 327 с.
Realization of Russia's economic interests in interaction with the countries of Asia and the Middle East in the face of new challenges and opportunities for cooperation / VL Abramov, EL Loginov, AA Shkuta. B. Zaritsky and others. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2018. 327 p. (In Russ.).
7. Chang H.-J. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London: Anthem Press; 2002. 196 p.
8. Chang H.-J. Bad Samaritans: The Guilty Secrets of Rich Nations and the Threat to Global Prosperity. London: Random House; 2008. 288 p.
9. Reinert E.S. How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. London: Constable & Robinson; 2008. 400 p.
10. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump. London: Penguin; 2017. 528 p.
11. Perkins J. Confessions of an Economic Hit Man: The shocking story of how America really took over the world. London: Ebury Press; 2006. 272 p.
12. Andronova I., Shelepov A. Potential for Strengthening the NDB's and AIIB's Role in the Global Financial System. *International Organisations Research Journal*. 2019;14(1):39–54. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–01–03
13. Формирование институтов регулирования рисков стратегического развития. Монография. Эскиндаров М.А., Сильвестров С.Н., ред. М.: Когито-Центр; 2019. 454 с.
Formation of institutions for regulating risks of strategic development: Monograph. Eskindarov M.A., Sil'vestrov S.N., eds. Moscow: Kogito-Tsentr; 2019. 454 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
kuznetsov0572@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei V. Kuznetsov — Dr Sci. (Econ.), Senior Researcher, Professor of Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia
kuznetsov0572@mail.ru

*Статья поступила 24.08.2020; после рецензирования 10.09.2020; принята к публикации 15.10.2020.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 24.08.2020; revised on 10.09.2020 and accepted for publication on 15.10.2020.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-33-46
УДК 336.02(045)
JEL E2, G18, H71, H72

Анализ отечественного опыта применения мер и инструментов бюджетной политики для стимулирования экономического роста*

Р.А. Аландаров^а, Э.А. Зайцева^б

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-7707-8293>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8079-4629>

АННОТАЦИЯ

Одна из важнейших целей государства – увеличение темпов экономического роста страны. Сложившаяся в Российской Федерации ситуация требует от властей комплексного подхода: внутри страны – повышения уровня благосостояния граждан, вне ее границ – сохранения и увеличения конкурентоспособности. В работе представлен ретроспективный анализ темпов экономического роста с 1992 по 2019 г. Изучив российский опыт применения мер и инструментов бюджетной политики, авторы выявили наиболее эффективные налоговые и бюджетные инструменты. Лучшие практики показали наибольшую эффективность у таких налоговых инструментов, как умеренно прогрессивное налогообложение доходов физических лиц, снижение базовой налоговой ставки по косвенным налогам, расширение практики применения упрощенной системы налогообложения. Среди бюджетных инструментов высокую эффективность показали рост расходов бюджетов бюджетной системы на фундаментальные и прикладные научные исследования, увеличение бюджетных инвестиций в отрасли, способствующие последующему мультипликативному росту, а также рост расходов бюджетов бюджетной системы на осуществление профессиональной подготовки, переподготовки и повышение квалификации трудоспособного населения.

Ключевые слова: экономический рост; налоговые инструменты; бюджетные инструменты; ВВП; инфляция; безработица; расходы бюджета; налоговые ставки

Для цитирования: Аландаров Р.А., Зайцева Э.А. Анализ отечественного опыта применения мер и инструментов бюджетной политики для стимулирования экономического роста. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):33-46. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-33-46

ORIGINAL PAPER

Analysis of Domestic Experience in the Application of Measures and Instruments of Budgetary Policy to Stimulate Economic Growth**

R.A. Alandarov^а, E.A. Zaitseva^б

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-7707-8293>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8079-4629>

ABSTRACT

One of the most important goals of the state is to increase the country's economic growth rate, including achieving high economic growth indicators such as the level of inflation and unemployment. The current situation in the Russian Federation requires a comprehensive approach from the authorities: within the country to increase the level of welfare of citizens, outside its borders-to preserve and increase competitiveness. This paper presents a retrospective analysis

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету 2020 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University in 2020.

of economic growth rates from 1992 to 2019. Having studied the Russian experience of applying measures and tools of budget policy, the authors identified the most effective tax and budget tools. Best practices have shown the most significant effectiveness in such tax instruments as moderately progressive taxation of personal income, reducing the basic tax rate for indirect taxes, and expanding the practice of applying the simplified tax system. Among the budgetary instruments, the following have shown high efficiency: an increase in expenditures of the budget system budgets for basic and applied scientific research, an increase in budget investments in the industry that contribute to subsequent multiplicative growth, and an increase in expenditures of the budget system budgets for vocational training, retraining and advanced training of the working population.

Keywords: economic growth; tax instruments; budget instruments; GDP; inflation; unemployment; budget expenditures; tax rates

For citation: Alandarov R.A., Zaitseva E.A. Analysis of domestic experience in the application of measures and instruments of budgetary policy to stimulate economic growth. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):33-46. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-33-46

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА, РАСЧЕТ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Экономический рост — это увеличение масштабов совокупного производства и потребления в стране, характеризующее прежде всего такими макроэкономическими показателями, как валовой национальный продукт (ВНП), валовой внутренний продукт (ВВП), национальный доход. Экономический рост измеряется темпами роста или прироста этих показателей за определенный период времени (отношение показателей в конце и в начале периода или отношение прироста показателя к его начальному значению) [1].

Для достижения экономического роста ученые не раз обращались к кейнсианской теории. Основа ее состоит в том, что объем производства национального дохода определяется не факторами предложения, а факторами эффективного платежного спроса. Эффективный спрос определяет объем занятости, его фундаментальными компонентами выступают потребление и инвестиции. Инвестирование денежных средств в отрасль порождает рост спроса и дохода не только в данной отрасли, но и в отраслях, смежных с ней. Например, инвестирование в запуск новой авиалинии повлечет за собой инвестиции в топливную отрасль, машиностроение, необходимое для обслуживания самолетов, и т.д. Запуск инвестиций возможен при снижении ссудного процента и удешевлении кредита.

Согласно кейнсианской теории, государство должно менять направление использования бюджетных инструментов. В период спада/рецессии государству следует увеличивать бюджетные расхо-

ды, а именно расходы на социальное обеспечение для поддержки граждан в период кризиса. Налоги, наоборот, необходимо уменьшать для того, чтобы снизить налоговое бремя налогоплательщикам. Данные меры необходимы для запуска экономики, нового витка, который позволит выйти из спада и рецессии на стадию роста.

В период роста Правительство должно проводить сдерживающую политику, увеличивать налоги, снижать государственные расходы. Данное «изъятие» необходимо для получения сбережений населения, т.е. тех денежных средств, которые оседают на руках граждан и не работают в экономике.

Индикаторами экономического роста, помимо значения валового внутреннего продукта, выступают также динамика уровня цен (инфляция) и динамика уровня безработицы. В *табл. 1* приведены данные Международного валютного фонда об основных индикаторах экономического роста в России в 1992–2019 гг.

На основании первичных данных МВФ авторами был рассчитан интегральный показатель экономического роста как отношение коэффициента роста ВВП к произведению коэффициентов роста цен и роста безработицы [2]. Рассчитанные в крайнем правом столбце *табл. 1* данные интегрального показателя экономического роста свидетельствуют о том, что такой рост наблюдался в России в период 2000–2007 гг. (за исключением 2003 г.), 2010–2012 гг., а также в 2017 г.

Наиболее сильный интегральный экономический рост (с учетом факторов инфляции и безработицы) был зафиксирован:

- в 2000 г.: +11,7%;
- в 2007 г.: +17,8%;
- в 2011 г.: +10,3%;
- в 2012 г.: +16,6%.

Таблица 1 / Table 1

Индикаторы экономического прироста в Российской Федерации за период 1992–2019 гг. /
The indicators of economic growth in the Russian Federation for the period 1992–2019*

Год	ВВП (ППС), млрд долл. США	Рост ВВП (реальный), %	Уровень инфляции, %	Безработица, %	Коэффициент роста ВВП	Коэффициент роста цен	Коэффициент роста безработицы	Интегральный показатель экономического роста, %
1992	1703	–	–	5,2	–	–	–	–
1993	1591,9	▼8,7	874,6	5,9	0,913	9,746	1,135	0,083
1994	1419,3	▼12,7	307,6	8,1	0,873	4,076	1,373	0,156
1995	1389,5	▼4,1	197,5	9,4	0,959	2,975	1,160	0,278
1996	1363,8	▼3,6	47,7	9,7	0,964	1,470	1,032	0,636
1997	1406,3	▲1,4	14,8	11,8	1,014	1,148	1,216	0,726
1998	1345,6	▼5,3	27,7	13,3	0,947	1,277	1,127	0,658
1999	1452,9	▲6,4	85,7	13,0	1,064	1,857	0,977	0,586
2000	1635,3	▲10,0	20,8	10,6	1,100	1,208	0,815	1,117
2001	1757,7	▲5,1	21,5	9,0	1,051	1,215	0,849	1,019
2002	1869,3	▲4,7	15,8	8,0	1,047	1,158	0,889	1,017
2003	2046,7	▲7,3	13,7	8,2	1,073	1,137	1,025	0,921
2004	2253,9	▲7,2	10,9	7,7	1,072	1,109	0,939	1,029
2005	2474,8	▲6,4	12,7	7,2	1,064	1,127	0,935	1,010
2006	2758,8	▲8,2	9,7	7,1	1,082	1,097	0,986	1,000
2007	3073,9	▲8,5	9,0	6,0	1,085	1,090	0,845	1,178
2008	3298,7	▲5,2	14,1	6,2	1,052	1,141	1,033	0,892
2009	3063,8	▼7,8	11,7	8,2	0,922	1,117	1,323	0,624
2010	3240,9	▲4,5	6,9	7,4	1,045	1,069	0,902	1,083
2011	3475,4	▲5,0	8,4	6,5	1,050	1,084	0,878	1,103
2012	3670,4	▲3,7	5,1	5,5	1,037	1,051	0,846	1,166
2013	3796,8	▲1,8	6,8	5,5	1,018	1,068	1,000	0,953
2014	3892,0	▲0,7	7,8	5,2	1,007	1,078	0,945	0,988
2015	3835,8	▼2,5	15,5	5,6	0,975	1,155	1,077	0,784
2016	3877	▲0,3	7,1	5,5	1,003	1,071	0,982	0,954
2017	4007,8	▲1,5	3,7	5,2	1,015	1,037	0,945	1,035
2018	4213,4	▲1,7	2,7	5,5	1,017	1,027	1,058	0,936
2019	4357,7	▲1,5	3,7	5,5	1,015	1,037	1,000	0,979

Примечание. *Данные после 2017 г. являются оценочными.

ППС – паритет покупательной способности.

Источник / Source: составлено авторами по данным Международного валютного фонда. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?sy=1992&ey=2023&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=922&s=NGDP_RPCH, PPPGDP, PPPPC, PCIPCH, LUR, GGXWDG_NGDP&grp=0&a=&pr.x=36&pr.y=5 (дата обращения: 30.03.2020) / Compiled by the authors based on the International Monetary Fund data. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?sy=1992&ey=2023&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=922&s=NGDP_RPCH, PPPGDP, PPPPC, PCIPCH, LUR, GGXWDG_NGDP&grp=0&a=&pr.x=36&pr.y=5 (accessed on 03.30.2020).

АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Рассмотрим более подробно инструменты бюджетной политики Российской Федерации, обусловившие сильный интегральный экономический рост в этих годах.

2000 г. (интегральный рост +11,7%)

В 2000 г. рост ВВП России в процентах к 1999 г. составил +10%. Безработица снизилась с 13,0 до

10,6% от общего количества трудоспособного населения. Уровень инфляции снизился с 85,7% в 1999 г. до 20,8% в 2000 г.

Оживление российской экономики после кризиса 1998 г. было вызвано не только благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, но и запланированными серьезными изменениями в сфере налогового законодательства Российской Федерации [3, 4]. Как указывает В. С. Назаров, налоговая

реформа 2000-х гг. — самая успешная. Благодаря ей значительно снизились налоговые ставки, упростился механизм обложения, увеличилась нейтральность налоговой системы. Сократилось количество налогов и сборов: в 1990-х гг. существовало 53 вида налогов и сборов, в первоначальной редакции главы 2 Налогового кодекса — 28 (16 федеральных, 7 региональных и 5 местных), после 2004 г. — 14 (9 федеральных, 3 региональных, 2 местных). При этом удалось существенно увеличить фискальные поступления в бюджет [5].

Одним из наиболее значимых налоговых преобразований в 1998–2000 гг. стала реформа налога на доходы физических лиц (НДФЛ).

Наиболее важным дополнением к порядку определения объекта налогообложения в 1998 г. является положение, устанавливающее дату получения дохода. До принятия изменений отсутствовало четкое понимание, с какого момента следует считать доходы, подлежащие налогообложению, полученными. Налогоплательщики определяли дату получения дохода в календарном году, в которую им производились начисления дохода. Данное положение вызывало массу справедливых нареканий со стороны налогоплательщиков, поскольку из-за сложной экономической ситуации начисление заработной платы не всегда означало одновременно фактическую ее выплату. Между тем подоходный налог подлежал взиманию независимо от того, получило фактически физическое лицо свои доходы или нет.

В 1998 г. были устранены указанные пробелы в законодательстве. Так, согласно дополненной части ст. 2 Закона о подоходном налоге, датой получения дохода в календарном году является либо дата выплаты дохода (включая авансовые платежи), либо дата перечисления дохода, либо дата передачи дохода физическому лицу в натуральной форме. Таким образом, у налогоплательщиков появилась возможность уплачивать налог из реально полученных, а не просто начисленных доходов.

Начиная с 1999 г. суммы отчислений в пенсионные фонды, независимо от того, являются такие фонды государственными или нет, стали подлежать исключению из совокупного дохода физического лица. Если ранее суммы отчислений, производимых организациями, предприятиями, учреждениями за своих работников в негосударственные пенсионные фонды, включались в состав совокупного дохода физических лиц, то с 1999 г. такой порядок был отменен.

В 2000 г. была отменена прогрессивная шкала налога, установлена плоская единая ставка, сокращены льготы и упрощены процедуры уплаты и сбора налога. В середине 2000-х гг. была установлена плоская шкала налога на доходы физических лиц по единой ставке в 13%. Органы государственной власти исходили из того, что это не должно привести к падению поступлений, наоборот, стимулы к легализации расширят налоговую базу за счет выхода из тени высоких доходов. В результате реформы была обеспечена большая справедливость подоходного налога, упростилась процедура уплаты налога, сократились расходы на его администрирование, так как уменьшилось число ситуаций, когда требовалось декларировать доходы.

Отметим, что именно налоговая реформа по взиманию НДФЛ привела к резкому сокращению безработицы. Трудоспособное население получило дополнительный стимул вступать в легальные трудовые отношения с работодателями, а не скрывать свои доходы посредством зарплат в конвертах [6]. Упрощение налогового администрирования также оказалось стимулом для организаций свободно нанимать необходимое количество работников без необходимости утаивания расходов на заработную плату и ведения двойных бухгалтерий. Сокращение налоговых ставок по НДФЛ повысило деловую активность населения и его мотивированность к трудоустройству.

Другим важным изменением в налоговом законодательстве Российской Федерации в 1998–2000 гг. стало внесение изменений в порядок взимания налога на добавленную стоимость. Налог на добавленную стоимость в России был введен в действие с 1 января 1992 г. и регулировался законом Российской Федерации от 06.12.1991 № 1992–1 «О налоге на добавленную стоимость».

В 1998 г. была принята часть 1 Налогового кодекса Российской Федерации, где соединились все законодательные новации, была устранена множественность нормативных актов при осуществлении налогового регулирования. В результате принятия кодекса налоговые нормы были обеспечены механизмами их реализации, упорядочена и введена в правовое русло деятельность налоговых органов и налогоплательщиков, снижена роль усмотрения правоприменительных органов.

К примеру, с 1 января 1993 г. принято решение о снижении основной ставки НДС до 20%. Одновременно с этим в перечень товаров, облагаемых по сниженной ставке, внесены все виды продовольст-

венных товаров, за исключением алкогольной продукции, а также часть детских товаров, конкретный перечень которых устанавливался Правительством России. Для данной категории размер налога был снижен до 10%.

Однако до 2000 г. перечень льготных товаров, облагаемых НДС по ставке 10%, не был законодательно закреплён, а утверждался Правительством Российской Федерации, что создавало неуверенность производителей указанных льготных товаров в сохранении пониженных ставок НДС и, как следствие, приводило к сокращению объёма производства льготных товаров. Законодательное закрепление в 2000 г. социально значимых товаров, облагаемых пониженной ставкой НДС, обеспечило не только повышение защиты малообеспеченного населения, но и повысило деловую активность производителей данных товаров. Кроме того, в 2000 г. был расширен перечень подобных социально значимых товаров — в него были включены яйца, мясо и мясопродукты, рыба и морепродукты, дикорастущие ягоды и плоды. Перечень товаров для детей дополнили трикотажные и швейные изделия, обувь.

В 1998–2000 гг. также произошёл существенный рост расходов федерального бюджета. По данным Федерального казначейства (<https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet/1020>), совокупные расходы федерального бюджета за период 1998–2000 гг. увеличились на 150% (в 2,5 раза) по сравнению с 1997 г. В абсолютном выражении этот рост расходов составил 560 млрд руб. (с 361 млрд руб. в 1997 г. до 921 млрд руб. в 2000 г.).

В разрезе функциональной классификации расходов существенный рост произошёл в объёмах расходов федерального бюджета на промышленность, энергетику и строительство. Так, в 1998 г. данные расходы значительно сократились в связи с кризисом (с 26 млрд руб. в 1997 г. до 11 млрд руб. в 1998 г.). Однако уже в 1999 г. расходы федерального бюджета на промышленность, энергетику и строительство возросли до 17 млрд руб., а в 2000 г. — до 35 млрд руб. Таким образом, всего за два послекризисных года удалось не только восстановить бюджетную поддержку промышленности на докризисном уровне, но и увеличить её более чем на треть (с 26 млрд руб. в 1997 г. до 35 млрд руб. в 2000 г.).

Также в 1998–2000 гг. увеличились расходы на фундаментальные научные исследования и содействие научно-техническому прогрессу. В абсолютном выражении указанный рост расходов составил 10,2 млрд руб. (с 5,2 млрд руб. в 1998 г.

до 17,4 млрд руб. в 2000 г.), в относительном — более чем в 3 раза. Также отметим, что уже в 1999 г. расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) превысили докризисный уровень, а в 2000 г. из федерального бюджета на поддержку научных исследований стало выделяться практически в 2 раза больше средств, чем в 1997 г. (17,4 млрд руб. в 2000 г. против 9,5 млрд руб. в 1997 г.).

Отметим, что именно рост расходов на НИОКР в большинстве случаев содействует интенсификации экономического роста и развития, поскольку в результате научных исследований создаются новые знания и технологии, способствующие появлению новых отраслей производства и модернизации существующих отраслей [7]. В результате НИОКР растёт эффективность ведения хозяйства страны в целом, что предполагает экономию имеющихся у государства ресурсов и возможность их перенаправления в другие сектора экономики.

Таким образом, можно констатировать, что значительное оживление экономики России в 2000 г. было обусловлено грамотной контрциклической бюджетно-налоговой политикой, при которой в период кризиса и депрессии облегчается налоговое бремя на экономических агентов, и одновременно с этим растут государственные расходы на поддержку промышленности, строительства, научные исследования и опытно-конструкторские работы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ И НАЛОГОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД 2007–2010 ГГ.

2007 г. (интегральный рост +17,8%)

В 2007 г. рост ВВП России в процентах к 1999 г. составил +8,5%. Безработица снизилась с 7,1 до 6,0% от общего количества трудоспособного населения. Эти обстоятельства обеспечили весомый интегральный экономический рост, несмотря на темп инфляции 9%.

Период 2000–2007 гг. принято считать эпохой экономического подъёма российской экономики из-за благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры на рынке углеводородного сырья. Тем не менее, анализируя итоги расчетов в табл. 1, можно сделать вывод, что интегральные показатели роста в 2001–2006 гг. не превышали 3% в год. Например, в 2006 г. рост ВВП России составил +8,2% при уровне

безработицы 7,1%. В 2007 г. при похожих темпах роста ВВП (+8,5%) безработица составила только 6,0%. Таким образом, существенный экономический рост 2007 г. проявился именно в снижении уровня безработицы.

Как следует из табл. 2, в 2007 г. все отрасли российской экономики продемонстрировали существенный рост валовой добавленной стоимости (20–40% по отношению к уровню 2006 г.)¹. Это означает, что снижение безработицы в 2007 г. произошло в результате благоприятных макроэкономических факторов, которые оказали позитивное влияние на все отрасли в целом.

Основными макроэкономическими факторами роста российской экономики в 2007 г. стали высокие цены на нефть при девальвации рубля, растущий объем внутренних и внешних инвестиций в национальную экономику.

Среди инструментов бюджетной политики, оказавших влияние на экономический рост в 2007 г., следует выделить изменения в налоговом законодательстве, а также рост бюджетных инвестиций, в том числе в научно-исследовательские работы (НИР).

Наиболее существенным изменением в налоговом законодательстве 2004–2007 гг., затронувшим все отрасли российской экономики, стали, как и в 2000 г., преобразования в налогообложении по НДС [8].

В 2004 г. базовая ставка по НДС была снижена с 20 до 18%, что позволило российским организациям снизить цены и тем самым повысить конкурентоспособность производимой продукции. При сохранении действовавших ранее цен российские компании смогли увеличить норму прибыли и реинвестировать дополнительную прибыль в расширение деятельности.

В 2005 г. перестали облагаться НДС следующие операции: реализация земельных участков (долей в них), реализация жилых домов, жилых помещений, а также долей в них, передача доли в праве на общее имущество в многоквартирном доме при реализации квартир. Также было установлено налогообложение НДС по налоговой ставке 0% при реализации нефти, включая стабильный газовый конденсат и природный газ (которые экспортируются на территории государств — участников Содружества Независимых Государств), вывезенных в таможенном режиме

экспорта при условии представления в налоговые органы подтверждающих документов.

Изменения в налогообложении НДС в 2006 г. были еще более существенными и затронули вопрос учета налоговых вычетов. Начиная с 2006 г. вычет НДС по приобретенным ценностям (услугам) стал возможен без их оплаты, за исключением импортных товаров, а также товаров (работ, услуг) длительного цикла и при выполнении строительно-монтажных работ хозяйственным способом. Указанное нововведение позволило ускорить оборачиваемость капитала российских компаний за счет более быстрого принятия к вычету НДС по приобретенным ценностям. Ускорение оборачиваемости капитала, в свою очередь, повысило финансовую устойчивость организаций.

В 2007 г. был унифицирован налоговый период по НДС и установлен для всех налогоплательщиков как квартал. До 2007 г. право уплачивать НДС ежеквартально было предоставлено только налогоплательщикам с ежемесячными в течение квартала суммами выручки от реализации товаров (работ, услуг) без учета НДС, не превышающими 1 млн руб. Следовательно, налогоплательщик, у которого в каком-либо месяце квартала сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) без учета НДС превысила 1 млн руб., утрачивал право на ежеквартальную уплату налога и представление декларации по нему. Такой налогоплательщик был обязан представлять декларацию в общем порядке, т.е. ежемесячно, начиная с месяца, в котором произошло указанное превышение суммы выручки. Кроме того, непредставление налогоплательщиком в установленный законодательством о налогах и сборах срок налоговой декларации в налоговый орган по месту учета влекло взыскание штрафа в размере 5% суммы налога, подлежащей уплате (доплате) на основе этой декларации, за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для ее представления, но не более 30% указанной суммы и не менее 100 руб.

Отметим, что до 2007 г. ежеквартальное обложение НДС было доступно исключительно для малого бизнеса, а средний бизнес и крупные компании должны были ежемесячно уплачивать НДС. Таким образом, любое расширение деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей до 2007 г. приводило к усилению налогового бремени по НДС и ежемесячной потере части финансовых ресурсов. Продление налогового периода по НДС с месяца до квартала позволило всем организациям подавать налоговые декларации по НДС менее часто,

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab10.htm.

Таблица 2 / Table 2

Темпы экономического роста в Российской Федерации по отраслям в 2007 г. /
The economic growth rates in the Russian Federation by industry in 2007

Отрасль хозяйства	2006 г.	2007 г.	Темп роста, %
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах (трлн руб.)	26,9	33,2	▲ 23,5
В том числе:			
валовая добавленная стоимость в основных ценах (трлн руб.)	23,0	28,5	▲ 24,0
В том числе:			
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,0	1,2	▲ 21,8
рыболовство, рыбоводство	0,1	0,1	▲ 6,1
добыча полезных ископаемых	2,5	2,9	▲ 14,2
обрабатывающие производства	4,1	5,0	▲ 22,1
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,7	0,9	▲ 17,7
строительство	1,2	1,6	▲ 35,9
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	4,7	5,7	▲ 22,9
гостиницы и рестораны	0,2	0,3	▲ 38,5
транспорт и связь	2,2	2,8	▲ 22,4
финансовая деятельность	1,0	1,3	▲ 28,3
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2,3	3,1	▲ 35,6
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1,2	1,5	▲ 23,3
образование	0,6	0,8	▲ 24,3
здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,8	1,0	▲ 24,2
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,4	0,5	▲ 25,2
Чистые налоги на продукты	3,9	4,8	▲ 20,9

Источник / Source: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики: URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab10.htm (дата обращения: 31.03.2020) / Compiled by the authors based on the data of the Federal State Statistics Service: URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab10.htm (accessed on 03.31.2020).

что соответственно повысило ликвидность счетов российских компаний и увеличило добавленную стоимость во всех отраслях.

Среди инструментов бюджетной политики в области расходов следует отметить значительный рост расходов на НИР в 2005–2007 гг.² (табл. 3).

² Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/federalnyj-byudzheth/1020/>.

Общий рост расходов федерального бюджета на научные исследования в 2007 г. составил +53,2% относительно уровня 2005 г. В абсолютном выражении расходы на НИР увеличились на 89,8 млрд руб., в том числе фундаментальные НИР — на 22,8 млрд руб. (+71% в относительном выражении), прикладные НИР — на 67,1 млрд руб. (+49% в относительном выражении).

Интенсивный экономический рост отличается тем, что увеличение стоимости происходит одновре-

Таблица 3 / Table 3

**Динамика расходов федерального бюджета на научно-исследовательские работы
в 2005–2007 гг. (млрд руб.) / Dynamics of federal budget expenditures
on research in 2005–2007 (billion rubles)**

Направление расходов	2005	2006	2007	Темп роста в 2007 г. по сравнению с 2005 г., %
Расходы на научные исследования (всего)	168,9	193,8	258,7	▲ 53,2
Фундаментальные исследования	32,0	42,6	54,8	▲ 71,0
Прикладные научные исследования	136,8	151,2	203,9	▲ 49,0
в том числе в области:				
общегосударственных вопросов	3,5	5,4	11,2	▲ 218,3
национальной обороны	89,2	93,0	120,9	▲ 35,6
национальной безопасности и правоохранительной деятельности	2,8	3,5	5,1	▲ 82,8
национальной экономики	38,0	45,4	60,7	▲ 59,9
ЖКХ	0,1	0,0	0,0	▼ 72,6
охраны окружающей среды	0,2	0,2	0,2	▲ 17,5
образования	1,8	0,9	2,0	▲ 12,3
культуры, кинематографии и СМИ	0,2	0,2	0,3	▲ 61,9
здравоохранения и спорта	1,1	2,4	3,4	▲ 194,9
социальной политики	0,1	0,1	0,1	▲ 74,9

Источник / Source: составлено авторами по данным Федерального казначейства. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/federalnyj-byudzhets/1020/> (дата обращения: 31.03.2020) / compiled by the authors based on the data of the Federal Treasury. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/federalnyj-byudzhets/1020/> (accessed on 03.31.2020).

менно во всех отраслях экономики [9]. При экстенсивном росте увеличивается производство в одних отраслях за счет снижения объема экономических ресурсов в других (перераспределение ресурсов). В 2007 г. мы могли наблюдать интенсивный экономический рост (стоимость равномерно увеличилась во всех отраслях экономики). Таким образом, можно отметить прямую корреляцию между ростом бюджетных расходов на НИР в 2005–2007 гг. и ростом валовой добавленной стоимости в 2007 г. [10].

ОЦЕНКА НАИБОЛЕЕ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2011–2012 ГГ.

2011–2012 гг. (интегральный рост +10,3% и +16,6% соответственно)

В 2011–2012 гг. рост ВВП России в процентах к предшествующим периодам составил соответ-

ственно +5,0% и +3,7%. Безработица в 2011 г. снизилась с 7,4 до 6,5%, а в 2012 г. — с 6,5 до 5,5% от общего количества трудоспособного населения. Инфляция в 2011 г. составила 8,4%, в 2012 г. — 5,1%. Как и в 2007 г., существенный экономический рост 2011–2012 гг. проявился именно в снижении уровня безработицы.

Как следует из табл. 4, в 2011–2012 гг. сильный рост валовой добавленной стоимости (30–40% по отношению к предыдущим периодам)³ наблюдался преимущественно в строительстве, сельском хозяйстве, области добычи полезных ископаемых, финансовой деятельности. Особенно сильный рост валовой добавленной стоимости продемонстрировало строительство.

³ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab10.htm (дата обращения: 31.03.2020).

Таблица 4 / Table 4

**Темпы экономического роста в Российской Федерации по отраслям в 2011–2012 гг. /
Rates of economic growth in the Russian Federation by industry in 2011–2012**

Отрасль хозяйства	2010 г., трлн руб.	2011 г., трлн руб.	Темп роста, %	2012, трлн руб.	Темп роста, %
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	46,3	56,0	▲20,9	68,2	▲21,8
В том числе:					
валовая добавленная стоимость в основных ценах	40,0	47,7	▲19,2	59,0	▲23,6
В том числе:					
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,5	2,0	▲36,8	2,1	▲4,4
рыболовство, рыбоводство	0,1	0,1	▲1,7	0,1	▲9,3
добыча полезных ископаемых	3,8	5,1	▲33,0	5,6	▲8,9
обрабатывающие производства	5,9	7,4	▲25,3	8,0	▲8,2
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,5	1,8	▲17,7	1,8	▲0,5
строительство	2,6	3,5	▲35,9	4,5	▲28,6
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8,0	9,1	▲13,6	9,9	▲8,7
гостиницы и рестораны	0,4	0,5	▲15,8	0,5	▲13,9
транспорт и связь	3,7	4,1	▲12,3	4,5	▲9,0
финансовая деятельность	1,8	2,0	▲10,3	2,4	▲23,1
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4,9	5,5	▲12,4	10,2	▲85,0
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2,4	2,7	▲10,3	4,6	▲70,4
образование	1,2	1,4	▲13,2	1,5	▲11,2
здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,5	1,8	▲18,2	2,0	▲11,5
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,7	0,8	▲13,1	0,9	▲15,5
Чистые налоги на продукты	6,3	8,2	▲31,6	9,2	▲11,1

Источник / Source: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики: URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab10.htm (дата обращения: 31.03.2020) / Compiled by the authors based on the data of the Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab10.htm (accessed on 03.31.2020).

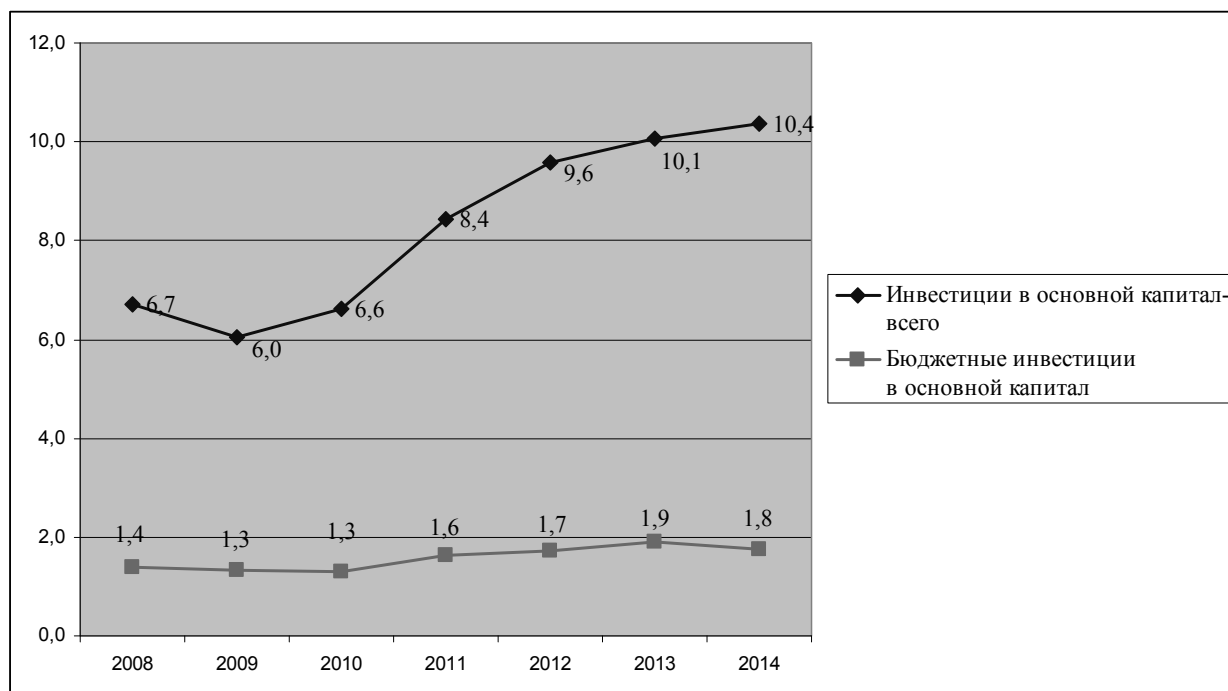

Рис. 1 / Fig. 1. Объемы инвестиций в основной капитал в Российской Федерации в 2008–2012 гг., млрд руб. / The volume of investment in fixed assets in the Russian Federation in 2008–2012, billion rubles

Источник / Source: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения: 01.04.2020) / Compiled by the authors based on the data of the Federal State Statistics Service. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (accessed on 04.01.2020).

Сильный экономический подъем в строительстве обычно связан с возрастанием инвестиций в основной капитал [11, 12]. По данным Росстата, начиная с 2009 г. произошел значительный рост инвестиций в основной капитал в Российской Федерации (рис. 1).

Определенный вклад в рост внутренних инвестиций в основной капитал в Российской Федерации внесли бюджетные инвестиции [13]. Несмотря на кризис 2008 г., в 2009–2010 гг. бюджетные инвестиции не сократились, что позволило поддержать российскую промышленность. А в 2011 г. суммарный объем бюджетных инвестиций возрос с 1,3 трлн до 1,6 трлн руб. (в относительном выражении — на 23%).

Бюджетные инвестиции предоставляются организациям в виде взносов в уставный капитал, а также посредством предоставления субсидий в целях последующего осуществления капиталовложений [14].

В 2009–2012 гг. наибольший объем бюджетных инвестиций предоставлялся из федерального бюджета для следующих целей:

- строительство автомобильных дорог;
- взносы в уставный капитал ОАО «Российские железные дороги» на развитие железнодорожной инфраструктуры;
- развитие инфраструктуры ЖКХ [15];

- поддержка сельского хозяйства, в том числе в качестве взноса в уставный капитал ОАО «Российский сельскохозяйственный банк» в целях кредитования организаций агропромышленного комплекса, крестьянских (фермерских) хозяйств, граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственных потребительских кооперативов;

- строительство специальных военных объектов и обеспечение военнослужащих федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, служебными жилыми помещениями и жилыми помещениями в общежитиях;

- развитие инфраструктуры г. Сочи в связи с подготовкой к зимним Олимпийским играм 2014 г.

В целях недопущения негативных последствий безработицы органами государственной власти осуществляется бюджетное финансирование профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации трудоспособного, работающего населения [16, 17]. На рис. 2 видно, что указанные расходы в 2009–2012 гг. демонстрировали стабильный рост⁴.

⁴ Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannyj-byudzheto/191>.

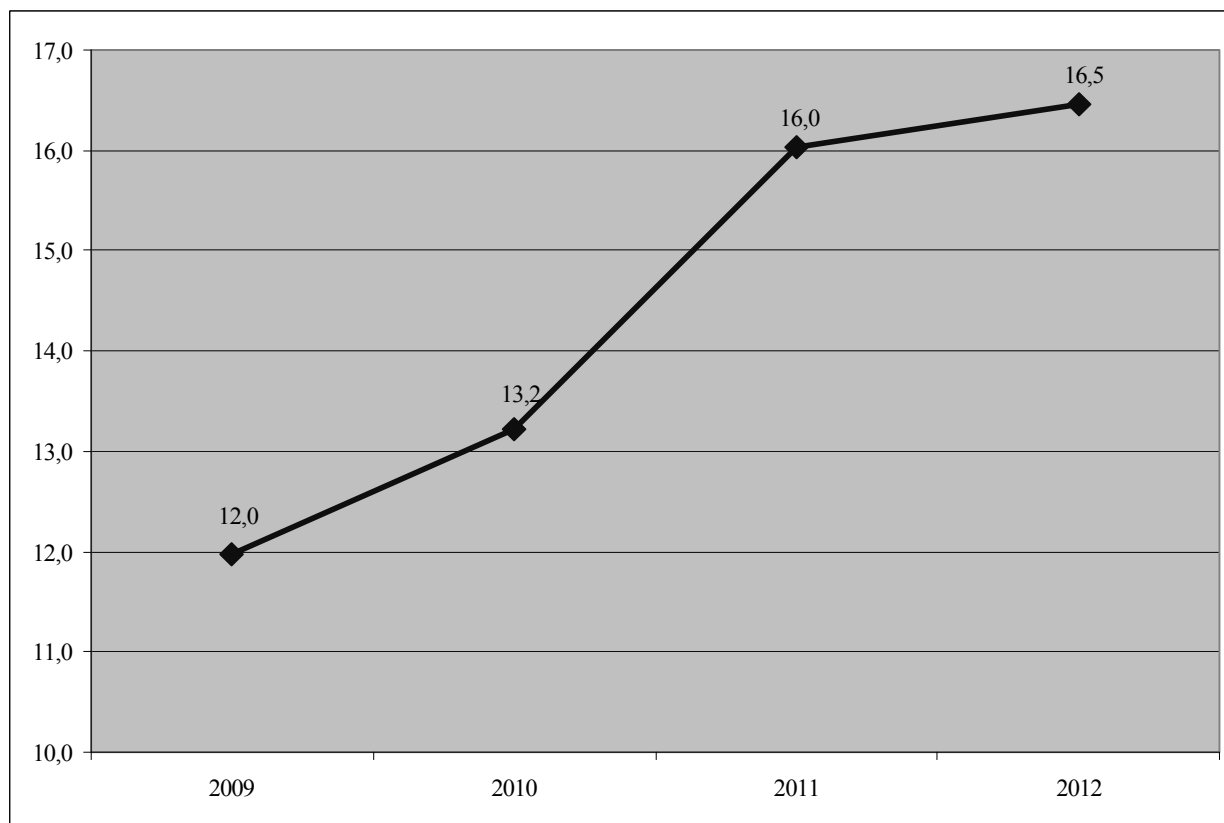

Рис. 2 / Fig. 2. Объемы расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации в 2009–2012 гг., млрд руб. / The volume of expenditures of the consolidated budget of the Russian Federation on professional training, retraining, and advanced training in 2009–2012, billion rubles

Источник / Source: составлено авторами по данным Федеральной службы казначейства. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhzet/191/> (дата обращения: 01.04.2020) / Compiled by the authors according to the data of the Federal Treasury Service: URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhzet/191/> (accessed on 04.01.2020).

К 2012 г. расходы консолидированного бюджета на проведение профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в относительном выражении увеличились на 37,5% по сравнению с уровнем 2009 г., что является одним из факторов снижения безработицы в данном периоде.

Также мерой по снижению уровня безработицы является налоговое стимулирование индивидуального предпринимательства (самозанятости населения). В 2012 г. в числе подобных налоговых инструментов стимулирования можно было выделить развитие упрощенной системы налогообложения в части разрешения предпринимателям, применяющим УСН (упрощенную систему налогообложения) с объектом «доходы» и не имеющим наемных работников, уменьшать сумму налога (авансовых платежей) на страховые взносы, исчисленные исходя из стоимости страхового года, без ограничений.

Ранее, в 2011 г., в отношении индивидуальных предпринимателей были улучшены условия ад-

министрирования земельного налога — отменена необходимость подавать расчеты по авансовым платежам по земельному налогу в течение налогового периода.

Если говорить о современной бюджетно-налоговой политике в свете кейнсианской теории, то стоит отметить, что расходы на социальное обеспечение растут, как и предполагается, в период спада/рецессии. В период пандемии по поручению Президента и инициативе Правительства РФ в качестве поддержки физических лиц были приняты следующие меры:

- введение запрета на отключение коммунальных услуг и начисление штрафов за их неуплату (до конца 2020 г.);
- материальная поддержка граждан, оставшихся за границей. Для этого из бюджета было выделено около 500 млн руб.;
- увеличение пособия по безработице до МРОТ — 12 130 руб.;

- семьям с детьми до 3 лет ежемесячно выплачивалось по 5000 руб. на каждого ребенка;
- сохранение зарплаты всем, кто вынужден не работать из-за пандемии, и др.

Для помощи бизнесу были приняты следующие меры:

- отсрочка по всем налогам за исключением НДС на полгода;
- отсрочка по выплатам в социальные фонды за сотрудников;
- мораторий на подачу заявлений о банкротстве и взыскание штрафов на ближайшие шесть месяцев и др.

Если говорить о налогах, то стоит отметить, что кейнсианская теория в данном случае также «работает». Юридические лица получили отсрочку по всем налогам, кроме НДС. Справедливости ради скажем, что из-за этого бюджет недополучил существенную сумму, поэтому некоторые налоги увеличены с целью его пополнения.

Также была отменена пониженная ставка по дивидендам и процентам по международным соглашениям. Вклады теперь будут облагаться НДФЛ. НДС же был увеличен до 20% (еще до пандемии).

В период экономического спада (кризиса) государство увеличивает выплаты населению и снижает налоги, что способствует постепенному аккуратному выходу страны из экономического спада.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги отечественного опыта применения мер и инструментов бюджетной политики для стимулирования экономического роста, можно отметить, что наибольшим эффектом обладает грамотное совмещение налоговых и бюджетных инструментов стимулирующей бюджетной политики, при котором, с одной стороны, облегчается налоговое бремя на экономических агентов, а с другой — происходит

расходование бюджетных средств на мероприятия по стимулированию деловой активности и борьбе с безработицей [18,19].

Опыт лучших практик показывает, что наиболее эффективными налоговыми инструментами стимулирования экономического роста являются:

- равномерное (или умеренно прогрессивное) налогообложение доходов физических лиц без включения в налоговую базу сумм отчислений работодателями в социальные внебюджетные фонды;
- снижение базовой налоговой ставки по косвенным налогам (в первую очередь НДС). Расширение и законодательное закрепление перечня товаров, облагаемых пониженной ставкой по налогу на добавленную стоимость, включая сырье и полуфабрикаты для производства таких товаров, а также удлинение налогового периода по НДС;
- расширение практики применения упрощенной системы налогообложения и налогообложения самозанятого населения по пониженным ставкам.

Среди бюджетных инструментов стимулирования экономического роста самыми результативными являются:

- увеличение расходов бюджетов бюджетной системы на фундаментальные и прикладные научные исследования и содействие научно-техническому прогрессу;
- увеличение бюджетных инвестиций в строительство, транспорт, промышленность и сельское хозяйство, обеспечивающее последующий мультипликативный рост не только данных отраслей, но и хозяйства страны в целом;
- увеличение расходов бюджетов бюджетной системы на осуществление профессиональной подготовки, переподготовку и повышение квалификации трудоспособного работающего населения в целях снижения уровня фрикционной и структурной безработицы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М; 2019. 512 с.
2. Ehigiamusoe K. U., Lean H. H. Do economic and financial integration stimulate economic growth? a critical survey. *Economics — The Open Access Open-Assessment E-Journal*. 2019;(13):1–27. DOI: 10.5018/economics-ejournal.ja.2019–4
3. Likhosherstova G. N., Solovyov A. B., Sazonova N. V., Yakovenko N. V. Globalization of the world economic-innovative process and its effect on the cluster policy of the Russian Federation in the field of formation of spatial organization of the territory. *Research result. Economic research*. 2016;(4):15–20. DOI: 10.18413/2409–1634–2016–2–4–15–20

4. Кондакова А. С. Роль налогов в современной экономике. *Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки*. 2017;(8):233–237.
5. История новой России: очерки, интервью: в 3 т. / под общ. ред. П. С. Филиппова. СПб.: НОРМА; 2011. 677 с.
6. Слепнева Л. Р. Роль налогов в стимулировании экономического роста регионов. *Вестник современных исследований*. 2019;(31):108–112.
7. Усоскин В. М., Белоусова В. Ю., Чичканов Н. Ю. Мировой опыт организации и финансирования НИОКР на примере США и ЕС. *Международные процессы*. 2019;(56):38–61. DOI: 10.17994/IT.2019.17.1.56.3
8. Steshenko Ju. A., Tikhonova A. V. An integral approach to evaluating the effectiveness of tax incentives. *Journal of Tax Reform*. 2018;(2):157–173. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.2.050
9. Konno T. Network effect of knowledge spillover: scale-free networks stimulate R&D activities and accelerate economic growth. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2016;(458):157–167. DOI: 10.1016/j.physa.2016.04.005
10. Мазанцева М. Г., Крюкова А. А. Влияние инновационных технологий на экономическое развитие общества в России. *Аллея науки*. 2017;(10):829–833.
11. Алтунян А. Г., Коцофана Т. В. Приоритеты экономической политики в обеспечении условий устойчивого экономического роста. *Финансы и кредит*. 2019;(788):1821–1834
12. Семенова Н. Н. Бюджетная политика России и неоиндустриализация: современные реалии. *Финансы и кредит*. 2018;(770):255–271. DOI: 10.24891/fc.24.2.255
13. Колодина А. А., Адамская Л. В. Проблемы экономического роста в современной России. *Мировые цивилизации*. 2017;(1):1–5.
14. Косов М. Е. Бюджетная политика Российской Федерации: проблемы и пути их решения. *Экономика и предпринимательство*. 2016;(73):847–855.
15. Кузьмин И. Д., Шибанихин Е. А., Тхакахова М. О. Инфраструктурные инвестиции как фактор стимулирования экономического роста. *Инновационное развитие*. 2018;(22):125–127.
16. Khan K., Su C.-W., Tao R., Yang L. Does remittance outflow stimulate or retard economic growth? *International Migration*. 2019;(5):105–120. DOI: 10.1111/imig.12615
17. Аверкина С. Г., Щукина Н. А. Факторы экономического роста России. *Проблемы современной науки и образования*. 2020;(149):9–11.
18. Чалова А. Ю., Омшанова Э. А. Бюджет стимулирования экономического роста, или как не выйти за рамки бюджетного правила. *Федерализм*. 2018;(92):115–133.
19. Аландаров Р. А., Зайцева Э. А. Сравнительная характеристика источников финансирования дефицитов федеральных бюджетов России и США. *Научные исследования и разработки. Экономика*. 2019;(4):57–62.

REFERENCES

1. Raizberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary. 6th ed. Moscow: INFRA-M; 2019. 512 p. (In Russ.).
2. Ehigiamusoe K. U., Lean H. H. Do economic and financial integration stimulate economic growth? a critical survey. *Economics — The Open Access Open-Assessment E-Journal*. 2019;(13):1–27. DOI 10.5018/economics-ejournal.ja.2019–4
3. Likhosherstova G. N., Solovyov A. B., Sazonova N. V., Yakovenko N. V. Globalisation of the world economic-innovative process and its effect on the cluster policy of the Russian Federation in the field of formation of spatial organization of the territory. Research result. *Economic research*. 2016;(4):15–20. DOI: 10.18413/2409–1634–2016–2–4–15–20
4. Kondakova A. S. The role of taxes in the modern economy. *Образование и наука без границ*. 2017;(8):233–237. (In Russ.).
5. History of the new Russia: essays, interviews. In 3 vols. P.S. Filippov, ed. Saint Petersburg: NORMA; 2011. 677 p. (In Russ.).
6. Slepneva L. R. the Role of taxes in stimulating economic growth of regions. *Vestnik sovremennyh issledovanij*. 2019;(31):108–112. (In Russ.).
7. Usoskin V. M., Belousova V. Yu., Chichkanov N. Yu. World experience of R&D organization and financing on the example of the USA and EU. *Mezhdunarodnye process*. 2019;(56):38–61. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2019.17.1.56.3

8. Steshenko Ju.A., Tikhonova A.V. An integral approach to evaluating the effectiveness of tax incentives. *Journal of Tax Reform*. 2018;(2):157–173. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.2.050
9. Konno T. Network effect of knowledge spillover: scale-free networks stimulate R&D activities and accelerate economic growth. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2016;(458):157–167. DOI: 10.1016/j.physa.2016.04.005
10. Mazantseva M.G., Kryukova A.A. Influence of innovative technologies on the economic development of society in Russia. *Alleya nauki*. 2017;(10):829–833. (In Russ.).
11. Altunyan A.G., Kotsofana T.V. Priorities of economic policy in ensuring conditions for sustainable economic growth. *Finansy i kredit*. 2019;(788):1821–1834. (In Russ.).
12. Semenova N.N. Budget policy of Russia and neoindustrialization: modern realities. *Finansy i kredit*. 2018;(770):255–271. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.24.2.255
13. Kolodina A.A., Adamskaya L.V. Problems of economic growth in modern Russia. *Mirovye civilizacii*. 2017;(1):1–5. (In Russ.).
14. Kosov M.E. Budget policy of the Russian Federation: problems and ways to solve them. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2016;(73):847–855. (In Russ.).
15. Kuzmin I.D., Shibanikhin E.A., Thakakhova M.O. Infrastructure investments as a factor of stimulating economic growth. *Innovacionnoe razvitie*. 2018;(22):125–127. (In Russ.).
16. Khan K., Su C.-W., Tao R., Yang L. Does remittance outflow stimulate or retard economic growth? *International Migration*. 2019;(5):105–120. DOI: 10.1111/imig.12615
17. Averkina S.G., Shchukina N.A. Factors of economic growth in Russia. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2020;(149):9–11. (In Russ.).
18. Chalova A. Yu., Omshanova E.A. Budget for stimulating economic growth, or how not to go beyond the budget rule. *Federalizm*. 2018;(92):115–133. (In Russ.).
19. Alandarov R.A., Zaitseva E.A. Comparative characteristics of sources of financing of Federal budget deficits in Russia and the USA. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika*. 2019;(4):57–62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Роман Алексеевич Аландаров — кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
alroma-88@mail.ru

Эвелина Андреевна Зайцева — студентка 3-го курса финансово-экономического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия
mimishka.evelina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Alandarov — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Public Finance, Financial University, Moscow, Russia
alroma-88@mail.ru

Evelina A. Zaitseva — 3rd year student of Faculty of Economics and Finance, Financial University, Moscow, Russia
mimishka.evelina@yandex.ru

Статья поступила 10.05.2020; после рецензирования 15.05.2020; принята к публикации 15.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2020; revised on 15.05.2020 and accepted for publication on 15.08.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-47-55
УДК 004.891(045)
JEL G30, G32, G39

Концептуальная модель системы управления финансами предприятий с применением современных информационных технологий

Ю.П. Кишкович

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9058-5628>

АННОТАЦИЯ

В современных условиях развития информационных технологий изменился режим управления бизнесом. Сфера управления расширилась от внутренней к внешней. Модель инноваций корпоративного управления финансами должна адаптироваться к этому изменению. В эпоху глобального внедрения информационных систем новаторство режима корпоративного финансового управления заключается не только в рациональном планировании и использовании собственных ресурсов компании, но и во включении различных категорий социальных ресурсов, необходимых для операций компании, в систему корпоративного управления финансами. Целью статьи является построение концептуальной модели системы управления финансами предприятий с применением современных информационных технологий. При исследовании выбранной темы были использованы системный подход к управлению финансами предприятий и методы экономического и детерминированного факторного анализа, синтеза, группировки.

Ключевые слова: системы финансового менеджмента; современные информационные технологии; корпоративные системы; управление; бизнес-планирование; финансовое планирование; бюджетирование; полномасштабная автоматизация; применение

Для цитирования: Кишкович Ю.П. Концептуальная модель системы управления финансами предприятий с применением современных информационных технологий. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):47-55. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-47-55

ORIGINAL PAPER

Conceptual Model of Enterprise Financial Management System with the Application of Modern Information Technologies

Yu.P. Kishkovich

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9058-5628>

ABSTRACT

In modern conditions of information technology development, the business management regime has changed. The sphere of management has expanded from internal to external. The innovation model of corporate Finance management must also adapt to this change. In an era of the global implementation of information systems and management tools, the innovation of the corporate financial management regime is not only in the rational planning and use of the company's own resources but also in the inclusion of various categories of social resources necessary for the company's operations in the category of corporate financial management and delivery to the enterprise. The purpose of the article is to consider the conceptual model of the financial management system of enterprises using modern information technologies. In the study, the author used a systematic approach to the enterprise's financial management and methods of economic and deterministic factor analysis, synthesis, and grouping as well.

Keywords: financial management systems; modern information technologies; corporate systems; business planning management; financial planning; budgeting; full-scale automatisaton; applications

For citation: Kishkovich Yu.P. Conceptual model of enterprise financial management system with the application of modern information technologies. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):47-55. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-47-55

© Кишкович Ю.П., 2020

Первыми программными продуктами, которые в той или иной степени автоматизируют управление финансами, были автоматизированные рабочие места (АРМ). Само появление АРМ стало своего рода революцией, потому что такие рутинные операции, как бухгалтерский учет, учет материальных запасов, были доверены компьютерам, которые делают это гораздо быстрее и лучше, чем человек. Следующим этапом эволюции стала интеграция разрозненных АРМ в единые комплексные системы. Результаты таких объединений называются «MRP» (Material Requirements Planning) и являются системой, которая дает возможность планировать потребности предприятия в ресурсах и делать так, чтобы эти потребности были вовремя удовлетворены, необходимые комплектующие пошли в производство и заказ был выполнен в установленный срок. Однако у вышеуказанных систем были недостатки, которые следовало устранять. На современном этапе управление финансами выходит на новый уровень. Интернет-технологии, распределенные сети, системы когнитивной и Big Data обработки данных, финтех-технологии, а также быстрые изменения в информационном пространстве требуют иного подхода к управлению финансами. Именно разработке модели управления финансами с учетом современных технологий посвящена статья.

Вопросы управления предприятиями с применением современных информационных технологий рассматривались в работах отечественных и зарубежных экономистов, в их числе Б. Баха-рех и С. Й. Майели [1], Х. Али и Д. У. Эрхан [2], Е. Генри и Т. Г. Робинсон [3], А. Имрохороглу и С. Тузель [4], З. Кордей-Де Вилла [5], М. С. Агафонова, А. К. Климачева, К. О. Гайдар [6], К. В. Балдин [7], Н. К. Боярчук [8], Т. Л. Васютина, Р. Е. Стахно [9], А. О. Варфоломеева [10], Р. Б. Васильев [11], М. А. Венделева [12], В. Р. Веснин [13], В. Б. Гуляева [14], А. В. Гусев [15], Т. Я. Данелян [16], С. Н. Ключко [17], С. В. Любавина [18], Т. П. Сацук [19], А. А. Харченко [20] и др.

Однако, проведя анализ всех литературных источников, автор статьи пришел к выводу, что проблематика моделирования современных систем управления финансами предприятий более качественно раскрыта у зарубежных авторов. Е. Генри и Т. Г. Робинсон считают, что информационные технологии и интеллектуальные системы позволяют автоматизировать процессы принятия

решений по управлению финансами, значительно упрощая выбор оптимального решения финансовому менеджеру предприятия. Но конкурентная среда порождает очень большое количество программных приложений, среди которых нужно выбрать те, которые дадут возможность заказчику максимально эффективно использовать их возможности. Такая точка зрения изложена в исследовании Б. Баха-рех и С. Й. Майели. Основываясь на материалах исследования, автор попытался разработать концепцию системы управления финансами.

Все аспекты управления финансами отражаются точно, своевременно и динамично. Реализация более разумного распределения и контроля предприятия очень важна для повышения эффективности управления финансовыми ресурсами компании, а также может эффективно повысить гибкость реакции рынка [4, 5]. В сфере интеллектуальной обработки данных управление финансами предприятия осуществляется по новой схеме.

Автоматизация процесса принятия решений в области финансов касается разработки систем поддержки принятия решений (СППР). Именно управление финансами на предприятии является неструктурированной задачей и требует концепции, которая не освещена в источниках.

В современном динамичном мире, когда производительные силы и производственные отношения, по-видимому, достигли предела в своем совершенствовании, а цифровые финтех-технологии обеспечивают практически мгновенное перемещение капитала в любую сферу в любой точке мира важным является не только управление финансовыми потоками, но даже простой учет оценок рейтинговых агентств. При этом все более значимым становится постоянный мониторинг как сферы деятельности предприятия, так и фундаментальных достижений науки. Своевременность и решительность при завершении жизненного цикла отдельного проекта или глобальной перестройке всей деятельности предприятия в целом с перенаправлением средств в иные, более перспективные отрасли является нормальной практикой современного предприятия. На данный момент существует задача выбора и создания концепции системы управления финансами с учетом современных интернет- и информационных технологий. Схема разработки таких систем рассматривалась в источниках [4, 5].

Основная цель поиска и внедрения концепции системы управления финансами на предприятии делится на две подцели: анализ предметной области и выбор программного решения для построения модели управления финансами.

Иначе говоря, необходимо выполнить системный анализ той предметной области, к которой относится будущая система, для чего следует провести всестороннее исследование объекта, в нашем случае — процесса управления финансами предприятия, как собственными, так и привлеченными.

Для эффективного программного решения с использованием всего спектра современных методов научных подходов анализируют и выбирают программные и технические средства имеющейся интеллектуальной системы, которые максимально удовлетворили бы пользователя. Выбор среды использования системы имеет две основные составляющие:

- определение видов и типов;
- определение необходимых параметров программного и технического обеспечения, которое могло бы использоваться для корректной работы реализованной системы управления финансами предприятий.

В области интеллектуальной обработки данных управление финансами предприятия осуществляется по новой схеме. С помощью применения интернет-технологий можно оптимизировать бизнес-процессы, такие как расчеты, учет, отчетность, анализ, управление и контроль, а также осуществлять удаленную обработку финансовых данных, возмещение, аудит, мониторинг и т.п. Новая модель финансового менеджмента позволяет компаниям добиться централизованного управления через сети передачи и обмена данными, устанавливает тесное сотрудничество между внутренними подразделениями и другими компаниями. Автором разработана концептуальная модель системы управления финансами с применением современных информационных технологий и средств обработки и анализа данных (см. рисунок).

Рассмотрим основные элементы концептуальной модели, которые представлены на рисунке. Опишем пути достижения функционирования концептуальной модели.

1. *Распределение финансовой силы, т.е. источников финансирования.* На платформе распределения финансов первоочередной задачей компании

является достижение распределения финансовой силы, а также ослабление руководства соответствующих ведомств. Кроме того, в определенной степени предоставляется свобода контроля и составления планов и бюджетных отчетов в соответствии с фактической ситуацией развития компании. С другой стороны, предприятия создают платформу обслуживания финансовых служб в соответствии с требованиями. Тогда руководству нужно следить за фактической ситуацией и обеспечивать рациональность деятельности, повышая эффективность. Предприятиям необходимо внедрить изменения сверху вниз, в соответствии с требованиями развития информационных технологий, усилить управление различными отделами и рационально распределять свои средства, чтобы обеспечить эффективное функционирование.

2. *Формирование действительной системы финансового контроля.* На основе платформы обслуживания финансового обмена достигаются централизованный финансовый учет и полнота раскрытия информации, гарантируется всесторонний внутренний финансовый учет компании и обеспечивается точность финансовой информации отдела и дочерних предприятий. Одновременно при разработке платформы обслуживания финансовых ресурсов необходимо сделать так, чтобы каждый отдел получал точные исторические данные. Руководство может сравнить данные горизонтально, улучшить финансовый бюджет компании и сбалансировать бюджеты среди департаментов.

3. *Построение надежной информационной системы финансового управления.* Крайне важно активно строить надежную информационную систему управления финансами на объекте, где применяются средства искусственного интеллекта. Работа по развитию интеллектуальных технологий обработки данных экономической деятельности ведется в глобальных сетях и удаленно, ведь бухгалтерская информация компании находится в динамичной форме, ее трудно зафиксировать. С другой стороны, открытость рынка предприятий может формировать многопользовательскую информационную модель.

4. *Формирование комплексной системы гарантий защиты информации в сети.* На предприятиях, использующих распределенную обработку информации, финансовое управление платформами корпоративного финансового обмена требует

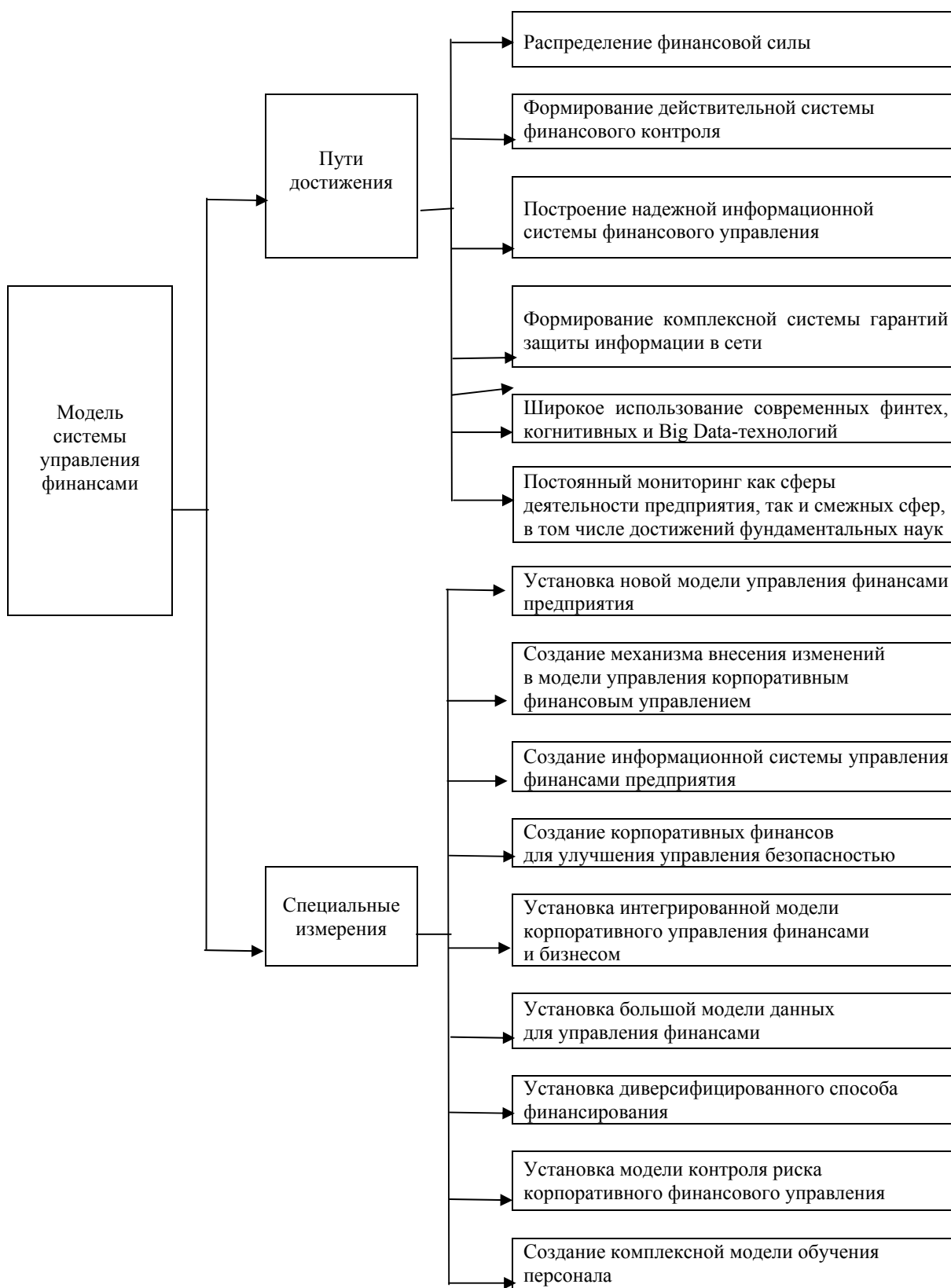

Рис. / Fig. Концептуальная модель системы управления финансами предприятия / Conceptual model of the enterprise financial management system

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

учета реальных условий. Необходимо четко признать различные потенциальные факторы риска при обработке информации. Среди них могут быть сформированы соответствующие политические и эффективные правовые средства для обеспечения безопасности сети и ее управления. Кроме того, предприятия должны быть постоянно осведомлены относительно безопасности финансового персонала корпорации и сетевой информации. Нужно принять эффективные меры, найти способ использования брандмауэра, чтобы избежать заражения вирусами, а также по-настоящему реализовать защиту конфиденциальных данных в сети. При использовании цифровой подписи необходимо обеспечить ее безопасность.

5. *Широкое использование современных финтех, когнитивных и Big Data-технологий.*

6. *Постоянный мониторинг как сферы деятельности предприятия, так и смежных сфер, в том числе достижений фундаментальных наук.*

Второй элемент модели системы управления финансами предприятия касается конкретных мер. Итак, аналогично описываем составные части этого элемента модели.

1. *Установка новой модели управления финансами предприятия.* Руководящий персонал предприятия должен выступать предвестником в корректировке концепции управления финансами. На фоне совершенствования интернет-технологий на предприятии трансформация концепции управления финансами используется как стратегическое средство содействия лучшему развитию предприятия. Программа управления материальными активами на каждом этапе уточняется, следовательно, в соответствии со стратегическими требованиями будущего развития управление капиталом компании совершенствуется. Задача менеджмента заключается в уточнении основных источников различных капиталов и финансовых ресурсов компании. Финансовые менеджеры должны усилить управление специальными расходами, а также превращать знания в капитал, чтобы предприятие могло эффективно развиваться. 2. *Создание механизма внесения изменений в модели управления корпоративным финансовым управлением.* Финансовый менеджмент предприятия должен осознавать преимущества обмена информацией в Интернете, чтобы иметь достаточную идеологическую основу для построения нового типа модели финансового управления. Централизованное управление использует все

преимущества компьютерных сетевых технологий, интегрирует текущую финансовую информацию предприятия, избегая множественных отделов, которые совместно выполняют задачи управления финансами предприятия, что приводит к снижению качества. Следовательно, компаниям нужно связать существующую модель управления капиталом с интернет-средой и реализовывать электронное управление хозяйственной деятельностью.

3. *Создание информационной системы управления финансами предприятия.* Прежде чем предприятие начнет корректировку технологии управления финансовыми ресурсами, оно должно создать хорошую информационную систему для достижения органической интеграции с интернет-средой. Предприятия используют интернет-технологии как основное средство общения с внешним миром (создавая онлайн-платформы для закупки сырья и продажи товаров) и сетевые ресурсы — для проведения единой системы планирования имеющихся средств компании. В процессе осуществления валютных операций и других видов экономической деятельности предприятия полагаются на сетевые технологии. Благодаря изучению различной информации уровень финансового менеджмента компании улучшается. Еще раз подчеркнем важность постоянного мониторинга соответствующего сегмента сферы деятельности предприятия, а также перспективных научных разработок как с применением традиционных средств экспертных оценок, так и с использованием современных когнитивных технологий для обработки первичных данных такого мониторинга.

4. *Создание корпоративных финансов для улучшения управления безопасностью.* До внедрения сетевых ресурсов предприятия должны усвоить передовой опыт других сфер экономики, чтобы избежать проблем, которые могут повлечь утечку информационных ресурсов. Необходимо, чтобы механизм защиты информации предприятия был установлен на высоком уровне. Предприятия должны не только создавать высокоэффективный механизм управления финансовой информационной безопасностью, но и контролировать текущий процесс перевода средств.

5. *Установка интегрированной модели корпоративного управления финансами и бизнесом.* В эпоху Интернета предприятиям нужно удовлетворять индивидуальные потребности пользователей. Это требует от предприятия тщательного управления

развитием рыночного бизнеса. Финансовый менеджмент предприятия должен быть вовлечен в управление бизнесом и анализ жизненных циклов пользователей. По разным пользователям и различным продуктам в соответствии с бостонской матрицей по развитию рынка реализуется дифференцированная стратегия финансовой поддержки. Например, для анализа звездного продукта разумная оценка притока капитала и долгосрочных выгод дает соответствующую стратегическую поддержку и не должна приносить краткосрочную доходность, чтобы обеспечить безопасность и эффективность капитальных операций. В эпоху «Интернет+» финансовый отдел предприятия превратился из аффилированного функционального отдела в основной функциональный отдел путем интеграции с управлением бизнесом. Он постоянно формирует или укрепляет возможности управленческого учета.

6. *Установка большой модели данных для управления финансами.* Новейшие интернет-технологии, такие как поддержка облачных вычислений, финтех, когнитивные и Big Data-технологии, являются обязательным элементом системы управления финансами предприятий. Традиционными объектами исследований финансового менеджмента являются преимущественно бухгалтерские данные без анализа базы данных. Однако в эпоху интернета предприятия могут получать производственные и эксплуатационные данные, включая биометрические данные пользователей, с помощью различных систем, тогда как в области передовых технологий (базы данных и облачные вычисления) достигнут значительный прогресс, и обычные предприятия имеют возможность анализа данных по низкой цене. Как следствие, все больше компаний могут получить информацию о своей хозяйственной деятельности, проанализировав большое количество данных. Это поможет сделать более точный прогноз распределения денежных потоков для развития бизнеса, осуществить углубленное изучение поведенческих предпочтений для внедрения соответствующих стратегий расширения рынка для конкретных пользователей или групп клиентов и проведения корреляционного анализа соответствующих отраслей, для получения будущих доходов от клиентов и др.

7. *Установка диверсифицированного способа финансирования.* В эпоху развития средств искусственного интеллекта и интеллектуальной обработки данных рынки капитала — это предпри-

ятия из легких активов. Для оценки рыночной стоимости они могут поддерживать начальные фонды развития через взаимные фонды, компании по управлению активами и другие каналы финансирования. Этот вид сотрудничества при разработке продуктов или проектов, помимо финансирования, может эффективно стимулировать участие пользователей, консолидировать их, а также расширять рынок. Для решения проблемы традиционных каналов финансирования, таких как банки, поддерживающие инновационную экономику, некоторые органы местного самоуправления пытаются управлять рисками банковского финансирования с помощью банковских гарантий займа.

8. *Установка модели контроля риска корпоративного финансового управления.* Рынок капитала будет оцениваться с учетом колебаний среды, в которой развивается компания. При усилении рынка капитала сокращение средств приведет к огромным операционным рискам. Если корпоративные финансовые операции не привлекают резерв капитала в течение «золотого периода» (чтобы избежать дефицита средств в процессе спада), это может привести к его продаже и возникнет риск разрыва цепи капитала. Кроме того, поскольку все больше транзакций проводится через Интернет, корпоративная, финансовая и бизнес-информация может быть быстро обработана в режиме реального времени, но централизованный обмен информацией увеличивает риск ее утечки.

9. *Создание комплексной модели обучения персонала.* Персонал по управлению финансами должен не только разбираться в бухгалтерии, финансах и капитальных операциях, но и хорошо знать производство, рынок и перспективы развития отрасли. Только тогда можно использовать анализ данных для оценки пользователя, потенциального развития рынка и оказания поддержки для развития бизнеса. Учитывая это, финансовое руководство может иметь соответствующие средне- и долгосрочные планы управления фондами предприятий. Традиционное образование по финансовому менеджменту часто базируется на изучении бухгалтерского учета, что сильно отличается от финансового управления практическими потребностями предприятия. Благодаря анализу опыта высшего персонала финансового менеджмента компания может поощрять и направлять талантливых специалистов для даль-

нейшего обучения, совершенствования своего уровня и бизнес-возможностей.

Итак, корпоративный финансовый обмен связан с развитием и прогрессом предприятия, а также является важным условием его финансовой эффективности. Традиционная модель управления финансами не может удовлетворить потребности современных предприятий. Требования к ее развитию предусматривают внедрение глобальных сетей и распределенную обработку данных, четкое определение задач управления финансами, формулирование обоснованных контрмер и режимов, основанных на фактическом развитии компании, а также подлинное содействие устойчивому развитию компании.

ВЫВОДЫ

С развитием науки и технологий обработки данных новые модели финансового менеджмента претерпели изменения практически по всей своей структуре. Это имело огромное влияние на управление корпоративными финансами. Деятельность корпоративного управления финансами должна быть не только автоматизированной и запрограммированной, но и учитывать новые современные факторы влияния:

1. Оптимальное управление финансовыми потоками является определяющим фактором эффективного развития компании при условии приоритетного влияния котировок фондовых рынков и инвестиционных потоков, как мажоритарных, так и миноритарных (последние отражают растущее влияние стремительно развивающегося среднего класса).

2. Оптимальное управление финансовыми потоками подразумевает применение современных информационных технологий для учета и оптимизации сочетания следующих финансовых политик:

- вложение средств в развитие собственной производственной базы;
- вложение средств в производственный аутсорсинг;

- накопление и вложение средств в доходные финансовые инструменты;
- разумная дивидендная политика;
- корректный оптимальный учет факторов влияния общественно-социальной сферы и административно-политического ресурса, что важно для компаний, достигших определенного уровня развития либо являющихся системообразующими в регионе.

3. Механизмы управления финансовыми потоками организации должны широко применять современные инструменты финтех, когнитивных и Big Data-технологий в сочетании с постоянным мониторингом как в финансово-экономической сфере, так и в области достижений фундаментальной науки; учитывать, использовать и оперативно реагировать на факторы возможного влияния, в том числе и в отдаленном будущем.

4. Возможность выполнения инструментального IT-анализа для своевременного и решительного завершения жизненного цикла проекта с перенаправлением средств в другие перспективные отрасли.

Необходимо анализировать различную информацию для облегчения управления финансами предприятий и внедрения инноваций в области корпоративного финансового управления.

Финансовый менеджмент является важной составляющей корпоративного управления. С развитием сетевой информации для финансового управления существуют новые возможности. Современная информационная система управления сосредоточена на целевом управлении и бюджетном контроле, поэтому она находится в контексте распределенной обработки данных в глобальной сети. Компаниям необходимо совершенствовать и улучшать современную систему финансового менеджмента, управление финансами и операциями и дать возможность корпоративному финансовому менеджменту осуществлять развитие предприятия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bahareh B., Mayeli S. Y. Role of Financial Information in Management Decision Making Process. *Indian Journal of Fundamental and Applied Life Sciences*. 2016;(3):10–13.
2. Ali H., Erhan D. U. Structuring strategic management with ratio analysis method: A case study in the transition to SME TFRS process. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013;(99):947–955.
3. Henry E., Robinson T. R. Financial Statement Analysis: An Introduction. *International Financial Statement Analysis*. 3d ed. Hoboken, NJ: CFA Institute, John Wiley & Sons; 2009:23–28.
4. Imrohorglu A., Tuzel S. Firm-level productivity, risk, and return. *Management Science*. 2014;60 (8):207–209.

5. Kordej-De Villa Z. Energetika i naftna industrija [in Croatian]. Sektorske analize no 50. Zagreb: Ekonomski institut Zagreb. URL: <http://www.eizg.hr/Download.ashx? FileID=79431363-8cb4-46a5-a06f-7c73538d31cb>.
6. Агафонова М. С., Климачева А. К., Гайдар К. О. Использование информационных технологий в сфере управления персоналом. *Концепт*. 2017;(39):546–550.
7. Балдин К. В. Информационные системы в экономике. М.: ИНФРА-М; 2018. 224 с.
8. Боярчук Н. К. Цифровая система управления экономикой. Дистанционные образовательные технологии. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь; 2018.
9. Васютина Т. Л., Стахно Р. Е. Применение современных информационных технологий в обучении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sovremennyh-informatsionnyh-tehnologiy-v-obuchenii>.
10. Варфоломеева А. О. Информационные системы организации М.: Инфра-М; 2017. 332 с.
11. Васильев Р. Б. Стратегическое управление информационными системами. М.: БиноМ; 2017. 512 с.
12. Венделеева М. А. Информационные технологии в управлении. М.: Юрайт; 2016. 464 с.
13. Веснин В. Р. Стратегическое управление. М.: Проспект; 2018. 328 с.
14. Гуляева В. Б. Электронное взаимодействие государства и бизнеса: проблемы и перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-vzaimodeystvie-gosudarstva-i-biznesaproblemy-i-perspektivy>.
15. Гусев А. В. Информационные технологии в моделировании быстропротекающих нелинейных процессов. М.: Инфра-М; 2018. 132 с.
16. Данелян Т. Я. Экономические информационные системы (ЭИС) предприятий и организаций. М.: Юнити-Дана; 2015.
17. Ключко С. Н. Оценка эффективности внедрения информационных технологий в систему бухгалтерского учета на предприятии. Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы VI Международной научной конференции. СПб.; 2017.
18. Любавина С. В. Управление экономическими системами. Монография. Герасимова Б. Н., ред. Вып. 11. Пенза; Самара; Краснодар: Приволжский Дом знаний; СНИУ; КубГТУ; 2017.
19. Сацук Т. П. Информационные технологии в финансовом менеджменте компаний. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-finansovom-menedzhmente-kompaniy>.
20. Харченко А. А. Цифровая экономика как экономика будущего *Молодежный вестник ИрГТУ*. 2017;3(27);17–18.

REFERENCES

1. Bahareh B., Mayeli S. Y. Role of Financial Information in Management Decision Making Process. *Indian Journal of Fundamental and Applied Life Sciences*. 2016; S 3:10–13.
2. Ali H., Erhan D. U. Structuring strategic management with ratio analysis method: A case study in the transition to SME TFRS process. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013;99:947–955.
3. Henry E., Robinson T. R. Financial Statement Analysis: An Introduction. In: *International Financial Statement Analysis*. 3d ed. Hoboken, NJ: CFA Institute, John Wiley & Sons; 2009:23–28.
4. Imrohoroglu A., Tuzel S. Firm-level productivity, risk, and return. *Management Science*. 2014;60(8):207–209.
5. Kordej-De Villa Z. Energetika i naftna industrija. Sektorske analize no 50. Zagreb: Ekonomski institut Zagreb. URL: <http://www.eizg.hr/Download.ashx? FileID=79431363-8cb4-46a5-a06f-7c73538d31cb>. [In Croatian].
6. Agafonova M. S., Klimacheva A. K., Gajdar K. O. Use of information technologies in the field of personnel management. *Koncept*. 2017;39:546–550. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970436.htm>. (In Russ.).
7. Baldin K. V. Information systems in the economy. Moscow: INFRA-M; 2018. (In Russ.).
8. Boyarchuk N. K. Digital economy management system. Distance learning technologies. In: *Materials of the III all-Russian scientific and practical conference*. Simferopol; 2018:278–282. (In Russ.).
9. Vacyutina T. L., Stahno R. E. Application of modern information technologies in training. *Problemy Nauki*. 2016;7(49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sovremennyh-informatsionnyh-tehnologiy-v-obuchenii> (In Russ.).

10. Varfolomeeva A. O., Koryakovskij A. V., Romanov V. P. Information systems of organisations. Moscow: Infra-M; 2017. 332 p. (In Russ.).
11. Vasilev R. B., Kalyanov G. N. Strategic management of information systems. Moscow: BinoM; 2017. 512 p. (In Russ.).
12. Vendeleeva M. A., Vertakova Yu. V. Information technologies in management. Moscow: Yurajt; 2016. 464 p. (In Russ.).
13. Vesnin V. R. Strategic management. Moscow: Prospekt; 2018. 328 p. (In Russ.).
14. Gulyaeva V. B. Electronic interaction between government and business: problems and prospects. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-vzaimodeystvie-gosudarstva-i-biznesaproblemy-i-perspektivy> (In Russ.).
15. Gusev A. V., Shabanov G. I., Rodionov M. A. Information technologies in the modelling of fast-flowing nonlinear processes. Moscow: Infra-M; 2018. 132 p. (In Russ.).
16. Danelyan T. Ya. Economic information systems (EIS) of enterprises and organisations. Moscow: Yuniti-Dana; 2015. (In Russ.).
17. Klochko S. N., Nalbandyan N. A., Cvetkova D. A. Evaluation of the effectiveness of information technology implementation in the accounting system at the enterprise. In: Problems and prospects of Economics and management: proceedings of the VI International scientific conference (Sankt-Peterburg, 2017). Sankt-Peterburg; 2017:101–107. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/263/13344/> (In Russ.).
18. Lyubavina S. V. Management of economic systems. Monograph. Gerasimov B. N., ed. Issue 11. Penza; Samara; Krasnodar: Privolzhskij Dom znaniy; SNIU; KubGTU; 2017. (In Russ.).
19. Sacuk T. P. Information technologies in the financial management of companies. *Vestnik KrasGAU*. 2014;1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-finansovom-menedzhmente-kompanii> (In Russ.).
20. Harchenko A. A., Konyuhov V. Yu. The digital economy as the economy of the future. *Molodyozhnyj vestnik IrGTU*. 2017;3(27):17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Павлович Кишкович — кандидат технических наук, доцент Департамента анализа данных, принятия решений и финансовых технологий, Финансовый университет, Москва, Россия
kup1950@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuri P. Kishkovich — Cand. Sci. (Eng.), Associate Professor, Department of Data Analysis, Decision-Making and Financial Technologies, Financial University, Moscow, Russia
kup1950@mail.ru

Статья поступила 09.09.2020; после рецензирования 20.09.2020; принята к публикации 15.10.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 09.09.2020; revised on 20.09.2020 and accepted for publication on 15.10.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-56-66

УДК 3.33.334(045)

JEL H41, H54, L32, O18

Особенности институциональной среды государственно-частного партнерства в России: региональный аспект*

Н.С. Могучев^а А.Ф. Хузина^б^а Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара; РАНХиГС, Москва, Россия;^б Финансовый университет, Москва, Россия^а <http://orcid.org/0000-0002-2727-6192>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-6765-5699>

АННОТАЦИЯ

В текущих кризисных экономических условиях механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) может быть использован в качестве одного из ключевых способов привлечения внебюджетных источников средств для реализации инвестиционных проектов на региональном уровне. Несмотря на растущее количество ГЧП-проектов в России, наличие существенных институциональных ограничений на региональном уровне сдерживает дальнейшее развитие данного механизма. В частности, налицо отсутствие взаимосвязи проектов ГЧП с долгосрочными инвестиционными и государственными программами развития на региональном уровне, низкое отраслевое разнообразие проектов, высокая зависимость ГЧП-проектов от государственных финансовых институтов, слабое информационное сопровождение региональных практик ГЧП. Ситуация усугубляется нехваткой длинных денег в экономике на фоне ограниченности собственных средств у частных партнеров для реализации долгосрочных ГЧП-проектов, а также существующими правовыми ограничениями. Практическое назначение и научная ценность настоящей статьи заключаются в построении целостно-логического видения решения обозначенных институциональных проблем развития ГЧП на региональном уровне.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; институциональные факторы; институциональные ограничения; региональное развитие; частные инвестиции; внебюджетные источники финансирования

Для цитирования: Могучев Н.С., Хузина А.Ф. Особенности институциональной среды государственно-частного партнерства в России: региональный аспект. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):56-66. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-56-66

ORIGINAL PAPER

Features of the Institutional Environment of Public-Private Partnership in Russia: Regional Aspect**

N.S. Moguchev^а, A.F. Khuzina^б^а Gaidar Institute of Economic Policy;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) Moscow, Russia;

^б Financial University, Moscow, Russia^а <http://orcid.org/0000-0002-2727-6192>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-6765-5699>

ABSTRACT

In the current crisis economic conditions, the public-private partnership (PPP) mechanism can be used as one of the key ways to attract extra-budgetary sources of funds for the implementation of investment projects at the regional level. Despite the growing number of PPP projects in Russia, the presence of significant institutional constraints at the regional level hinder the further development of this mechanism. In particular, there is a lack of interconnection of PPP projects

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

** The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the RANEPA.

with long-term investment and state development programs at the regional level, low sectoral diversity of projects, high dependence of PPP projects on state financial institutions, and insufficient information support of regional PPP practices. The situation is aggravated by the lack of long-term money in the economy against the backdrop of limited private partners' funds for the implementation of long-term PPP projects, as well as by existing legal restrictions. The practical purpose and scientific value of this article lie in the construction of a holistic and logical vision of solving the identified institutional problems of PPP development at the regional level.

Keywords: public-private partnership; institutional factors; institutional constraints; regional development; private investment; off-budget sources of financing

For citation: Moguchev N.S., Khuzina A.F. Features of the institutional environment of public-private partnership in Russia: Regional aspect. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):56-66. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-56-66

ВВЕДЕНИЕ

В текущих кризисных экономических условиях механизм государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) может быть использован в качестве одного из ключевых способов привлечения внебюджетных источников средств для реализации инвестиционных проектов. И хотя применение ГЧП способствует как частичному замещению бюджетных расходов при предоставлении общественных благ, так и стимулированию инвестиционной активности, в том числе в смежных и сопутствующих отраслях (строительство, транспорт, логистика и др.) [1, 2], в общем объеме инвестиций доля ГЧП-проектов относительно мала (от 0,12% в Германии до 1,6% в Турции)¹.

В международной практике нет единого определения ГЧП. Но в целом под ГЧП понимается долгосрочный договор между частной и публичной стороной на предоставление общественного актива или услуги, при котором частная сторона обеспечивает финансирование и несет значительные риски и обязанности по управлению инфраструктурным объектом [3, 4].

В российском же законодательстве ГЧП — это юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного и частного партнера, которое осуществляется на основании соглашения о ГЧП, заключенного в соответствии с № 224-ФЗ² в целях привлечения

в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества.

Несмотря на значительное количество проектов ГЧП в России (табл. 1), на настоящий момент все еще трудно оценить эффективность данных проектов ввиду долгосрочного характера реализации большинства из них, а также отсутствия в общем доступе части отчетности и подробной информации о проектной документации в целом [5]. К тому же, в международном понимании ГЧП — не только соглашения и концессии, но и другие виды контрактов, например инвестиционный договор, контракт жизненного цикла, специальный инвестиционный контракт и другие [6].

По данным Центра развития государственно-частного партнерства, количество проектов ГЧП, реализуемых в России, в целом выросло с 86 в 2013 г. до 3420 в 2019 г. Хотя некоторые из данных проектов все еще находятся на стадиях от инициирования до инвестирования (более 13%).

В статье рассматриваются ГЧП-проекты, которые уже находятся на стадии эксплуатации и/или завершены, поскольку они характеризуют реальное положение дел в реализации механизмов ГЧП в стране. Больше всего реализованных ГЧП-проектов представлено в таких сферах, как социальная (352) и коммунально-энергетическая (2417) инфраструктура. Однако по объему финансирования с большим отрывом лидирует сфера транспортной инфраструктуры (более 1 трлн руб.), что в целом соответствует тенденциям мировой практики.

Основной причиной применения механизмов ГЧП для реализации крупных инфраструктурных

¹ Анализ статистических данных 5 стран ЕС (Великобритания, Франция, Турция, Испания, Германия) с наибольшим объемом профинансированных проектов ГЧП (от 6,6 до 34,1 млрд евро) за период 2010–2018 гг. Данные собраны авторами на основании ЕРЕС и Eurostat.

² Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве

в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Таблица 1 / Table 1

Территориальный и отраслевой разрез ГЧП-проектов в России по состоянию на начало 2020 г., общие затраты / Territorial and sectoral profile of PPP projects in Russia as of early 2020, total costs*

Сфера проекта	Федеральные проекты		Региональные проекты		Муниципальные проекты		Всего	
	Ед.	Млн руб.	Ед.	Млн руб.	Ед.	Млн руб.	Ед.	Млн руб.
Оборона и безопасность страны	–	–	1	200,00	–	–	1	200,00
Транспортная инфраструктура	11	534 522,00	30	505 754,84	22	1076,97	63	1 041 353,81
Социальная инфраструктура	1	685,00	147	119 615,8	204	14 585,4	352	134 886,2
Сельско- и охотхозяйственная	–	–	9	15 273,28	1	5,41	10	15 278,69
Промышленная инфраструктура	4	35 615,00	29	204 126,93	8	12 176,73	41	251 918,66
Информационные системы (IT-инфраструктура)	2	249 241,00	30	26 065,06	5	149,45	37	275 455,51
Жилищное строительство и сопутствующая инфраструктура	–	–	1	6763,00	5	104,69	6	6867,69
Коммунально-энергетическая	–	–	75	284 843,06	2342	289 535,61	2 417	574 378,67
Благоустройство и сопутствующая инженерно-техническая инфраструктура	–	–	1	16,00	23	4008,47	24	4024,47
Всего	18	820 063,00	323	1 162 657,97	2610	321 642,73	2951	2 304 363,7

*Примечание: рассматривались проекты, находящиеся на стадиях эксплуатации, завершения по окончании срока соглашения.

Источник / Source: составлено авторами на основе базы данных платформы «Росинфра» Национального центра государственно-частного партнерства (по состоянию на сентябрь 2020 г.) / compiled by the authors based on the database of the Rosinfra platform of the National Center for Public-Private Partnerships (as of September 2020).

проектов является возможность обойти бюджетные ограничения и получить дополнительное финансирование от федеральных институтов развития и крупных финансовых организаций, необходимое для устранения проблем инфраструктурного развития [7, 8]. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что на региональном уровне реализуется 11% проектов ГЧП, при этом на долю муниципального уровня приходится 88,5% проектов (в основном это проекты в сфере коммунально-энергетического хозяйства).

Однако подобный структурный перекоп в сторону муниципальных проектов ГЧП совсем не характерен для мировой практики (в среднем около 25% проектов – региональные и только около 65% реализуются на муниципальном уровне).

Относительно небольшое количество ГЧП-проектов на региональном уровне может быть объяснено, во-первых, сильной централизованностью бюджетной системы Российской Федерации. Подавляющее количество регионов являются дотационными и не имеют возможности про-

водить полноценную самостоятельную бюджетную политику. Более того, они также не сильно заинтересованы в развитии ГЧП, так как не готовы привлекать частных инвесторов и не могут предложить им какие-либо существенные льготы. Во-вторых, это вызвано недостаточным уровнем заинтересованности в ГЧП-проектах частного сектора из-за опасений невозврата инвестиций. Вместе с тем отраслевая структура ГЧП-проектов на региональном уровне в России соответствует мировым трендам.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМОВ ГЧП В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Развитие ГЧП в регионах России идет неравномерно. Необходимо признать, что важную роль в развитии данных проектов в субъектах Российской Федерации играет политическая воля государственных органов власти и высших должностных лиц (в том числе, федерального уровня), а также наличие реальной нацеленности и желания органов власти привлекать частных инвесторов к оказанию услуг в различных отраслях.

Так, в рамках рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню развития сферы государственно-частного партнерства за 2019 г., опубликованного на сайте Минэкономразвития России³, отмечалось, что наиболее высокий уровень развития сферы ГЧП зафиксирован в субъектах Центрального и Приволжского федеральных округов, а наименьший — в субъектах Северокавказского федерального округа. На наш взгляд, методика составления данного рейтинга не отражает действительное состояние развития ГЧП-проектов, поскольку учитывает только данные последнего года. К тому же лидерами рейтинга выступают регионы, не имеющие серьезных финансовых проблем (т.е. наименее дотационные за период с 2014 по 2019 г.)⁴ и способные привлечь частных инвесторов и коммерческие банки для реализации ГЧП-проектов (табл. 2).

Как видно из табл. 2, эти регионы, обладая достаточным уровнем собственных ресурсов, более активно реализуют инвестиционные проекты

³ Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d18/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/rejting_regionov_po_urovnyu_razvitiya_gchp/.

⁴ Согласно данным Казначейства РФ.

Таблица 2 / Table 2

Перечень наиболее финансово обеспеченных субъектов Российской Федерации за 2019 г. / List of the most financially secured constituent entities of the Russian Federation in 2019

Субъект Российской Федерации	Доля трансфертов (без субвенций) в доходах консолидированных бюджетов субъектов (без субвенций), %	Место субъекта РФ в рейтинге по уровню развития ГЧП*
Г. Москва	0,2	2
Тюменская область	2,5	11
Г. Санкт-Петербург	2,5	13
ЯНАО	2,7	18
Ленинградская область	4,9	14
Свердловская область	5,8	7
Республика Коми	6,1	55
Московская область	7,3	3
ХМАО	7,4	6
Красноярский край	7,5	15
Республика Татарстан	8,8	51
Сахалинская область	9,0	60
Самарская область	9,4	1
Пермский край	9,6	5
Краснодарский край	9,7	52
Ярославская область	10,9	64
Мурманская область	11,1	38
Тульская область	11,3	23
Нижегородская область	12,2	4
Ненецкий АО	13,6	79

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

* Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d18/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/rejting_regionov_po_urovnyu_razvitiya_gchp/.

и имеют большой опыт их реализации [9]. В то же время регионы-аутсайдеры характеризуются высоким уровнем дотаций из федерального бюджета, что выражается в оппортунистическом поведении властей региона и, как следствие, в отсутствии желания проведения политики по активному инфраструктурному развитию региона. Они также отличаются невысокой инвестиционной привлекательностью и недостаточным уровнем развития нормативно-правовой базы в сфере ГЧП (в некоторых регионах и вовсе отсутствует опыт реализации ГЧП-проектов).

Лидеры рейтинга обладают существенными преимуществами по сравнению с остальными участниками. У них уже накоплен большой опыт успешной реализации проектов ГЧП, а нормативно-правовое обеспечение этой сферы деятельности характеризуется наличием более развитых правовых инструментов, способных устранить ограничения, возникающие в ходе реализации проектов. Например, в регионах-лидерах существуют правила принятия решений о заключении соглашений о ГЧП на срок, превышающий срок действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств.

Институциональная среда в данных регионах находится на более высоком уровне развития, что, в частности, характеризуется наличием уполномоченных органов в сфере ГЧП и/или специализированных структур, ответственных за сопровождение проектов, а также наличием специалистов, которые имеют соответствующую квалификацию. Механизмы ГЧП в регионах — лидерах рейтинга учитываются в региональных документах целеполагания. Помимо этого, отмечается наличие специализированных информационных ресурсов в сфере ГЧП, для которых в открытом доступе публикуется список реализуемых проектов и перечень объектов, в отношении которых планируется заключение соглашения о ГЧП.

Еще одно существенное преимущество регионов-лидеров — возможность предоставления налоговых льгот и иных мер поддержки частным партнерам. Таким образом, данные регионы, учитывая их высокую финансовую самостоятельность, как раз могут стать драйверами регионального экономического роста и способны взаимодействовать посредством создания крупных экономических агломераций на уровне регионов.

По данным платформы «Росинфра» Национального центра государственно-частного пар-

тнерства, среди недостатков институциональной среды развития ГЧП во всех указанных в *табл. 2* регионах отмечалось неудовлетворительное качество межведомственного взаимодействия, а именно: сложность коммуникаций с федеральными органами власти, отсутствие качественных разработанных шаблонов ГЧП-проектов в отдельных отраслях, неопределенность правовой регламентации участия нескольких субъектов в межрегиональных проектах и пр.

Большая часть проектов на региональном уровне реализуется в сфере социальной и коммунальной инфраструктуры (*табл. 3*). Отмечается также, что проекты в социальной сфере (кроме здравоохранения, где традиционно есть гарантированный поток платежей через ОМС и высокомаржинальные платные услуги) в большей степени ориентированы на возмещение затрат инвестора на строительство или реконструкцию объекта, нежели на повышение качества оказываемых услуг⁵.

Информация, представленная в рамках базы данных платформы «Росинфра» Национального центра государственно-частного партнерства⁶, позволяет проанализировать рост как количества региональных проектов ГЧП, прошедших стадию коммерческого закрытия, так и общего объема их финансирования (с 408,1 млрд руб. в 2014 г. до 1163,0 млрд руб. в 2020 г.).

Обращает на себя внимание тот факт, что за последнее время серьезно выросло количество отраслей, в рамках которых реализуются проекты ГЧП. Региональные органы власти перенимают опыт структурирования проектов ГЧП федерального уровня в отрасли автомобильных дорог, что объясняется высокой потребностью в развитии региональной дорожной инфраструктуры.

В то же время основной объем проектов продолжает реализовываться в рамках социальной инфраструктуры. Большинство проектов по финансовой структуре относятся к проектам ГЧП, которые предусматривают прямой сбор платы и осуществление иной коммерческой деятельности частным партнером по регулируемым ценам (тарифам), в том числе с компенсацией невозмещенных капитальных затрат.

⁵ Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП»; 2016.

⁶ URL: <https://rosinfra.ru/project>.

Таблица 3 / Table 3

Статистика реализации региональных проектов ГЧП в регионах-лидерах, прошедших стадию коммерческого закрытия в разрезе отраслей инфраструктуры, накопленным итогом / Statistics on the implementation of regional PPP projects in the leading regions that have passed the stage of commercial closure in the context of infrastructure sectors, cumulative total*

№	Субъект Российской Федерации	Транспортная инфраструктура		Социальная инфраструктура		Коммунальная инфраструктура		Информационно-коммуникационная инфраструктура		Промышленная инфраструктура	
		Ед.	Млн руб.	Ед.	Млн руб.	Ед.	Млн руб.	Ед.	Млн руб.	Ед.	Млн руб.
1.	Г. Москва	2	119 890,5	3	4522,8	9	142 282,7				
2.	Тюменская область	1	0,1	6	8178,4	1	3000,0	2	718,9	5	79 362,84
3.	Г. Санкт-Петербург	6	253 430,0	9	23 226,6	11	30 366,6				
4.	ЯНАО			2	673,7						
5.	Ленинградская область			8	6333,6						
6.	Свердловская область			2	6950,0	4	25 113,9				
7.	Республика Коми	1	5889,9	2	20,0	1	5,9				
8.	Московская область			5	4840,2			5	8845,5		
9.	ХМАО					1	1100,0				
10.	Красноярский край	2	18 293,1	2	5992,9						
11.	Республика Татарстан			8	696,0						
13.	Самарская область	2	5710,0	12	5799,9	2	10 740,8			3	3983,3
14.	Пермский край	2	4901,5							4	38 053,5
17.	Мурманская область					1	1865,1			1	1697,0
18.	Тульская область	1	475,0	1	30,2			1	475,0	1	750,48
19.	Нижегородская область	1	3300,0	5	4109,6	2	1124,7	5	1925,3		
20.	Ненецкий АО										
	Остальные 68 субъектов Российской Федерации	12	93 864,7	82	48 242,1	43	69 243,3	17	14 100,5	15	80 279,8
	ВСЕГО	30	505 754,8	147	119 615,8	75	284 843,1	30	26 065,1	29	204 126,9

* *Примечание:* в таких сферах, как оборона и безопасность, жилищное строительство и сопутствующая инфраструктура, благоустройство и сопутствующая инженерно-техническая инфраструктура в рассматриваемых регионах проекты не реализовывались.

Источник / Source: составлено авторами на основе базы данных платформы «Росинфра» Национального центра государственно-частного партнерства (по состоянию на сентябрь 2020 г.) / compiled by the authors based on the database of the Rosinfra platform of the National Center for Public-Private Partnerships (as of September 2020).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ГЧП В РОССИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Несмотря на активное развитие ГЧП в регионах России в последнее десятилетие, все еще существует целый ряд институциональных факторов, которые препятствуют дальнейшему развитию данного механизма в субъектах Российской Федерации и требуют принятия практических решений.

1. *Правовые ограничения.* Так, в России на федеральном уровне до последнего времени отсутствовала нормативно-правовая база, которая позволяла бы определить права и обязанности сторон в партнерстве, что серьезно повышало риски неисполнения проекта. Однако принятие пакета законов о государственно-частном партнерстве в 2015 г., в котором определялись основные принципы ГЧП, такие как: открытость

и доступность информации о проектах ГЧП, обеспечение конкуренции, справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами, позволило снять ограничения на развитие ГЧП, связанные с неопределенностью рисков для всех участников партнерства [5].

В части совершенствования законодательства по ГЧП на региональном уровне необходимо уточнение:

- требований к порядку проведения, предмету и результатам общественного обсуждения решений органов власти субъектов Российской Федерации по заключению соглашений о ГЧП;
- порядка подготовки соглашений о ГЧП, публичным партнером в которых выступает субъект Российской Федерации;
- порядка определения процедуры принятия решения о реализации соглашения о ГЧП, публичным партнером в котором выступает субъект Федерации;
- процедуры проведения конкурса на право заключения соглашения о ГЧП, в котором публичным партнером выступает субъект Федерации.

Кроме того, следует внести изменения, регулирующие вопрос совместного участия разных публично-правовых образований в реализации одного ГЧП-проекта в целях ускоренного регионального развития.

2. Стратегические ограничения. Большинство проектов ГЧП, реализуемых в России, не взаимосвязаны с долгосрочными государственными программами развития на региональном уровне. Поэтому необходимо провести типологизацию регионов для целей региональной политики и выработать дифференцированный подход к регионам в государственной политике в целом. Субъектам Российской Федерации необходимо интегрировать показатели развития инфраструктуры в свои прогнозные документы и определить целевые ориентиры по применению механизмов ГЧП в документах целеполагания, а также закрепить список мероприятий по применению данного механизма.

Также требуется разработать долгосрочный национальный план развития инфраструктуры, который определял бы список объектов, реализация которых особенно важна для развития субъекта Российской Федерации. Активная деятельность специализированного государственного органа по регулированию ГЧП в России позволила бы

осуществлять методическое сопровождение проектов ГЧП, обобщать и внедрять лучшие практики, а также осуществлять мониторинг реализации проектов. Однако важно понимать, что на данный момент стандартизация деятельности в рамках проектов ГЧП затруднена вследствие того, что проекты неоднородны.

Следует более активно тиражировать стандартные проектные и управленческие подходы к формированию, структурированию и оценке целесообразности ГЧП-проектов. А также обеспечить полноценную смысловую интеграцию механизмов ГЧП в комплекс стратегических документов регионального уровня (в том числе, в государственные программы) и национальные проекты.

3. Субъектные ограничения. Несовершенство законодательства в сфере ГЧП также препятствует участию субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в региональных проектах. Большое количество потенциальных инвесторов используют упрощенную систему налогообложения, а в случае заключения ГЧП-соглашения они будут вынуждены перейти на общую систему, что сразу же скажется на росте налоговой нагрузки. Участие малого и среднего бизнеса в ГЧП маловероятно, поскольку он не вписывается в рамки стоимости проектов ГЧП. К тому же субъекты МСП в основном занимаются торговлей и услугами для населения.

В России в целом низкая доля частного сектора в структуре ВВП, по сравнению с другими развитыми и развивающимися странами, активно использующими ГЧП, а также значительное число естественных монополий в таких сферах, как транспортная инфраструктура, связь и коммуникации, ИТ, что существенно ограничивает частных участников ГЧП-проектов [10]. К тому же доминирование крупных государственных институтов на рынке ГЧП является одним из основных финансовых рисков для данного механизма.

Поэтому при реализации части ГЧП-проектов в роли частного партнера выступают либо квазибюджетные организации, либо организации, аффилированные с крупными государственными компаниями. В результате реализация подобных проектов косвенно накладывает дополнительную нагрузку на бюджетную систему РФ. Более того, в отдельных случаях частный партнер не имеет собственные финансовые ресурсы и реализует проект с помощью субсидии, полученной из со-

ответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации.

Для привлечения частных инвесторов некоторым субъектам РФ требуется разработать систему мер стимулирования и поддержки частного бизнеса, намеренного реализовывать проекты ГЧП в регионе. В частности, речь идет о создании льготных режимов налогообложения, льготном подключении к инженерным коммуникациям и нивелировании рисков изменения условий реализации проекта. При этом субъекты Российской Федерации обладают достаточно ограниченным набором подобных стимулирующих инструментов.

Для развития ГЧП-проектов в стране в целом следует адаптировать проектные требования для крупных квазигосударственных организаций, переложив на них, например, обязательства по структурированию проекта, консультированию участников, сопровождению реализации проекта и т.п. Участие указанных организаций позволит снизить финансовую нагрузку на частную и публичную сторону по транзакционным и сопутствующим издержкам, а также будет преимуществом в тех сферах, где данные организации являются монополистами и имеют существенный опыт своей проектной деятельности (железнодорожная и информационная инфраструктура, образование и здравоохранение, экология и пр.).

4. Отраслевые ограничения. В настоящее время в сфере ГЧП в России на региональном уровне все еще нет достаточного опыта реализации проектов в разнообразных отраслях, что объясняется, в том числе, длительными контрактными сроками проектов. Тренд в увеличении числа проектов в сферах транспортной, промышленной и информационной инфраструктуры только зарождается⁷.

Помимо вышеперечисленных сфер применения механизмов ГЧП, важным мировым трендом являются проекты в сфере экологии, а значит, именно на региональном и межрегиональном уровнях они могут быть наиболее востребованы.

5. Финансовые ограничения. Важным институциональным фактором, который серьезно ограничивает развитие ГЧП в России на региональном уровне, является отсутствие длинных денег и дефицит собственных средств у частных инвесторов.

Большинство проектов ГЧП имеют контрактный срок от 15 до 30 лет, а некоторые длятся дольше 30 лет. Подход «на всю жизнь», лежащий в основе ГЧП-проектов, учитывающий затраты на весь период проекта и выгоды после его реализации, максимизирует эффективность предоставления услуг. Вместе с тем сложности с долгосрочным финансированием зачастую вынуждают частный бизнес отказываться от участия в проектах ГЧП и инвестировать в альтернативные финансовые инструменты.

Также серьезными ограничительными факторами для развития взаимодействия государства и частного сектора являются доступность кредитов и ограниченность применения других финансовых инструментов (в частности, инфраструктурных облигаций, «зеленых» облигаций, облигаций социального воздействия). В российской практике круг банков, способных предоставить финансирование в необходимых объемах и на требуемых условиях, крайне узок.

К тому же требования к прямым вложениям институтов развития (к рентабельности, стоимости проекта и пр.) в ГЧП-проекты являются завышенными. Так, минимальная стоимость проектов, финансируемых Газпромбанком, составляет 1 млрд руб., при этом инвестор должен профинансировать не менее 20% от стоимости проекта. Помимо этого, данный банк требует, чтобы у потенциального участника ГЧП был опыт проектирования, строительства и реконструкции, что также не всегда применимо к МСП, которые проявляют большую заинтересованность в реализации относительно небольших ГЧП-проектов в области социальной и коммунальной сферы на региональном и муниципальном уровнях.

Финансирование проектов в основном осуществляется банками с государственным участием (что создает дополнительные риски для бюджетной системы), тогда как частные банки не готовы выступать в качестве источников финансирования проектов из-за высоких рисков невозврата инвестиций. К тому же в рамках реализации ГЧП-проектов часто создается компания-оператор, на балансе которой, помимо собственных средств, есть только право пользования имуществом, что не позволяет применять его в качестве залога по кредиту.

Для улучшения ситуации с финансированием ГЧП-проектов на региональном уровне требуются соответствующие меры со стороны финансовых

⁷ Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП»; 2016.

органов страны по увеличению количества банков, предоставляющих кредиты частному инвестору для реализации проектов ГЧП, созданию синдикатов банков для увеличения объемов и сроков кредитования, развитию гарантийных и страховых механизмов. Отдельного внимания заслуживает вопрос создания механизмов субсидирования субъектов РФ для реализации проектов ГЧП и финансирования проектов с помощью классических инструментов: инфраструктурных облигаций, «зеленых» облигаций и облигаций социального воздействия.

6. Управленческие ограничения. Большое количество проектов ГЧП, которые в России реализуются на региональном уровне, характеризуются низким качеством управления, а также слабой эффективностью механизмов взаимодействия между государственными органами власти и частным бизнесом. Это приводит к увеличению сроков реализации проектов и непредвиденным затратам как для публичного партнера, так и для частного сектора. В частности, существует потребность в независимой экспертизе формирования и соблюдения конкурсных процедур и учета мнения бизнес-сообщества по поводу планов развития ГЧП в отдельно взятом регионе. Одним из вариантов снижения влияния данного институционального ограничения может стать создание специализированного регионального центра ГЧП (подобный центр «единого окна» существует, например, в Калужской области), в рамках которого осуществляется стадия предпроектной подготовки, формируются стратегии и дорожные карты развития ГЧП, проводятся обучающие семинары для представителей власти и ведется диалог с представителями бизнес-сообщества.

Для эффективной реализации механизма ГЧП также создают препятствия сложившиеся условия хозяйствования в стране: низкий уровень доверия к любым государственным институтам, высокий уровень правовой незащищенности от произвола или «придинок» государства при приеме и оплате выполненного договора, высокий уровень сопутствующих издержек (бюрократия, коррупция и пр.). По этим причинам многие успешно функционирующие коммерческие организации, никак не связанные с государственным сектором, предпочитают не участвовать в ГЧП-проектах.

Требуется активное взаимодействие органов управления проектами как на уровне региональ-

ных правительств, министерств, финансовых институтов, так и на федеральном и муниципальном уровне. Проведение мониторинга реализации и оценки эффективности ГЧП-проектов со стороны публичной власти и независимых организаций будет способствовать снижению управленческих издержек реализации проектов и свободному распространению лучших управленческих практик, формированию опытных и квалифицированных специалистов.

7. Информационные ограничения. В настоящее время в открытых источниках недостаточно информации о текущем развитии ГЧП в России, а имеющаяся информация труднодоступна и разрознена, реализуемые ГЧП-проекты мало освещаются в СМИ. Для более эффективного использования механизмов ГЧП должны быть созданы системы широкого освещения таких аспектов ГЧП-проектов в СМИ, как стоимость, конкурсные процедуры, участники проектов, результаты реализации проектов. Это позволило бы повысить прозрачность проектов и снизить возможность коррупционной составляющей. В свою очередь, публикация более подробных обзоров реализации проектов ГЧП в субъектах, в том числе по анализу ошибок, которые были допущены на различных этапах жизненного цикла проектов, позволит избежать и не реализовывать заведомо неэффективные проекты ГЧП.

Важным шагом для развития механизмов ГЧП в регионах и муниципалитетах должно стать создание дополнительных информационно-аналитических ресурсов по развитию государственно-частного партнерства в мире и России. Существующая информация не позволяет проводить полноценные аналитические исследования, а проектная документация (даже общие данные) отсутствуют в свободном доступе. К тому же практически невозможно оценить значимость ГЧП-проектов и полноту их отражения в соответствующих бюджетах, в структуре бюджетных инвестиций ГЧП-проекты (в отличие от государственных закупок) отдельно не анализируются.

ВЫВОДЫ

Согласно общепринятой теории [4, 6, 7, 10] любое внедрение механизма в уже существующую институциональную экосистему должно сопровождаться двумя разнонаправленными процессами для его успешной адаптации: сам институт должен быть структурирован с учетом

существующих национальных особенностей и уже действующих институтов, и одновременно отдельные элементы системы, ее институты и правила также должны быть изменены, подкорректированы для сосуществования с новым институтом.

Так, для эффективного внедрения механизма ГЧП в России нельзя просто перенести существующий мировой опыт (пусть и передовые практики) в институциональную среду и рассчитывать на его успешную адаптацию, — необходимо максимально приспособить механизм ГЧП к существующим реалиям России.

Таким образом, по результатам анализа развития регионального рынка ГЧП в России можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо стимулировать проведение структурных реформ на региональном уровне благодаря увеличению количества секторов и видов экономической деятельности, использующих механизмы ГЧП. Поскольку в настоящее время наиболее актуальны вложения в человеческий капитал, то именно субъекты Российской Федерации могут обеспечить некий рывок в решении данной проблемы. Так, по мнению руководителя Счетной палаты РФ, нужно увеличить на 1% ВВП, государственные расходы на науку и образование, а также здравоохранение.

2. Еще одним востребованным направлением для экономического роста являются вложения в промышленную инфраструктуру. Данный тип проектов также востребован для развития межрегионального взаимодействия, что позволит создать крупные экономические агломерации

на уровне регионов и со временем снизить регуляторную нагрузку на бизнес. Все это может способствовать оживлению частного сектора.

3. 74% объема финансирования региональных транспортных проектов приходится на Москву и Санкт-Петербург, что вызывает перекоп в транспортной логистике и ставит вопрос о развитии дорожной сети на территории Российской Федерации в целом через механизмы ГЧП.

4. Перспективными направлениями развития ГЧП на региональном уровне являются проекты по информационной инфраструктуре (ввиду задачи повсеместной цифровизации) и по благоустройству (по причине сильной изношенности и низкого качества фондов).

5. Сопоставление рейтинга субъектов Российской Федерации по степени развития ГЧП и уровня их финансовой обеспеченности не дает возможности сказать об однозначной корреляции данных показателей. И хотя механизм ГЧП должен более активно применяться в регионах с недостаточными собственными ресурсами, привлечение внебюджетных источников затормаживается существенными институциональными факторами, в том числе общим неудовлетворительным инвестиционным состоянием субъекта Российской Федерации и соответствующим высоким уровнем рисков для ГЧП-проектов.

Международные исследования [1–3] подтверждают, что основным фактором успеха ГЧП-проектов выступает качество институтов, и хотя их корректировка имеет весьма долгосрочный эффект реализации, подобные изменения наиболее целесообразны в настоящее время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Engel E., Fischer R., Galetovic A. The Basic Public Finance of Public-Private Partnerships. *Journal of the European Economic Association*. 2013;11(1):83–111. DOI: j.1542–4774.2012.01105.x
2. Deaton A., Heston A. Understanding PPPs and PPP-Based National Accounts. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2010;2(4):1–35.
3. Hanming F., Norman P. Optimal Provision of Multiple Excludable Public Goods. *American Economic Journal: Microeconomics*. 2010;2(4):1–37.
4. Hart O. Incomplete contracts and public ownership: remarks and an application to public-private partnerships. *Economic Journal*. 2003;113(486):69–76.
5. Золотарева А.Б., Киреева А.В. Существующие модели ГЧП в социальной сфере. *Российское предпринимательство*. 2015;(23):4271–4280. DOI: <http://dx.doi.org/10.18334/rp.16.23.2157>
Zolotareva A. B., Kireeva A. V. Existing PPP Models in the Social Sphere. *Rossijskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2015;23:4271–4280. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.18334/rp.16.23.2157>
6. Menard C. The Economics of Hybrid Organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2004;160(3):1–32.

7. Maskin E., Tirole J. Public-Private Partnerships and Government Spending Limits. *International Journal of Industrial Organization*. 2008;26(2):412–420.
8. Williamson O. The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract. *Journal of Economic Perspectives*. 2002;16(3):171–195. DOI: 10.1257/089533002760278776
9. Киреева А. В., Золотарева А. Б. Государственно-частное партнерство в социальной сфере: анализ эффективности существующих моделей. *Право и политика*. 2016;(10):1251–1257. DOI: 10.7256/1811–9018.2016.10.17079
Kireeva A. V., Zolotareva A. B. Public-private partnership in the social sphere: analysis of the effectiveness of existing models. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2016;10:1251–1257. (In Russ.). DOI: 10.7256/1811–9018.2016.10.17079
10. Дерябина М. Государственно-частное партнерство: теория и практика. *Вопросы экономики*. 2008;(8):61–77. DOI: 10.32609/0042–8736–2008–8–61–77
Deryabina M. Public-private partnership: theory and practice. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*. 2008;8:61–77. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2008–8–61–77

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никита Сергеевич Могучев — научный сотрудник лаборатории бюджетной политики, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия
moguchev@iep.ru

Альфия Флюровна Хузина — научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики РАНХиГС; старший преподаватель Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
Khuzina-af@ranepa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nikita S. Moguchev — Researcher, Fiscal Policy Laboratory, Gaidar Institute of Economic Policy, Moscow, Russia
moguchev@iep.ru

Alfiya F. Khuzina — Researcher, Laboratory for Budget Policy Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Senior Lecturer, Department of Public Finance, Financial University, Moscow, Russia
Khuzina-af@ranepa.ru

Статья поступила 24.08.2020; после рецензирования 30.09.2020; принята к публикации 15.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.08.2020; revised on 30.09.2020 and accepted for publication on 15.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-67-80
УДК 332.143(045)
JEL R11, R13

Система индикаторов экономической безопасности муниципалитета как составной элемент многоуровневой системы экономической безопасности

С.Н. Митяков^а, Т.А. Федосеева^б, Е.С. Митяков^с

^{а, б} ИНЭУ НГТУ им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия;

^с РТУ МИРЭА, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7086-7457>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9262-8852>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-6579-0988>

АННОТАЦИЯ

Обеспечение экономической безопасности на всех уровнях народного хозяйствования является неотъемлемой частью обеспечения национальной безопасности. В статье предложена система индикаторов для мониторинга экономической безопасности муниципальных образований, которая может быть адаптирована для любого муниципалитета и эффективно использована в целях сравнительного анализа уровней экономической безопасности рассматриваемых территорий, находящихся на различных иерархических уровнях. Система включает 11 индикаторов, по каждому из них предложены пороговые значения. Исследование базируется на системном подходе. При проведении исследования были задействованы динамический, графический анализ и экономико-математические методы. В статье предпринята одна из первых попыток формирования унифицированной системы индикаторов для мониторинга экономической безопасности муниципальных образований.

Ключевые слова: экономическая безопасность; мониторинг экономической безопасности; система индикаторов экономической безопасности; муниципальные образования; пороговые значения

Для цитирования: Митяков С.Н., Федосеева Т.А., Митяков Е.С. Система индикаторов экономической безопасности муниципалитета как составной элемент многоуровневой системы экономической безопасности. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):67-80. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-67-80

ORIGINAL PAPER

The System of Indicators of Economic Security of a Municipality as an Integral Element of a Multi-Level System of Economic Security

S.N. Mityakov^а, T.A. Fedoseeva^б, E.S. Mityakov^с

^{а, б} Nizhny Novgorod State Technical University, Institute of Economics and Management, Нижний Новгород, Россия;

^с MIREA – Russian Technological University, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7086-7457>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9262-8852>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-6579-0988>

ABSTRACT

Ensuring economic security at all levels of the national economy is an integral part of ensuring national security. The article proposes a system of indicators for monitoring the economic security of municipalities, which can be adapted for any municipality and effectively used for comparative analysis of the levels of economic security of the territories under consideration, located at different hierarchical levels. We propose that the system includes 11 indicators and threshold values for each of them. We based our research on a systematic approach. The study involved dynamic, graphical analysis

and economic and mathematical methods. This article is one of the first attempts to create a unified system of indicators for monitoring the economic security of municipalities.

Keywords: economic security; monitoring of economic security; a system of indicators of financial security; municipalities; threshold values

For citation: Mityakov S.N., Fedoseeva T.A., Mityakov E.S. The system of indicators of economic security of a municipality as an integral element of a multi-level system of economic security. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):67-80. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-67-80

ВВЕДЕНИЕ

Среди зарубежных исследователей экономической безопасности можно выделить работы С. Лессмана [1], который изучал влияние межрегионального неравенства на внутренние конфликты; А. Позена и Д. Торулло [2], где проанализированы последствия глобализации для экономической безопасности; М. Кахлера [3], полагающего, что глобализация вызвала переопределение экономической безопасности в свете рисков, связанных с трансграничными сетями негосударственных субъектов. П. Хью выделяет три подхода в зарубежных исследованиях к достижению экономической безопасности: либеральный — посредством более интенсивной глобализации; меркантилистский — за счет меньшей глобализации; марксистский — за счет радикальных изменений на мировом уровне [4]. Во многих странах мира совершенствуются системы мониторинга экономической безопасности (<https://www.deseretnews.com/article/705363940/Utahs-15-billion-cyber-security-center-under-way.html>).

Тематика экономической безопасности в России берет свое начало с перестроечных времен 1985–1991 гг. Зарождение данного направления во многом было обусловлено острой необходимостью создания принципиально иной системы национальной безопасности в условиях кризисных явлений того времени. Одним из первых данную проблему затронул академик В. А. Легасов. В своей статье, вышедшей в 1987 г., он предпринял попытку обоснования имманентности формирования централизованной системы безопасного функционирования государства [5]. Позже, в 1994 г. академик Л. И. Абалкин в научно-практическом журнале «Вопросы экономики» открыл дискуссию, направленную на обоснование практических аспектов и механизмов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [6]. В этом же году по поручению Совета Безопасности РФ коллектив ученых под общим руководством профессора В. К. Сенчагова предложил Концепцию экономической безопасно-

сти России, были представлены ключевые аспекты Концепции, подготовлен подробный доклад для ее обоснования. Далее, в период 1996–2002 гг., под редакцией профессора В. К. Сенчагова в Институте экономики РАН было опубликовано четыре тома монографии «Экономическая безопасность».

Основные дефиниции категории «экономическая безопасность» даны и обоснованы в следующих нормативно-правовых документах:

1. Государственная стратегия экономической безопасности РФ 1996 года. Ключевой задачей названного документа был рост экономики России, при котором должны были создаваться надлежащие условия для развития на всех уровнях народного хозяйства, для жизнедеятельности и гармоничного развития индивидуумов; сохраняться социоэкономическая и военно-политическая стабильность народонаселения, суверенитет страны.

2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 1997 года. Основным направлением документа выступало обеспечение в стране безопасности личности, населения и государства в целом от внутренних и внешних угроз по разнобразным народнохозяйственным направлениям.

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Названный документ включает систему общенациональных стратегических мер, целей и приоритетов в сфере экзогенной и эндогенной политической деятельности, которая характеризует степень устойчивого развития государства и национальной безопасности в долгосрочной перспективе.

4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — основополагающий нормативно-правовой документ государственного планирования и прогнозирования, который определяет национальные интересы и стратегические приоритеты России, основные меры, цели и задачи в области внутренней и внешней политики, ключевые мероприятия по объединению усилий в упрочении национальной безопасности РФ в долгосрочном периоде.

5. Стратегия экономической безопасности России на период до 2030 года. Основная цель стратегии — планирование и достижение национальных стратегических приоритетных целей. В документе отмечен один из важнейших инструментов обеспечения экономической безопасности: «Мониторинг и оценка состояния экономической безопасности осуществляются на основе данных официального статистического наблюдения, а также иной информации, предоставляемой органами государственной власти, иными государственными органами, органами местного самоуправления, Центральным банком Российской Федерации и другими организациями в соответствии со своей компетенцией, с учетом экспертной оценки вызовов и угроз экономической безопасности».

Под мониторингом экономической безопасности мы будем понимать процесс непрерывного контроля индикаторов экономической безопасности социально-экономической системы, включающий сбор информации, анализ динамики показателей, выявление тенденций дальнейшего развития и прогнозирование угроз. На наш взгляд, данная дефиниция справедлива для социально-экономических систем различной иерархии: государства в целом, субъектов РФ, муниципалитетов и др.

СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В 2000 г. Научный совет в составе Совета Безопасности России принял систему показателей и их пороговых значений, состоящую из 19 индикаторов экономической безопасности. Система была разработана и апробирована в Институте экономики РАН. Далее, в 2008 г., в Институте экономики РАН перечень индикаторов был расширен и составил 36 показателей, разделенных на ключевые сферы экономической безопасности¹. Позже, в 2011 г., был опубликован новый актуализированный перечень индикаторов экономической безопасности для страны [7]. С целью непрерывного контроля экономической безопасности государства были предложены четыре проекции (сферы): социальная сфера, сфера реальной экономики, внешнеэкономическая

и денежно-финансовая сферы. Для каждого показателя индивидуально выбирались пороговые уровни, игнорирование которых нарушало устойчивое развитие socioэкономических процессов в государстве и приводило к разрушительным тенденциям в области производства и уровня жизни народонаселения.

Динамический анализ индикаторов позволяет констатировать следующее.

1. Большинство показателей по сей день не достигло порогового уровня. Более того, некоторые индикаторы расположены в существенном отдалении от порогов. К ним можно отнести показатели расходов на гражданскую науку, уставного капитала банков на конец года, доли инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции и др.

2. Можно отметить отрицательные тенденции удаления от порогового значения показателя доли производства оборудования и машин, а также индикатора соотношения численности людей трудоспособного и пенсионного и возраста.

3. Напротив, ряд исследуемых индикаторов показывает положительную тенденцию. К ним относятся сбор зерна, объем ВВП, среднее расчетное количество детей на одну женщину, средняя продолжительность жизни, безработица, доля жителей с доходами ниже прожиточного уровня, объем кредитов, площадь жилья, доля нерезидентов в совокупных активах банковской системы, доля импортного продовольствия.

4. Ряд анализируемых индикаторов в современных реалиях утратил свою актуальность из-за значительного превышения порогового уровня. Такие показатели включают отношение величины госдолга (внешнего и внутреннего) и долю расходов по его погашению в расходах федерального бюджета.

5. Показатели разнятся по значению стандартного отклонения. Некоторые индикаторы демонстрируют меньшую волатильность и в последнее время стабилизировались. К ним можно отнести коэффициент фондов, объем инвестиций в основной капитал, средства на образование, культуру и здравоохранение. В то же время наблюдаются значительные флуктуации показателей отношения запасов полезных ископаемых к их добыче, среднегодового темпа прироста ВВП, сальдо федерального бюджета и дневных колебаний индекса фондового рынка, что говорит о серьезных диспропорциях и нестационарности экономиче-

¹ Стратегия экономической безопасности при разработке индикативных планов социально-экономического развития на долгосрочную и среднесрочную перспективу. Монография. М.: Институт экономики РАН; 2009. 232 с.

ских процессов, характеризующихся данными показателями.

В утвержденной в 2017 г. Указом Президента РФ Стратегии экономической безопасности до 2030 года содержится новая система индикаторов экономической безопасности, при этом некоторые из них уже были задействованы ранее в исследованиях ученых Института экономики РАН. В предложенной системе особое внимание уделено инновационной составляющей экономики страны. Это прежде всего связано с ключевой ролью данной сферы в решении проблем обеспечения устойчивого развития экономики страны в условиях нестабильных мировых цен на энергоресурсы. Как показано в статье [8], все индикаторы Стратегии экономической безопасности целесообразно разделить на пять составляющих проекций. Одним из значительных недостатков Стратегии, на наш взгляд, является отсутствие у индикаторов пороговых значений. В целом, характеризуя новую систему индикаторов, можно констатировать, что, хотя новая система показателей экономической безопасности в целом соответствует современным экономическим реалиям, степень ее баланса и полноты дискуссионна.

В связи с появлением новой Стратегии экономической безопасности Правительство РФ поставило задачу создания Концепции федеральной системы управления рисками в области экономической безопасности. Концепция была обсуждена и одобрена на заседании экспертной сессии симпозиума «Проблемы стратегического управления» 20 февраля 2018 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ. Базовые аспекты создания федеральной системы управления рисками подробно описаны в статье [9]. Предполагаемая система мониторинга управления рисками включает сотни тысяч показателей различной иерархии, а их анализ будет проводиться с помощью инструментария имитационного моделирования.

СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ

Созданию сбалансированной системы показателей экономической безопасности для субъектов РФ посвящено большое количество научных публикаций, однако по сей день научная общественность не прекращает дискуссии о том, какой должна быть эта система: универсальной или же адаптированной под характерные особенности каждого субъекта федерации. И.В. Новикова

и Н.И. Красников предложили построение региональной системы индикаторов экономической безопасности по разнообразным аспектам экономики субъекта РФ [10]. О.А. Киселева и О.Л. Таран представили систему индикаторов экономической безопасности региона, содержащую две сферы: экономическую и социальную [11]. А.В. Гетманова и Н.С. Козырь разработали систему показателей экономической безопасности субъекта РФ, базирующуюся на финансово-экономических показателях, индикаторах социального блока, а также показателях, характеризующих преступность в субъекте [12]. В работе Т.Н. Черемисиной и Н.В. Черемисиной [13] разработана система индикаторов на базе трех проекций: производственная безопасность [структура валовой добавленной стоимости, валового реального продукта (ВРП) на душу населения, динамика инвестиций в основной капитал]; уровень жизни народонаселения (численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, численность безработных, среднедушевой денежный доход, коэффициент фондов); финансовая безопасность (дефицит бюджета субъекта Федерации, объем внутреннего и внешнего долга региона, денежная масса в процентах к ВРП).

А.И. Татаркин и А.А. Куклин предложили систему показателей экономической безопасности для субъектов РФ, состоящую из 13 проекций, разделенных на три группы [14]: обеспечение надлежащего уровня развития территории, способность экономики субъекта Федерации к устойчивому росту, экологическая безопасность. Названные группы характеризуются соответствующими индикаторами. К.О. Тернавченко, Т.В. Ильина и Н.Л. Малошенко предложили систему для анализа экономической безопасности в субъектах РФ [15], содержащую 11 индикаторов. В работе И.Е. Денежкиной и Д.А. Суздаевой изложена система мониторинга экономической безопасности субъекта РФ, состоящая из 7 показателей [16]: отношение инвестиций к ВРП; соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума; уровень безработицы; степень износа основных фондов; объем ВРП на душу населения; доля расходов на социальные программы в процентах к ВРП; отношение размера финансовой помощи субъекту из госбюджета к величине доходов федерального бюджета, полученных из субъекта Федерации. В статье А.В. Калиной и И.П. Савельевой [17] для анализа и оценки экономической безопасности субъектов Федерации

предлагается задействовать более 50 индикаторов, что, на наш, взгляд избыточно.

Н.В. Черемисина разработала систему показателей экономической безопасности субъекта РФ, в которую вошли восемь сфер: финансовая устойчивость (два индикатора); способность экономики субъекта Федерации к устойчивому росту (шесть индикаторов); импортозависимость от ключевых видов продукции (один индикатор); поддержка научного потенциала (три индикатора); качество жизни (пять индикаторов); демография (четыре индикатора); уровень жизни народонаселения (четыре индикатора); охрана окружающей среды (один индикатор) [18]. С целью анализа экономической безопасности на мезоуровне З.З. Абдулаева разработала систему индикаторов из 10 блоков: уровень жизни и занятость народонаселения, сфера производства, сфера науки и технологий, продовольственная безопасность, безопасность внешнеэкономической деятельности, безопасность инвестиционной сферы, бюджетная и финансовые сферы, правопорядок и демография [19]. Т.Н. Агапова и Л.В. Вахрушева для мониторинга экономической безопасности в субъектах Федерации предложили систему индикаторов из семи сфер: укрепление научного потенциала региона; способность к устойчивому росту экономики; импортозависимость экономики субъекта Федерации; финансовая устойчивость; качество жизни; демография; уровень безработицы и бедности [20]. Е.В. Каранина и А.В. Евстратова предложили метод экспресс-диагностики экономической безопасности для субъектов Федерации. Для анализа были взяты восемь показателей, которые, по их мнению, позволяют дать адекватную оценку экономической безопасности на уровне субъекта Федерации. К ним авторы отнесли: ВРП на душу населения; индекс промышленного производства; соотношение среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума; величину безработицы; сальдированный финансовый результат деятельности предприятий; объем импорта и дефицит (профицит) консолидированного бюджета на душу населения; индекс потребительских цен [21].

В книге «Экономическая безопасность регионов России» [22] под редакцией профессора В.К. Сенчагова разработана система показателей, включающая четыре сферы: социальную, экономическую, экологическую и инновационную. Анализ разработанной системы показал целесообразность ее адаптации к современным реалиям и комплексной доработке путем увеличения количества проекций и унификации набора показателей с учетом актуальных угроз

и вызовов экономикам субъектов Федерации. Вторая редакция монографии содержит систему индикаторов из 10 проекций [23]: промышленная безопасность; макроэкономическое развитие; энергетическая безопасность; продовольственная безопасность; кадровая безопасность; инновационное развитие; бюджетно-финансовая безопасность; экологическое развитие; внешнеэкономическое развитие; социальное развитие. Впоследствии к упомянутым проекциям им была добавлена «теневая экономика», отражающая влияние криминогенных факторов на экономическую безопасность субъектов Федерации.

ОТ РЕГИОНОВ – К МУНИЦИПАЛИТЕТАМ

Экономическая безопасность страны в целом формируется из экономической безопасности ее административно-территориальных образований. Тем не менее основной вектор современных исследований в вопросах экономической безопасности направлен на изучение экономической безопасности общенационального уровня и уровня субъектов Федерации. Вместе с тем в системе экономической безопасности государства уровень муниципалитетов немаловажен. В современных экономических реалиях муниципальные образования выступают своеобразными «точками роста», которые необходимы для развития экономики субъектов Федерации и страны в целом. Особую остроту вопросу экономической безопасности придают увеличение дифференциации в муниципальных образованиях, а также перманентный дефицит средств на муниципальном уровне, что обуславливает целесообразность формирования действенных систем контроля экономической безопасности на уровне муниципалитетов. Актуальность такой задачи продиктована острой необходимостью совершенствования организации статистических наблюдений. В официальных статистических сводках для муниципалитетов практически отсутствуют индикаторы, измеряемые на макро- и мезоуровнях. Это в значительной степени осложняет компаративное сопоставление муниципальных экономик со средними значениями по субъекту Федерации и анализ вклада муниципалитета в итоговый индикатор для государства в целом.

Разработке системы показателей экономической безопасности для муниципалитетов и тем более обоснованию их пороговых уровней в научной литературе уделено значительно меньше внимания, чем

на уровне страны или субъектов Федерации. Среди немногочисленных работ можно выделить статьи Н.М. Нейфа и М.Л. Яшиной [24], а также И.М. Исламовой [25]. В первой из них описаны методические основы оценки состояния экономической безопасности муниципальных образований. На основе сопоставления выбранных критериев экономической безопасности с пороговым значением авторами проведена оценка состояния муниципальных образований Ульяновской области, что позволило определить необходимость реформирования системы управления и внедрения финансовых механизмов регулирования. Вторая статья также содержит систему показателей, которые можно использовать для оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципалитетов.

Вместе с тем унифицированной системы показателей для анализа экономической безопасности муниципальных образований до сих пор не создано. Формирование и внедрение такой системы следует рассматривать как отдельную методологическую проблему, которая дополняет методологию мониторинга экономической безопасности на мезо- и макроуровнях. Для выбора системы индикаторов необходимо учитывать тип муниципального образования, доступность и полноту исходных данных, периодичность их отчета. При этом, на наш взгляд, необходимо ставить более общую задачу, чем оценка эффективности управления. Дело в том, что руководство муниципалитета во многих случаях не имеет возможности влиять на ряд факторов более высокого уровня. Поэтому представляется целесообразным создание универсальной системы для сравнительного анализа территорий как по отдельным показателям экономической безопасности, так и по их совокупности.

К основным видам муниципальных образований в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относятся следующие:

- сельское поселение — один или несколько объединенных общей территорией сельских пунктов либо поселков городского типа;
- городское поселение — небольшой город или поселок городского типа, реже сельский населенный пункт;
- муниципальный район — несколько объединенных общей территорией поселений;
- городской округ — один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, при этом не менее двух третей населения такого му-

ниципального образования проживают в городах и (или) иных городских населенных пунктах;

- внутригородское муниципальное образование города федерального значения — часть территории городов Москвы и Санкт-Петербурга.

В статье Е.С. Митякова и Т.А. Федосеевой [26] рассмотрена система индикаторов для городских округов. Ее состав обусловлен, с одной стороны, функциональными особенностями данного вида муниципального образования, а с другой — доступностью соответствующих статистических данных. В результате была сформирована система индикаторов, включающая следующие 11 проекций и 26 индикаторов.

В данной работе мы предлагаем систему индикаторов, которая применима для любого муниципального образования и может быть эффективно использована в целях сравнительного анализа экономической безопасности муниципалитетов, находящихся на различных иерархических уровнях. Система включает 10 из 11 проекций, характерных для приведенной выше системы индикаторов экономической безопасности городского округа. Отсутствует лишь проекция «Производство товаров и услуг». В данном случае выбрано всего 11 индикаторов, значения которых присутствуют в официальной статистике независимо от вида муниципального образования. Эти индикаторы и их пороговые значения приведены в *табл. 1*.

Выбор пороговых значений проводился из различных соображений. Использовались пороговые значения федеральной и региональной систем индикаторов экономической безопасности, экспертные оценки и международные сопоставления.

На *рис. 1* приведена эволюция индикаторов экономической безопасности для социально-экономических систем различных иерархических уровней: страна, регион, городской округ, сельское поселение. Эти индикаторы и соответствующие им проекции органично дополняют друг друга, образуя многоуровневую систему мониторинга экономической безопасности. И хотя они решают разные задачи, отражают различные угрозы экономической безопасности, их объединение дает возможность рассматривать мониторинг как механизм обеспечения экономической безопасности общества в целом.

АПРОБАЦИЯ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

В *табл. 2* представлен список субъектов, участвующих в апробации новой системы индикаторов.

Таблица 1 / Table 1

Система индикаторов экономической безопасности для муниципальных образований / System of indicators of economic security for municipalities

№	Наименование индикатора	Проекция	Единица измерения	Порог
1	Количество магазинов на 1000 жителей	Сфера услуг	ед.	5
2	Число спортивных сооружений на 1000 жителей	Физкультура и спорт	ед.	4
3	Вывоз твердых коммунальных отходов на 1 жителя	Экология	куб. м	2
4	Площадь жилых помещений на 1 жителя	Социальная сфера	кв. м	30
5	Протяженность дорог с твердым покрытием на 1000 жителей	Инфраструктура	км	8
6	Сальдо местного бюджета по отношению к сумме доходов	Бюджетно-финансовая сфера	%	0
7	Коэффициент естественного прироста населения	Демография	‰	2,4
8	Коэффициент миграционного прироста населения	Демография	‰	2,4
9	Число лечебно-профилактических организаций на 1000 жителей	Здравоохранение	ед.	1,5
10	Число общеобразовательных организаций на 1000 жителей	Образование	ед.	0,05
11	Численность работников организаций культурно-досугового типа на 1000 жителей	Культура	чел.	5

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

В него вошли практически все муниципальные образования Нижегородской области, включая муниципальные районы и городские округа. Отметим, что более мелкие образования входят в состав муниципальных районов и, при необходимости, могут быть проанализированы отдельно, с использованием той же самой индикативной системы.

На рис. 2 приведены лепестковые диаграммы, построенные по всем 11 индикаторам экономической безопасности для муниципальных образований Нижегородской области. Номера субъектов на диаграммах соответствуют номерам из табл. 2. Предварительно индикаторы были преобразованы к безразмерному виду таким образом, что пороговые значения оказались на уровне единицы (пунктирная линия на диаграммах).

Анализ диаграмм позволяет проанализировать уровни экономической безопасности муниципалитетов по различным проекциям. Дополнительно с помощью методов математической статистики были получены распределения по индикаторам их средних значений (рис. 3) и стандартных отклонений (рис. 4).

Первое распределение позволяет выявить наиболее успешную область деятельности в среднем по муниципальным образованиям. Таковой оказалась сфера услуг с индикатором «Количество магазинов на 1000 жителей», среднее значение которого превысило порог. Средние значения остальных индикаторов оказались ниже порогового значения, причем, наиболее проблемным является индикатор «Коэффициент естественного прироста населения».

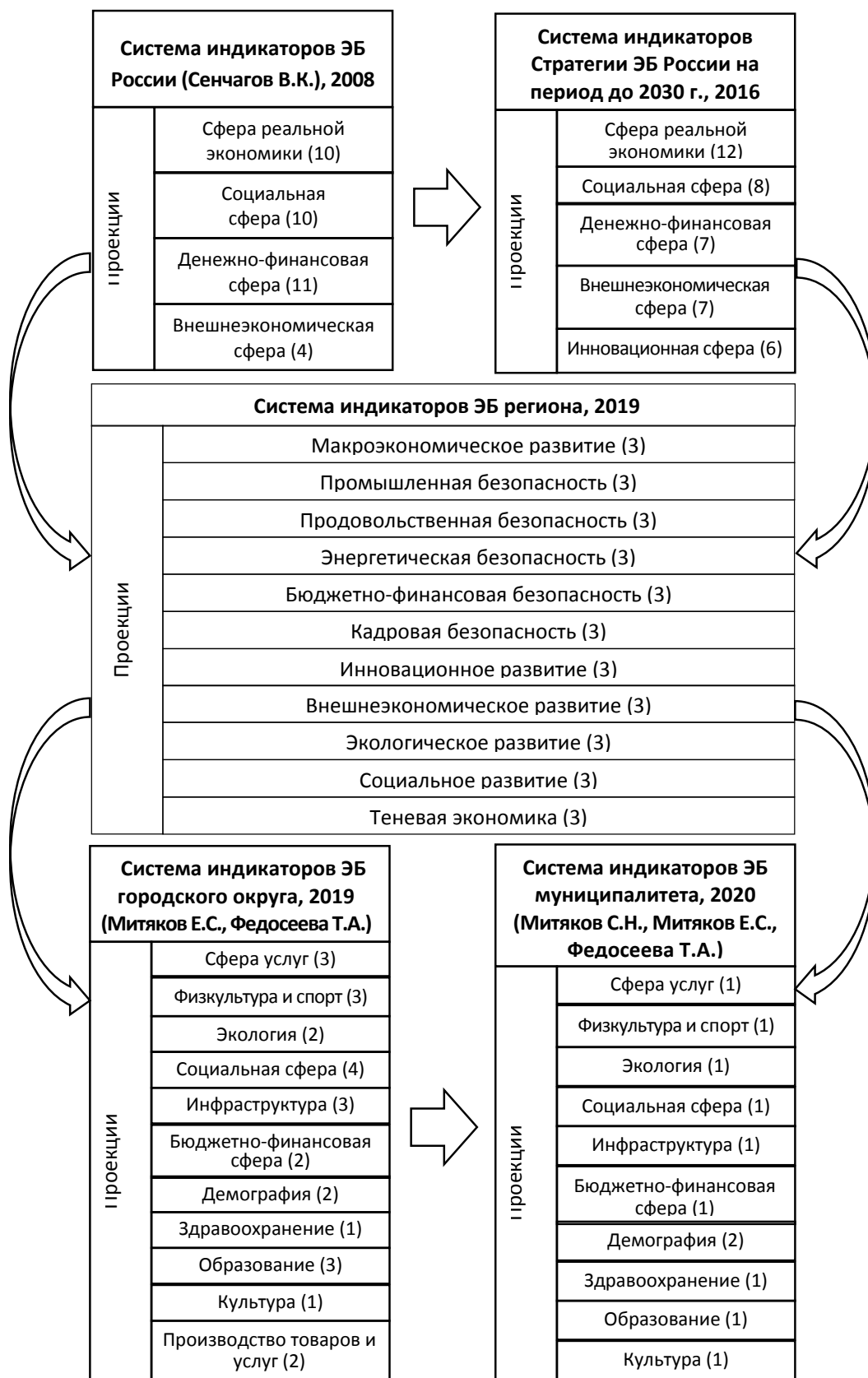

Рис. 1 / Fig. 1. Многоуровневая индикативная система мониторинга экономической безопасности / Multi-level indicative system for monitoring economic security

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Распределение стандартных отклонений отражает уровень стабильности индикатора. Наименьший разброс по муниципальным образованиям продемонстрировало сальдо местного бюджета по отношению к сумме доходов, а наибольший — показатель протяженности дорог с твердым покрытием на 1000 жителей.

Аналогично можно проанализировать статистические распределения индикаторов по ансамблю муниципалитетов. В этом случае наибольшее среднее значение индикаторов имеет Тонкинский муниципальный район (0,9988), наименьшее — г. Нижний Новгород (0,6526). Последнее обстоятельство связано с тем, что ряд индикаторов в крупных городах не вполне корректно сравнивать с соответствующими индикаторами в сельской местности. Например, лечебно-профилактические организации существенно отличаются размерами. Это замечание несколько ограничивает возможности сравнительного анализа субъектов разной величины с применением универсальной системы индикаторов. Наибольшая сбалансированность индикаторов экономической безопасности выявлена у Краснобаковского муниципального района (стандартное отклонение индикаторов составило 0,1945). Наибольший разброс индикаторов у Краснооктябрьского муниципального района (0,5179).

ВЫВОДЫ

Разработке системы показателей экономической безопасности для муниципалитетов в научной литературе уделено значительно меньше внимания, чем на уровне страны или субъектов Федерации. В статье предпринята одна из первых попыток формирования унифицированной системы индикаторов для мониторинга экономической безопасности муниципальных образований. Хотя руководители муниципалитетов не всегда могут влиять на значения индикаторов, актуальность и практическая значимость предложенной системы заключается в возможности сравнительного анализа как отдельных показателей по совокупности муниципалитетов, так и отдельных муниципалитетов по совокупности показателей. Апробация системы мониторинга экономической безопасности для муниципалитетов на примере муниципальных образований Нижегородской области показала релевантность авторских разработок и результатов, а также возможность адаптации и масштабирования предложенной системы к другим муниципальным образованиям Российской Федерации.

Таблица 2 / Table 2

Список муниципальных образований, участвующих в апробации результатов / List of municipalities participating in the approbation of the results

№	Муниципальные районы	27	Павловский
1	Ардатовский	28	Пильнинский
2	Арзамасский	29	Починковский
3	Балахнинский	30	Сергачский
4	Богородский	31	Сеченовский
5	Большеболдинский	32	Сосновский
6	Большемурашкинский	33	Спасский
7	Бутурлинский	34	Тонкинский
8	Вадский	35	Тоншаевский
9	Варнавинский	36	Уренский
10	Вачский	37	Шарангский
11	Ветлужский	38	Шатковский
12	Вознесенский	№	Городские округа
13	Володарский	39	г. Нижний Новгород
14	Воротынский	40	г. Арзамас
15	Воскресенский	41	г. Бор
16	Гагинский	42	г. Выкса
17	Городецкий	43	г. Дзержинск
18	Дальнеконстантиновский	44	г. Кулебаки
19	Дивеевский	45	Навашинский
20	Княгининский	46	г. Первомайск
21	Ковернинский	47	Перевозский
22	Краснобаковский	48	Семеновский
23	Краснооктябрьский	49	Сокольский
24	Кстовский	50	г. Чкаловск
25	Лукояновский	51	г. Шахунья
26	Лысковский	52	ЗАТО г. Саров

Примечание. ЗАТО — закрытое административное территориальное образование.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

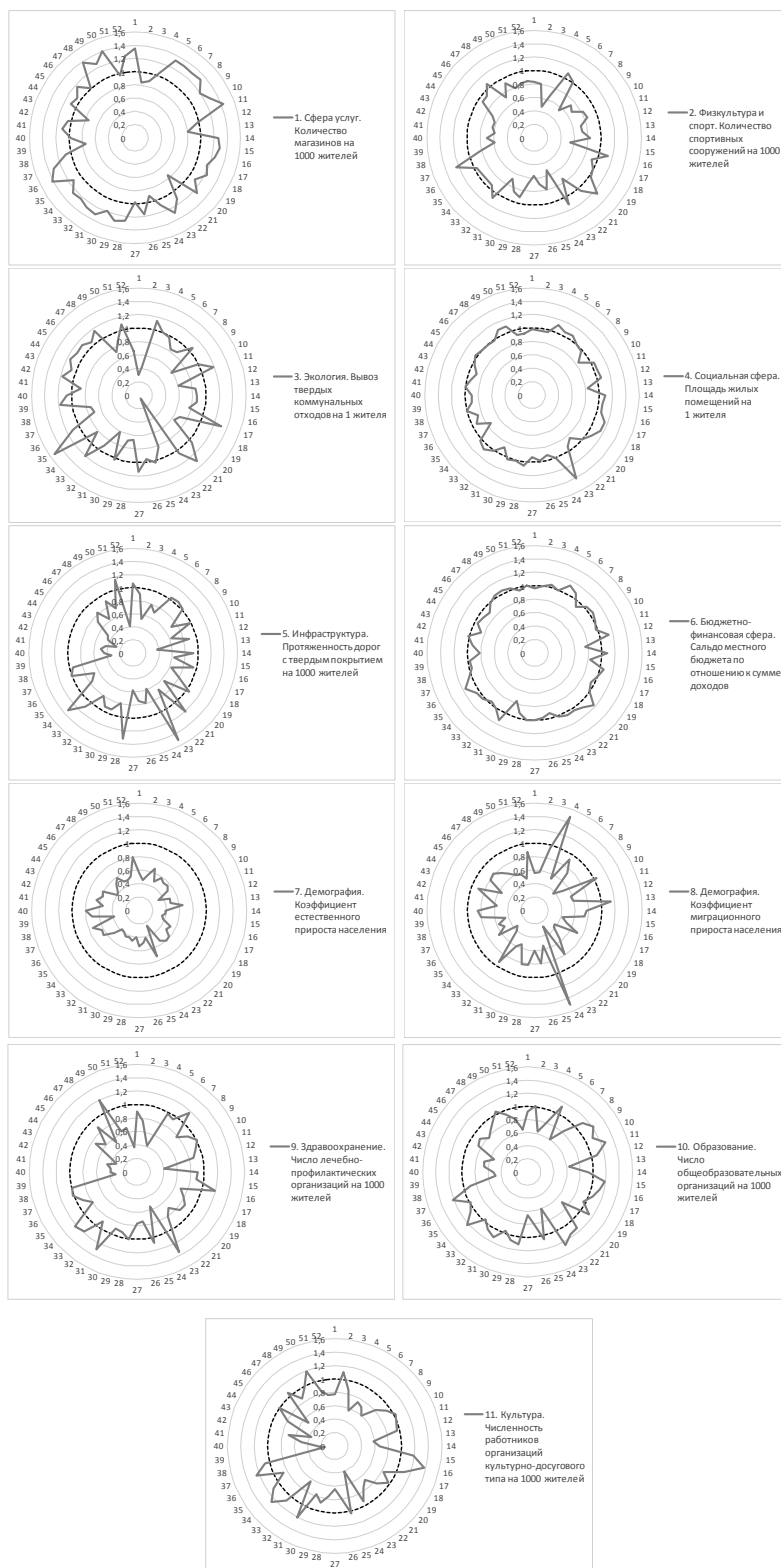

Рис. 2 / Fig. 2. Индикаторы экономической безопасности муниципалитетов Нижегородской области, данные 2018 г. / Indicators of economic security of municipalities Nizhny Novgorod region, 2018

Источник / Source: рассчитано авторами по данным Росстата / calculated by the authors on Rosstat's database. URL: <https://www.gks.ru>.

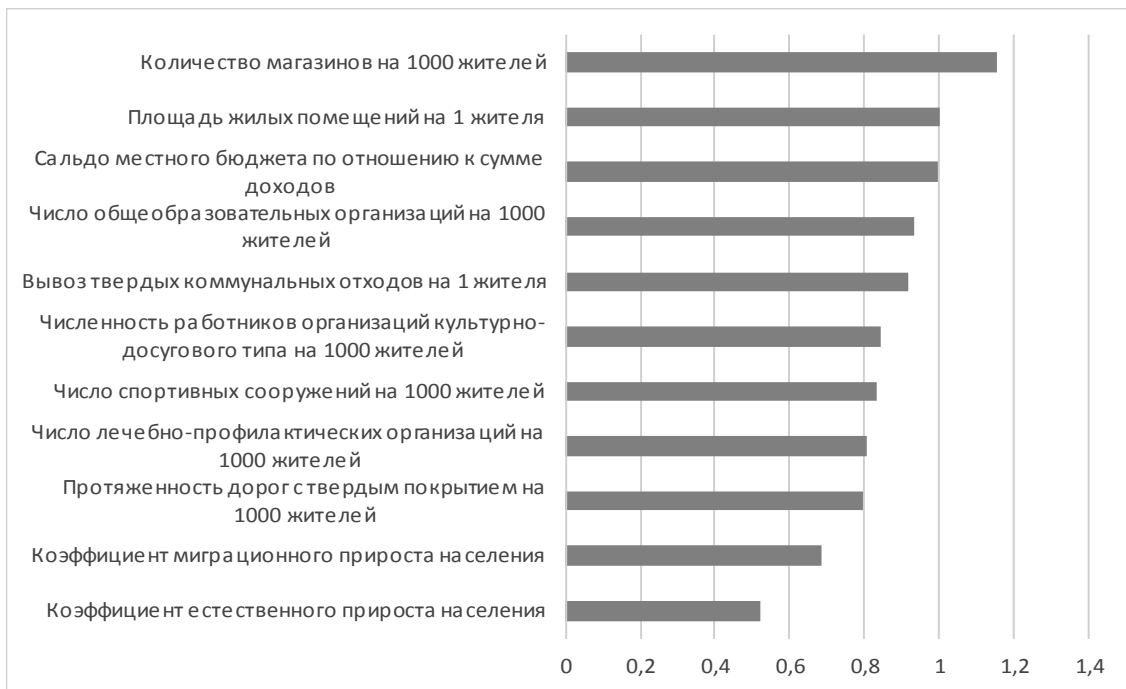

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение средних значений индикаторов экономической безопасности / Distribution of average values of indicators of economic security

Источник / Source: рассчитано авторами по данным Росстата / calculated by the authors on Rosstat's database. URL: <https://www.gks.ru>.

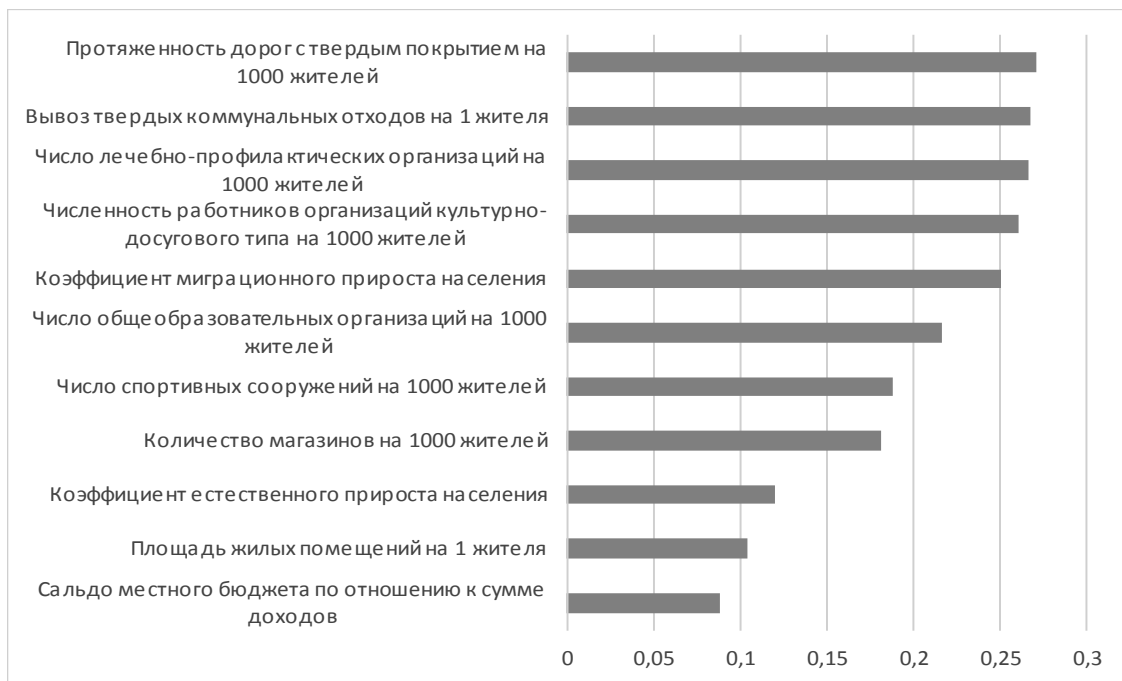

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение стандартных отклонений индикаторов экономической безопасности / Distribution of standard deviations of indicators of economic security

Источник / Source: рассчитано авторами по данным Росстата / Calculated by the authors on Rosstat's database. URL: <https://www.gks.ru>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lessmann C. Regional inequality and internal conflict. CESifo. Working Paper. № 4112, 2011. URL: http://www.cesifo-group.de/DocDL/cesifo1_wp4112.pdf.
2. Posen A. Report of the Working Group on Economics and National Security. Princeton Project on National Security. URL: <http://www.princeton.edu/~ppns/conferences/reports/fall/ENS.pdf>.
3. Kahler M. Economic security in an era of globalization. M. Kahler. The Pacific Review. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0951274042000326032?scroll=top&needAccess=true>.
4. Hough P. Understanding Global Security. London: Routledge; 2008.
5. Легасов В.А. Проблемы безопасного развития техносферы. *Коммунист*. 1987;8(1306):92–101.
6. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*. 1994;(12):4–13.
7. Модернизация финансовой сферы России. Монография. Сенчагов В.К., ред. М.; СПб.: Нестор-История; 2011. 304 с.
8. Митяков С.Н. Новая система индикаторов экономической безопасности России. Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы V Международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева; 2016.
9. Сильвестров С.Н. Концептуальные основы формирования федеральной системы управления рисками. Проблемы стратегического управления: сб. матер. Всерос. симпозиума. М.: Когито-Центр; 2018.
10. Новикова И.В. Индикаторы экономической безопасности региона. *Экономика*. 2009;(11):132–138.
11. Таран О.Л. Формирование системы индикаторов социально-экономического развития региона. *Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета*. 2009;(3):222–227.
12. Гетманова А.В. Экономическая безопасность РФ на основе инновационного развития регионов. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2017;(3):52–54.
13. Черемисина Т.Н. Экономико-статистическая оценка экономической безопасности региона. *Социально-экономические явления и процессы*. 2015;12(10):98–109.
14. Татаркин А.И. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона. *Экономика региона*. 2012;(2):29–30.
15. Тернавщенко К.О. Формирование параметрических оценок экономической безопасности на мезоуровне. *Научный журнал КубГАУ*. 2016;123(09):1–14.
16. Денежкина И.Е. Система показателей для мониторинга экономической безопасности региона. Эффективное антикризисное управление. URL: http://www.info.e-c-m.ru/magazine/66/eau_66_91.htm.
17. Калина А.В. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2014;4(8):15–24.
18. Черемисина Н.В. Экономическая безопасность как комплексная оценка социально-экономического развития региона. *Вестник ТГУ*. 2013;4(120):160–171.
19. Абдулаева З.З. Разработка оптимальной системы экономических показателей безопасности в регионе. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010;(4):348–356.
20. Агапова Т.Н. Мониторинговые исследования в анализе экономической безопасности региона. *Экономический анализ: теория и практика*. 2003;(1):17–20.
21. Каранина Е.В. Экспресс-диагностика уровня экономической безопасности региона. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2015;(12):146–153.
22. Экономическая безопасность регионов России. Монография. Сенчагов В.К., ред. Н. Новгород: Растр-НН; 2012. 254 с.
23. Экономическая безопасность регионов России. Монография. Сенчагов В.К., ред. Н. Новгород: Растр-НН; 2014. 299 с.
24. Нейф Н.М. Состояние экономической безопасности муниципальных образований региона. *Научное обозрение: теория и практика*. 2019;3(59):397–404.
25. Исламова И.М. Оценка эффективности управления муниципалитетами республики Башкортостан. Республика Башкортостан: 100 лет по пути созидания: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Нефтекамск; 2018.
26. Митяков Е.С. Экономическая безопасность муниципалитетов (на примере Нижегородской области). *Развитие и безопасность*. 2019;(4):93–104.

REFERENCES

1. Lessmann C. Regional inequality and internal conflict. CESifo. Working Paper. 4112, 2011. URL: http://www.cesifo-group.de/DocDL/cesifo1_wp4112.pdf.
2. Posen A., Tarullo D. Report of the Working Group on Economics and National Security. Princeton Project on National Security. URL: <http://www.princeton.edu/~ppns/conferences/reports/fall/ENS.pdf>.
3. Kahler M. Economic security in an era of globalization. *The Pacific Review*. 2004;17(4). — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0951274042000326032?scroll=top&needAccess=true>
4. Hough P. *Understanding Global Security*. 2nd ed. London: Routledge; 2008.
5. Legasov V.A. Problems of safe development of the technosphere. *Kommunist*. 1987;8(1306):92–101. (In Russ.).
6. Abalkin L.I. Russia's economic security: threats and their reflection. *Voprosy ekonomiki*. 1994;12:4–13. (In Russ.).
7. *Modernization of the Russian financial sector: monograph*. Senchagov V.K., ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija; 2011. (In Russ.).
8. Mitjakov S.N. New system of indicators of Russia's economic security. In: *Ekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: problemy i perspektivy: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Nizhegorodskij gosudarstvennyj tehnikeskij universitet*; 2016:123–148. (In Russ.).
9. Silvestrov S.N. Conceptual framework for the formation of the federal risk management system. In: *Problemy strategicheskogo upravlenija*. Moscow: Kogito-Centr; 2018:5–9.
10. Novikova I.V., Krasnikov N.I. Indicators of economic security in the region. *Ekonomika*. 2009;11:132–138. (In Russ.).
11. Taran O.L., Kiseleva O.A. Formation of a system of indicators of socio-economic development of the region. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta*. 2009;3:222–227. (In Russ.).
12. Getmanova A.V., Koryr N.S. Economic security of the Russian Federation based on innovative development of regions. *Aktualnye problemy gumanitarnyh i socialno-ekonomicheskikh nauk*. 2017; S 3:52–54. (In Russ.).
13. Cheremisina T.N., Cheremisina N.V. Economic and statistical assessment of the region's economic security. *Socialno-ekonomicheskie javlenija i processy*. 2015;12(10):98–109. (In Russ.).
14. Tatarkin A.I., Kuklin A.A. Changing the paradigm of regional economic security research. *Ekonomika regiona*. 2012;2:29–30. (In Russ.).
15. Ternavshhenko K.O., Maloshenko N.L., Ilina T.V. Formation of parametric assessments of economic security at the meso level. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*. 2016;123(09):1–14. (In Russ.).
16. Denezhkina I.E., Suzdaleva D.A. System of indicators for monitoring the economic security of the region. *Jeffektivnoe antikrizisnoe upravlenie*. URL: http://www.info.e-c-m.ru/magazine/66/eau_66_91.htm. (In Russ.).
17. Kalina A.V., Saveleva I.P. Formation of threshold values for indicative indicators of economic security in Russia and its regions. *Vestnik JuUrGU. Serija Ekonomika i menedzhment*. 2014;4(8):15–24. (In Russ.).
18. Cheremisina N.V. Economic security as a comprehensive assessment of the socio-economic development of the region. *Vestnik TGU*. 2013;4(120):160–171. (In Russ.).
19. Abdulaeva Z.Z. Development of an optimal system of economic security indicators in the region. *Regionalnye problemy preobrazovanija jekonomiki*. 2010;4:348–356. (In Russ.).
20. Agapova T.N., Vahrusheva L.V. Monitoring studies in the analysis of regional economic security. *Ekonomicheskij analiz: teorija i praktika*. 2003;1:17–20. (In Russ.).
21. Karanina E.V., Evstratova A.V. Rapid diagnostics of the region's economic security level. *Ekonomika i upravlenie: problemy, reshenija*. 2015;12:146–153. (In Russ.).
22. *Economic security of Russian regions. Monograph*. Senchagov V.K., ed. N. Novgorod: Rastr-NN; 2012. (In Russ.).
23. *Economic security of Russian regions. Monograph*. Senchagova V.K., ed. N. Novgorod: Rastr-NN; 2014. (In Russ.).
24. Nejff N.M., Jashina M.L. State of economic security of municipalities in the region. *Nauchnoe obozrenie: teorija i praktika*. 2019;9(3)(59):397–404. (In Russ.).
25. Islamova I.M. Assessment of the effectiveness of management of municipalities in the Republic of Bashkortostan. In: *Respublika Bashkortostan: 100 let po puti sozidanija: mater. Vseros. nauch.-praktich. konf. Neftekamsk*; 2018:79–82. (In Russ.).
26. Mitjakov E.S., Fedoseeva T.A. Economic security of municipalities (on the example of the Nizhny Novgorod region). *Razvitie i bezopasnost*. 2019;4:93–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Николаевич Митяков — доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор ИНЭУ НГТУ им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

snmin@mail.ru

Евгений Сергеевич Митяков — доктор экономических наук, доцент, академик РАН, профессор кафедры информатики РТУ МИРЭА, Москва, Россия

iyao@mail.ru

Татьяна Александровна Федосеева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики НГТУ им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

fedoseeva-t@yandex.by

ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Mityakov — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of Institute of Economics and Management at Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia

snmin@mail.ru

Evgeny S. Mityakov — Doctor of Economics, Associate Professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Informatics of RTU MIREA, Moscow, Russia

iyao@mail.ru

Tatyana A. Fedoseeva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Digital Economy, Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia

fedoseeva-t@yandex.by

Заявленный вклад авторов:

Митяков С.Н. — проведение расчетов, визуализация данных.

Митяков Е.С. — обзор литературы, анализ результатов.

Федосеева Т.А. — разработка системы индикаторов.

Declared contribution of the authors:

Mityakov S.N. — calculations, data visualization.

Mityakov E.S. — literature review, analysis of results.

Fedoseeva T.A. — development of a system of indicators.

Статья поступила 25.09.2020; после рецензирования 30.09.2020; принята к публикации 26.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.09.2020; revised on 30.09.2020 and accepted for publication on 26.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-81-95
УДК 330.341+330.356.7+3(045)30.342.173(045)
JEL N14, O43, O57, P51

Анализ роли институтов и технологий в экономическом росте позднего СССР в межстрановом сопоставлении*

Д. В. Диденко^а, Н. В. Гринева^б

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия;

^б Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0001-5295-2538>; ^б <http://orcid.org/0000-0001-7647-5967>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования, нацеленного на определение роли институциональной и технологической динамики в экономическом росте позднего СССР по сравнению с референтными странами. Предложена модификация производственной функции, аналогичной по форме экзогенной модели роста Mankiw, Romer, Weil (1992) с физическим и человеческим капиталом, посредством введения переменных, характеризующих институциональную и общетеchnологическую составляющие. Представлены новые результаты расчетов эффектов от наращивания физического и человеческого капитала в советской экономике позднего периода. Также приведены статистические оценки негативного вклада понижения технологического уровня индустриальной экономики СССР. Частично подтверждается гипотеза об ухудшении институциональной среды в СССР. Но ее негативный вклад не был более сильным и значимым, чем в других странах. Таким образом, не подтверждается идея об обреченности советской экономики в силу существенных недостатков ее институтов. Обсуждаются перспективные направления дальнейшей разработки исследуемой проблематики.

Ключевые слова: планируемая экономика; новые теории роста; производственная функция; человеческий капитал; институциональная среда; технологический уровень

Для цитирования: Диденко Д. В., Гринева Н. В. Анализ роли институтов и технологий в экономическом росте позднего СССР в межстрановом сопоставлении. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):81-95. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-81-95

ORIGINAL PAPER

Analysis of the Role of Institutions and Technologies in Economic Growth of the Late USSR in a Cross-Country Comparison**

D. V. Didenko^а, N. V. Grineva^б

^а Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;

^б Financial University,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0001-5295-2538>; ^б <http://orcid.org/0000-0001-7647-5967>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ».

** The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-010-00680 "Research of institutional mechanisms of interaction between science and economic management in the USSR (the mid-1950s – late 1980s.) in the context of the development of a strategic planning system in the public sector of the economy R.F."

ABSTRACT

The article presents the results of a study aimed at defining the role of institutional and technological dynamics in the economic growth of the late USSR in comparison with reference countries. We propose a modification of the production function, similar to the exogenous growth model by Mankiw, Romer, Weil (1992) with physical and human capital, by augmenting it with variables for institutional and general technological components. We present our new estimates of the effects of an increase in physical and human capital in the late Soviet economy. Also, we obtain statistical assessments of the negative contribution of the decrease in the technological level of the industrial economy of the USSR. We partially confirm the hypothesis about the deterioration of the institutional environment in the USSR. But its negative contribution was not more decisive and more significant than in other countries. Thus, the idea of the doom of the Soviet economy, due to the substantial flaws of its institutions, was not confirmed. Finally, we discuss the prospective lines of further exploration into the issues under study.

Keywords: planned economy; new growth theories; production function; human capital; institutional environment; technological level

For citation: Didenko D.V., Grineva N.V. Analysis of the role of institutions and technologies in economic growth of the late USSR in a cross-country comparison. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):81-95. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-81-95

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

К середине 1950-х гг. с завершением проводившейся мобилизационными методами ускоренной индустриализации в СССР было создано среднеразвитое индустриальное общество с прогрессирующим сектором частного потребления, использующее технологии широкого применения на уровне мировой технологической границы (хотя и в меньших масштабах). Однако уже тогда обозначились первые признаки замедления роста экономики, которые в конце 1980-х гг. перешли в спад и системный кризис, которые в сочетании с политическим кризисом привели к распаду СССР.

Среди предлагаемых в научной литературе объяснений причин замедления экономического роста в СССР, проецируемых также на характер развития постсоветской России, можно выделить 3 основных объяснения: 1) «неоклассическое»: перенакопление капитала (прежде всего физического, который обладает меньшей по сравнению с человеческим способностью создавать позитивные внешние эффекты) в условиях дефицита рабочей силы привело к снижению его отдачи; 2) «институциональное»: ухудшение институциональной среды¹

¹ Институты в данном случае понимаются в широком смысле как формальные (правовые) и неформальные правила взаимодействия экономических субъектов в процессе производства и обмена благами и ресурсами, в традиции, идущей от Д. Норта [1, 2]. С эффективностью взаимодействия элементов системы государственного управления связано понятие «качество институтов» (institutional capacity), разработанное, в частности, В. Поповым [3]. В данном случае акцент делает-

выразилось в снижении качества управления, что привело, в том числе, к увеличению отставания от мировой технологической границы²; 3) «сырьевое проклятие»: стратегия извлечения ренты за счет сырьевого экспорта привела к множеству негативных эффектов, в том числе к снижению технологического уровня обрабатывающих отраслей и ухудшению качества институтов.

«Неоклассическое» объяснение частично поддерживается тем стилизованным фактом, что практически все быстро индустриализовавшиеся страны догоняющего развития испытывали замедление темпов роста, но, как правило, на более высоком уровне ВВП на душу населения и менее жесткое по сравнению с СССР. Аргументация «сырьевого проклятия» в данном случае позиционируется как дополняющая «институциональное» объяснение. В этой связи наш анализ сосредоточен на доступных свидетельствах о динамике институциональной среды во взаимодействии с технологическими режимами и их роли в макроэкономической динамике СССР.

ся на прогрессировавшем ослаблении качества государственных институтов в позднем СССР и РФ по сравнению с Китаем в 1950–1970-х гг., в силу чего во многом неудачными оказались постепенные реформы в направлении децентрализации советской экономики.

² Так, по мнению, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, в условиях укрепления «экстрактивных» институтов государственного принуждения, централизованного планирования и мобилизационной экономики темпы роста не могли быть устойчивыми в условиях исчерпания избыточной рабочей силы в низкопроизводительном аграрном секторе, нарастающего рентоискательства политической элиты и слабых стимулов к распространению инноваций [4].

В данном исследовании основной вопрос ставится следующим образом: насколько институциональная динамика и технологический уровень имели значение в замедлении экономического роста позднего СССР на фоне референтных стран.

Согласно нашей гипотезе, в 1960–1980-х гг. снижалась эффективность взаимодействия институтов управления экономикой (во времени и относительно других быстро развивавшихся стран).

Также исследуется вопрос о влиянии уровня технологий в сочетании с физическим и человеческим капиталом (квалифицированного труда) в динамике. Для этого проводится сравнение соответствующих показателей по СССР и ряду других стран. Выдвигается гипотеза, что технологический режим в СССР был связан со сравнительно слабыми изменениями сочетания основных факторов производства.

Таким образом, цель данной статьи заключается в том, чтобы показать роль институциональной и технологической динамики в экономическом росте позднего СССР, установив, насколько быстро изменялись сочетания труда и капитала в советской экономике по сравнению с другими странами.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

В качестве основных факторов современного экономического роста неоклассические модели рассматривают накопление физического и человеческого капиталов, реаллокацию рабочей силы (трудовых ресурсов), а также институциональные и технологические изменения, ведущие к повышению совокупной факторной производительности. Главную роль человеческого капитала акцентируют разработанные в зарубежной литературе новые теории экономического роста, из которых его экзогенная модель [5] адаптируется нами для изучения советской экономики. В этом случае экономический рост рассматривался как результат совокупности действия преимущественно внешних факторов, исчерпание которых приводит к его замедлению и остановке. Выбор экзогенной модели связан прежде всего с тем, что в литературе (в частности, в [6]) убедительно показано, что советский экономический рост не имел признаков, присущих самоподдерживающемуся, в силу специфического для плановой экономики характера накопления физического капитала (ориентация на новое стро-

ительство вместо замещения морально устаревающих производственных мощностей).

В качестве основного методологического подхода нами применена классическая производственная функция Кобба–Дугласа, которая подвергалась модификациям [7] и [5], в первом случае — за счет интерпретации нераспределенного остатка факторов производства как общетехнологического уровня экономики, во втором — посредством включения в нее человеческого капитала. Однако в [5] человеческий капитал измерялся не в стоимостном выражении (как другие переменные), а в натуральном. Данное несоответствие было устранено в [8], где все показатели измерялись в стоимостном подушевом выражении (в связи с этим не выделялся простой труд) и с точки зрения темпов изменения, т.е. с участием производных.

В отечественной литературе метод производственной функции к анализу отечественной экономики применялся в трудах А. И. Анчишкина, Ю. В. Яременко [9, 10]. В зарубежной литературе он использовался в работах М. Вайтцмана, П. Десаи, Г. Офера, У. Истерли и С. Фишера, В. В. Попова [6, 11–14]. Однако большинство этих исследований ограничивалось классическим набором переменных (физический капитал и труд), в редких случаях включали человеческий капитал [14], но без операционализации институциональной и технологической динамики.

Нами предложена модификация производственной функции, аналогичной по форме экзогенной модели роста [5] с физическим и человеческим капиталом, посредством введения переменных, характеризующих институциональную и общетехнологическую составляющие.

В работах исследователей, аффилированных со Всемирным банком, проводилась идея, что невещественную часть национального богатства наряду с иностранными финансовыми активами составляют человеческий и институциональный капиталы [15, 16]. При всей теоретической спорности определения институтов как формы капитала и методики их стоимостной оценки важно их выделение как фактора, влияющего на производственные возможности экономической системы и введение его в состав производственной функции (переменная «индекс главенства закона») [15].

Указанная производственная функция тестировалась с использованием собранных статистических данных по СССР и референтным (по различ-

ным критериям) странам с крупной национальной экономикой, потенциально способной создавать эффект масштаба: США, Германия, Испания, Бразилия, Китай.

Принципиальные критерии выбора референтных стран: основной геополитический конкурент с развитой индустриальной рыночной экономикой (начавшей переход к постиндустриальной) в базовых отраслях задает уровень мировой технологической границы, с исторически обусловленным демократическим типом политического режима (США); наличие развитой и социально ориентированной индустриальной рыночной экономики с демократическим (посттоталитарным) политическим режимом (ФРГ); наличие среднеразвитой индустриально-аграрной рыночной экономики и авторитарного политического режима, с быстрым переходом к демократическому (Испания); наличие среднеразвитой аграрно-индустриальной рыночной экономики, с резкими переходами политического режима от демократического к авторитарному и обратно (Бразилия); наличие заимствованной у СССР модели планируемой экономики в самом начале перехода от аграрного к индустриальному обществу, с последующими сильными модификациями в рыночном направлении (Китай).

В литературе по применению производственных функций имеются два основных подхода: 1) вменение факторных доходов экзогенно и расчет совокупной факторной производительности (СФП) через дифференциальные уравнения с возможностью декомпозиции СФП [8, 17]; 2) преобразование производственной функции в линейную регрессию (логарифмированием) и оценка коэффициентов в этой регрессии методом наименьших квадратов. В данном случае был выбран регрессионный анализ. Связано это, в том числе, с расширением количества независимых переменных, характеризующих однотипные экономические процессы, по сравнению с классической производственной функцией. Так, в наших моделях с разных сторон 3 переменные (прокси-индикатора) опосредованно³ характеризуют институциональную

³ Два основных фактора производства (физический и человеческий капитал) измеряются непосредственно в стоимостном или в индексном выражении. Последнее является производным от натурального (средняя продолжительность образования в институционализированных формах) и финансового показателей (относительный прирост дохода в результате 1 года образования). Индекс человеческого капитала, будучи умноженным на численность рабочей силы, приводит к одному

среду, а 4 переменные технологический уровень производства.

Информационная база (источники)

- К основным источникам относятся следующие:
 - официальные статистические данные, опубликованные советскими высшими органами государственной статистики (как правило, в специализированных изданиях: «Промышленность СССР», «Внешняя торговля СССР», а также в юбилейных сборниках «Народное хозяйство СССР»);
 - существующие в литературе расчеты и оценки по реконструкции показателей исторических национальных счетов СССР [14, 18–22], человеческого капитала и демографических показателей [23–25]; натуральные показатели выпуска отдельных отраслей [26], уровень преступности [27], военные расходы [13, 28];
 - тематические межстрановые наборы данных в формате электронных ресурсов: прежде всего данные по историческим национальным счетам Penn World Tables — PWT [29; 30]; в качестве источников для сверки — Extended Penn World Tables — EPWT⁴; Ameco⁵, поддерживаемый Европейской комиссией; демографические данные⁶; данные по военным расходам⁷; данные о выработке электроэнергии [31]; латентный индекс демократии [32].

Нами выбраны прокси-индикаторы, имеющие доступные и относительно достоверные статистические данные и оценки (табл. 1). Применение ряда таких прокси-индикаторов (в первую очередь уровня умышленных убийств) апробировано в научной литературе, посвященной изучению влияния институтов на экономическое развитие [3].

- Выбранные прокси-индикаторы *институциональной среды* советской экономики:

из вариантов ее стоимостной оценки. В отличие от этих двух основных факторов, прокси-индикаторы измеряют экономические явления и процессы опосредованно.

⁴ Marquetti A., Foley D. Extended Penn World Tables v. 4.0 — EPWT 4.0, March 2012. URL: <https://sites.google.com/a/newschool.edu/duncan-foley-homepage/home/EPWT>.

⁵ AMECO. Annual macro-economic database of the European Commission's Directorate General for Economic and Financial Affairs (DG ECFIN). URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/db_indicators/ameco/zippered_en.htm.

⁶ Human Life Table Database. 2019. Max Planck Institute for Demographic Research. URL: <https://www.lifetable.de/cgi-bin/data.php>.

⁷ SIPRI Military Expenditure Database 2019. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>.

– уровень насильственной преступности — измеряет (не)готовность членов общества к соблюдению элементарных правил социального взаимодействия; умышленные убийства отличаются лучшим уровнем регистрации, при том что экономическая преступность характеризуется высоким уровнем латентности⁸;

– уровень военных расходов — отражает выбор политической власти в отношении характера ответа на внешние вызовы и угрозы национальной безопасности, существенным образом задающий режимы функционирования экономических институтов;

– латентный индекс демократии [32] — измеряет особенности идеологически различных политических режимов по единым критериям, смещенным в сторону либеральных ценностей, но в данном случае в относительном измерении.

• В качестве релевантных для индустриальной экономики выбраны следующие прокси-индикаторы *технологического уровня*:

– износ физического капитала (накопленная амортизация) — опосредованно отражает уровень его качества, в большей степени — новизны, меньшей — близость к технологической границе;

– энергоемкость ВВП/ВВП (по электроэнергии) — опосредованно отражает уровень индустриального развития экономики на ранних стадиях (при повышении), на поздних стадиях — готовность к переходу на постиндустриальную стадию (при понижении);

– уровень младенческой смертности — опосредованно измеряет отношение к человеческой жизни, социальное измерение индустриального развития;

– доля энергоносителей (в первую очередь нефти и газа) в экспорте — показатель уровня технологической сложности/примитивности экспорта, обладающего внешней конкурентоспособностью.

Вопрос о степени достоверности данных официальной статистики по экономике СССР ранее рассматривался в научной литературе (в части, относящейся к человеческому капиталу и агрегированным показателям национальных счетов в [8, 24]). Специфика методологии расчета национального дохода (только материальное производство

в соответствии с отчетностью хозяйствующих субъектов) и конструкция ценовых индексов, приводящая к занижению инфляционных показателей, делают агрегированные показатели несопоставимыми во времени и с референтными странами. В этой связи предпочтительно использование реконструкций исторических национальных счетов, а также сведений о военных расходах, заимствованных из указанных выше исследований. В то же время в литературе отмечается очень высокая достоверность сведений о натуральных показателях выпуска промышленности в СССР, особенно производства электроэнергии [33, 34]. В отличие от постсоветского периода, достаточно достоверной может быть признана советская статистика внешней торговли, прежде всего стратегическими товарами, которая осуществлялась через специализированные государственные объединения.

Пропуски в данных заполнялись с помощью интерполяции по нелинейным функциям, в том числе с привлечением дополнительных источников. В частности, были интерполированы данные по младенческой смертности в СССР из Госкомстата СССР с привлечением альтернативных данных⁹ и аналогичных данных по России [25]. Данные по уровню военных расходов в СССР за 1965–1987 гг. [22] были ретро- и экстраполированы с привлечением в качестве дополнительных источников [13, 28].

Различные прокси-индикаторы с разных сторон характеризуют одно экономическое явление (институциональную либо технологическую среду). Кроме того, они демонстрируют разнонаправленные тенденции. В связи с этим в общую модель для каждой страны были включены несколько прокси-индикаторов.

Анализ проводился по 3 группам линеаризованных (посредством логарифмирования) регрессий, относящихся к отдельным странам: 1) классическая модель для каждой из исследуемых стран с двумя независимыми переменными (физический и человеческий капиталы как факторы производства); 2) частные модели с постоянным присутствием двух основных независимых переменных и поочередным включением одного прокси-индикатора либо институционального, либо технологического блока (т.е. в каждой модели

⁸ В СССР с середины 1950-х по середину 1980-х гг. зафиксировано повышение коэффициентов экономической преступности в 1,5–2,5 раза (по взяточничеству — в 20 раз) против 1,3 раза по умышленным убийствам за 1960–1991 гг. (расчет по [27]).

⁹ Human Life Table Database. 2019. Max Planck Institute for Demographic Research. URL: <https://www.lifetable.de/cgi-bin/data.php>.

Таблица 1 / Table 1

Основные источники данных по показателям институциональной среды и технологического уровня в СССР (для использования в моделях производственных функций за период 1955–1991 гг.) / Principal sources of the data on indicators of the institutional environment and technological level in the USSR (for utilization in production function models for the period 1955–1991)

Категория	Показатель	Период	Основные источники и литература	Примечания
Институциональная среда	Уровень экономической и насильственной преступности	1956–1991	Лунеев (2005) [27]	
	Латентный индекс демократии	1955–1991	Foldvari (2014) [32]	
	Уровень военных расходов	1955–1990	Becker (1969) [19], Brada, Graves (1988) [28], Ofer (1987) [13], Steinberg (1990) [22]	
Технологический уровень	Износ физического капитала (накопленная амортизация)	1955–1991	СВОГС*, Moorsteen, Powell (1966) [21], Воскобойников, Дрябина (2010) [18]	Для промышленности
	Уровень энергоемкости ВВП/ВВП	1955–1991	СВОГС	По электроэнергии
	Доля энергоносителей в экспорте	1955–1990	СВОГС	В первую очередь нефти и газа

* *Примечание / Note:* СВОГС – советские высшие органы государственной статистики в следующих изданиях: Внешняя торговля СССР. 1918–1966 (1967), Внешняя торговля Союза ССР за 1959–1963 годы (1965), Внешняя торговля СССР. 1922–1981 (1982), Внешняя торговля СССР в 1985 г. (1986), Внешние экономические связи СССР в 1990 г. (1991), Народное хозяйство СССР, 1922–1982 (1982), Промышленность СССР (1964), Промышленность СССР (1988) / The Soviet supreme boards for the government statistics in the following series: Foreign Trade of the USSR. 1918–1966 (1967), Foreign Trade of the USSR in 1959–1963 (1965), Foreign Trade of the USSR. 1922–1981 (1982), Foreign Trade of the USSR in 1985 (1986), External Economic Relations of the USSR in 1990 (1991), National Economy of the USSR, 1922–1982 (1982), Industry of the USSR (1964), Industry of the USSR (1988).

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

всего по 3 независимых переменных), которые оценивались и проверялись на статистическую значимость на уровне $\alpha = 0,05$ или $\alpha = 0,01$ по критериям Стьюдента и Фишера; 3) обобщенная модель с несколькими переменными (прокси-индикаторами) для каждой из анализируемых стран, которые обладали статистической значимостью на тех же уровнях (единый первоначальный набор переменных сократился по-разному для каждой страны после последовательного исключения прокси-индикаторов с наименьшей по модулю статистической значимостью по мере сокращения обобщенной модели до набора значимых переменных).

Собранные статистические данные являются частью выборки, и это позволяет анализировать их как

некую случайную выборку. Проведем анализ данных на примере СССР с помощью описательной статистики. Характеристики совокупности приведены в табл. 2.

Для симметричных и умеренно симметричных распределений отношение среднего квадратичного отклонения к среднему линейному отклонению (СКО/СЛО) должно находиться около значения 1,25. Данное отношение в совокупности несильно отклоняется от этой величины, так что распределение можно считать умеренно симметричным. Отношение СКО/СЛО в данной совокупности не превышает 2:1, из чего можно сделать вывод, что в ней нет резких выделяющихся отклонений, неоднородных с основной массой элементов, нарушающих развитие основной тенденции или закономерности совокупности. Таким образом,

Таблица 2 / Table 2

Характеристики совокупности статистических данных по основным показателям переменных производственных функций (СССР в период 1955–1991 гг.) / Descriptive statistics of the data sample on the basic indicators of variables of production function (the USSR in the period of 1955–1991)

Показатель	Y	K	HL	FK	EL	ME
Объем совокупности	36	36	36	36	36	36
Максимальное	2 015 712,53	10 246 859	412 497,3	42,93666	0,403883	0,1479
Минимальное	528 827,2103	936 929,7	150 402,3	25,50991	0,125549	0,100967
Среднее	1 367 519,625	5 091 430	272 004,7	31,07954	0,276834	0,132939
Дисперсия	2,08333E+11	8,25E+12	7,62E+09	31,00141	0,007846	0,000151
Среднее квадратическое отклонение (СКО)	456 435,4839	2 872 905	87 264,64	5,567891	0,088579	0,012279
Среднее линейное отклонение (СЛО)	394 177,6907	2 459 228	77 322,75	4,685828	0,076082	0,008949
Отношение СКО/СЛО	1,157943472	1,168214	1,128577	1,188241	1,164259	1,372066

Примечание / Note: обозначения и единицы измерения показателей приводятся в пояснениях к формулам (1), (2) и (6). ВВП (Y) и физический капитал (K) выражены в млн GK\$ по ППС 1990 г. / Designations and units of the indicators are provided in notations to formulas (1), (2) and (6). GDP (Y) and physical capital (K) are expressed in mln GK\$ at 1990 PPP.

Источник / Source: рассчитано авторами / Calculated by the authors.

собранные статистические данные представляют собой хороший материал для исследований с помощью регрессионного анализа.

Классические модели для каждой из анализируемых стран имеют следующий вид:

$$Y_t = A_0 K_t^\alpha (HL)_t^\beta + u(t), \quad (1)$$

$$\ln Y_t = \ln A_0 + \alpha \ln K_t + \beta \ln (HL)_t + u(t), \quad (2)$$

где Y — объем ВВП/ВВП (в постоянных ценах по паритету покупательной способности — ППС);

A₀ — свободный член;

K — объем физического капитала (по восстановительной стоимости в постоянных ценах по ППС);

H — индекс человеческого капитала;

L — численность рабочей силы (тыс. чел.);

α — коэффициент регрессии при физическом капитале;

β — коэффициент регрессии при человеческом капитале;

u — остатки.

Частные модели для каждой из анализируемых стран имеют следующий вид:

$$Y_t = A_0 K_t^\alpha (HL)_t^\beta PI_t^\gamma + u(t), \quad (3)$$

$$\ln Y_t = \ln A_0 + \alpha \ln K_t + \beta \ln (HL)_t + \gamma \ln (PI)_t + u(t), \quad (4)$$

где дополнительно к формуле (1):

PI — прокси-индикатор институциональной среды или технологического уровня;

γ — коэффициент при прокси-индикаторе.

Обобщенная модель для каждой из анализируемых стран имеет следующий вид:

$$Y_t = A_0 FK_t^{a_1} EL_t^{a_2} IM_t^{a_3} EE_t^{a_4} K_t^{a_5} (HL)_t^{a_6} (MR)_t^{a_7} (LDI)_t^{a_8} ME_t^{a_9} + u(t), \quad (5)$$

$$\ln Y_t = \ln A_0 + a_1 \ln FK_t + a_2 \ln EL_t + a_3 \ln IM_t + a_4 \ln EE_t + a_5 \ln K_t + a_6 \ln (HL)_t + a_7 \ln (MR)_t + a_8 \ln (LDI)_t + a_9 \ln ME_t + u(t), \quad (6)$$

где FK — степень износа физического капитала, %;

EL — энергоемкость ВВП/ВВП по выработке электроэнергии (кВт×ч на единицу ВВП);

IM — уровень младенческой смертности (на 1000 живых новорожденных в возрасте до 1 года);

Таблица 3 / Table 3

Показатели частных моделей производственных функций советской экономики (1955–1991) /
 Indicators of the particular models of production functions of the Soviet economy (1955–1991)

№ модели	A_0	α	β	γ	R^2	Стандартная ошибка	Относительная ошибка аппроксимации, %
1	73,75816 (0,5504)	0,42999 (0,0478)	0,2579 (0,0975)	-	0,9819	0,0534	0,274
2	73,8832 (0,4361)	0,4607 (0,0346)	0,3148 (0,0870)	-0,3459 (0,0477)	0,9978	0,0186	0,0922
4	363,4743 (0,4772)	0,2301 (0,0482)	0,4558 (0,0772)	-0,2963 (0,0506)	0,9911	0,0379	0,216
8	225,7892 (0,7524)	0,3622 (0,0561)	0,30908 (0,0963)	0,3586 (0,1726)	0,9840	0,0509	0,283

Примечание / Note: в скобках указаны стандартные ошибки / Standard errors are indicated in parentheses.

Источник / Source: рассчитано авторами / Calculated by the authors.

EE — доля энергоносителей в экспорте (%);
 MR — уровень умышленных убийств (на 100 000 жителей в год);
 LDI — латентный индекс демократии;
 ME — расходы на оборону (% ВВП);
 a_n — коэффициенты при независимых переменных регрессии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В общей сложности для исследования влияния отдельных прокси-индикаторов по всем странам было построено 8 частных моделей, попеременно включающих в себя переменные, обозначенные выше.

В табл. 3 представлены результаты моделирования по частным моделям с учетом различных прокси-индикаторов по экономике СССР:

модель 1 — основная [включает только физический (K) и человеческий капитал в стоимостной оценке (HL)];

модель 2 — дополнительно к основной включает степень износа физического капитала (FK);

модель 4 — дополнительно к основной включает энергоёмкость ВВП (EL);

модель 8 — дополнительно к основной включает уровень военных расходов (ME).

Приведены рассчитанные числовые значения коэффициентов, в скобках указаны стандартные ошибки. Также приведены значения стандартных ошибок для регрессии в целом и относительной ошибки аппроксимации.

Расчеты по моделям 3, 5, 6 и 7 не приводятся в связи с тем, что при включении соответствующего прокси-индикатора уровня младенческой смертности (IM), доли энергоносителей в экспорте (EE), уровня умышленных убийств (MR) и латентного индекса демократии (LDI) коэффициенты при них оказались незначимы на уровне $\alpha = 0,05$, и модели были непригодны для дальнейшего анализа.

Анализ показал, что все построенные модели характеризуются очень высокими (близкими к единице) коэффициентами детерминации, и это говорит о большой объясняющей способности переменных, включенных в модель, и низких значениях относительной ошибки аппроксимации (везде меньше 1%), свидетельствующих об оценке точности модели на очень высоком уровне. Наименьший из наблюдаемых коэффициентов Фишера (F) равен 677,7082 и значительно превышает табличное значение — $F_{\text{табл}} = 4,436787$. Следовательно, все полученные модели являются значимыми.

Построенные модели были проверены на выполнение условий теоремы Гаусса–Маркова на равенство математического ожидания остатков нулю, гомоскедастичность и автокорреляцию. Так, например, для модели 2 рассчитанная статистика Дарбина–Уотсона получилась равной $DW = 1,859056$, а табличные значения $dL = 1,29$, $dU = 1,65$. Таким образом, рассчитанная статистика DW попадает в интервал $[dU, 4 - dU]$, т.е. автокорреляции остатков не наблюдается.

На рис. 1 представлены графики фактических и смоделированных данных Y — объем ВВП/ВВП.

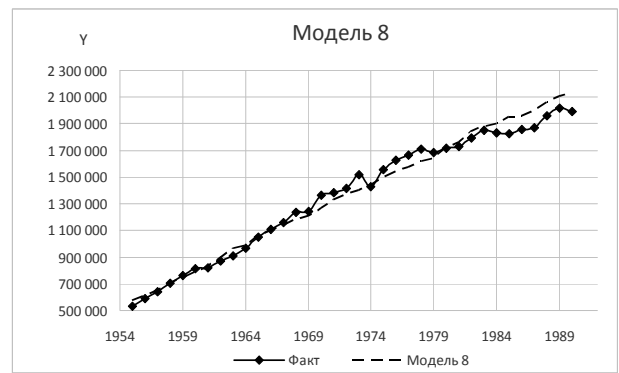
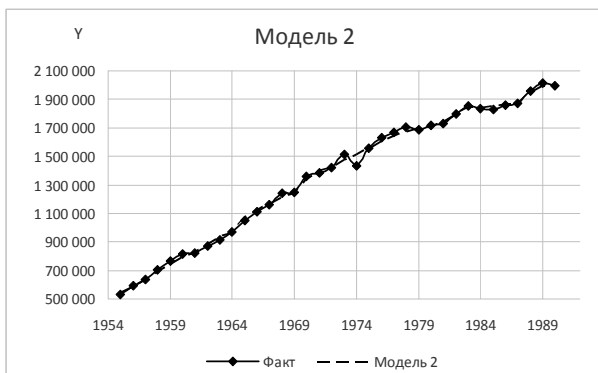
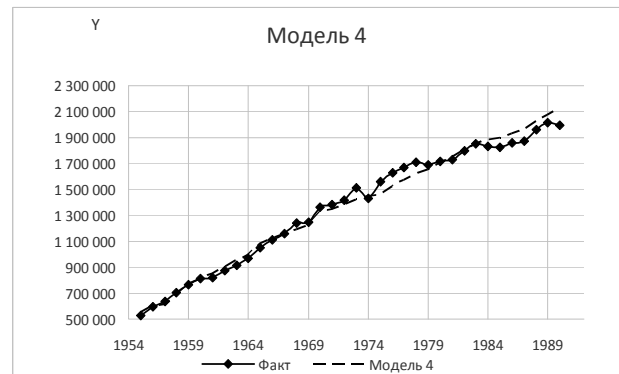
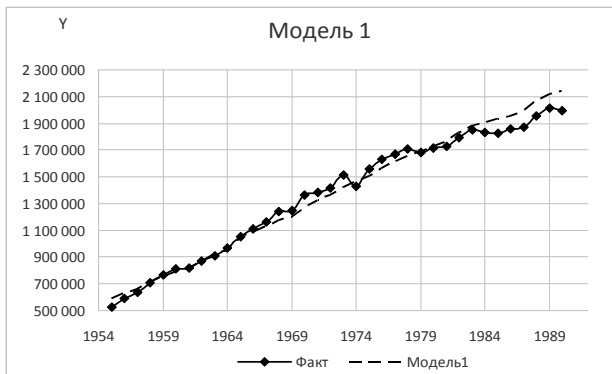

Рис. 1 / Fig. 1. Фактические и модельные значения в частных регрессиях по СССР / Actual and modelled values in particular regressions for the USSR

Примечание / Note: ВВП (Y) выражен в млн GK\$ по ППС 1990 г. / GDP (Y) is expressed in mln GK\$ at 1990 PPP.

Источник / Source: рассчитано авторами / Calculated by the authors.

Близость фактических и смоделированных значений наглядно подтверждает хорошее качество построенных моделей.

После исследования влияния отдельных прокси-индикаторов на ВВП была построена *модель обобщенная* — модель последовательного исключения незначимых переменных до полного набора значимых. Моделирование проводилось для шести стран, включая СССР. Коэффициенты регрессии, коэффициенты при переменных, коэффициенты детерминации, а также стандартные ошибки для обобщенных моделей по странам представлены в табл. 4. На рис. 2 представлены графики фактических и смоделированных данных объема ВВП/ВВП (Y), подтверждающие хорошее качество построенных моделей.

Результаты анализа на уровне частных регрессий, включающих в качестве независимой переменной два фактора производства и один прокси-индикатор, показывают, что взятые по отдельности институциональные факторы могли играть значимую роль в экономическом развитии позднего СССР (уровни демократии и военных

расходов). Частично подтверждается гипотеза об ухудшении институциональной среды в СССР: имел место рост уровня насильственной преступности, но не сильный в мировом контексте; более того, в частной модели он не вносил отрицательного вклада в рост экономики (хотя приводил к незначимости вклада человеческого капитала). В частной модели с индексом демократии он вносил позитивный вклад в рост экономики (на грани статистической значимости). Иными словами, негативный вклад институтов не был более сильным и значимым, чем в других странах группы с их ухудшением. Однако полученные на данном этапе результаты недостаточны для подтверждения общей гипотезы о значимости институциональных факторов в замедлении темпов роста советской экономики.

Эффекты технологических прокси-индикаторов оказались более значимыми и всегда вносили отрицательный вклад в экономический рост. Негативный вклад понижения технологического уровня индустриальной экономики СССР в экономический рост страны получил в нашем ис-

Таблица 4 / Table 4

**Показатели общих регрессионных моделей страновых производственных функций /
Indicators of the aggregate models of country-specific production functions**

Страна	R ²	A ₀	α ₁ FK	α ₂ EL	α ₃ IM	α ₄ EE	α ₅ K	α ₆ HL	α ₇ MR	α ₈ LDI	α ₉ ME
СССР	0,999	1 н/д	-0,408 (0,04)	-0,397 (0,04)	н/з	н/з	0,610 (0,05)	0,450 (0,07)	н/з	н/з	н/з
США	0,999	2,03E-07 (1,08)	н/д	-0,210 (0,06)	0,629 (0,05)	н/з	0,907 (0,09)	1,093 (0,14)	-0,062 (0,03)	н/з	-0,063 (0,02)
Германия	0,996	4,38E-08 (4,03)	н/д	н/з	0,206 (0,06)	н/д	0,501 (0,1)	1,814 (0,42)	-0,216 (0,06)	1,005 (0,4)	-0,091 (0,04)
Испания	0,993	0,0163 (1,435)	н/д	-1,092 (0,21)	н/д	н/д	1,602 (0,17)	-0,768 (0,32)	-0,057 (0,02)	-0,202 (0,05)	н/з
Бразилия	0,994	8,48E-11 (3,96)	н/д	н/д	1,634 (0,32)	н/д	0,279 (0,11)	2,182 (0,29)	н/д	-0,144 (0,03)	-0,164 (0,04)
Китай	0,981	0,0147 (1,696)	н/д	н/д	1,344 (0,21)	н/д	-0,425 (0,21)	2,928 (0,46)	н/д	н/з	н/д

Примечание 1 / Note 1: н/д – отсутствие данных / Data not available.

Примечание 2 / Note 2: н/з – переменная незначима / Variable is insignificant.

Примечание 3 / Note 3: в скобках указаны стандартные ошибки аналогично табл. 3 / Standard errors are indicated in parentheses, similar to Table 3.

Источник / Source: рассчитано авторами / Calculated by the authors.

следовании статистическую оценку. Это касается и такого широкого прокси-индикатора, как младенческая смертность, снижение которого вносило положительный вклад в рост экономики в основных референтных странах (по которым имеются данные достаточной полноты)¹⁰. Причем ни в одной референтной стране не было такой всеобщей картины ухудшения технологического уровня производства, когда отрицательный вклад в рост вносили все доступные прокси-индикаторы.

Следует отметить, что опосредованно наблюдаемое относительное снижение уровня используемых в СССР технологий во многом являлось следствием особенностей институциональной среды

¹⁰ Положительный знак коэффициента младенческой смертности интерпретируется в рамках мультипликативного влияния на зависимую переменную (ВВП), которое создается взаимодействием независимых переменных в модифицированной производственной функции. Так, например, по США в модели 1, которая включает только два фактора (физический капитал и квалифицированный труд), коэффициент при квалифицированном труде (человеческом капитале) оказался незначимым, а при включении младенческой смертности (в модели 3) он становится значимым и, более того, близок к единице (0,9647). Таким образом, синергетический эффект оказывается достигнутым.

централизованно планируемой экономики (хотя и не прямым): в основе политического выбора на высоких уровнях управления экономикой могли лежать искаженные и запаздывавшие информационные сигналы; принятые на высоких уровнях решения могли искажаться по мере движения соответствующих сигналов сверху вниз (в том числе вследствие институциональных конфликтов интересов принципала и агентов). Повышенная мобилизационная способность советской экономики могла иметь следствием ее пониженную инновационную способность (эконометрическая проверка этого положения, широко распространенного в нарративе научной литературы о советской экономике, выходит за рамки данного исследования).

Установлены следующие закономерности институциональной динамики в зависимости от группировки стран. В отличие от СССР, институциональные факторы (измеряемые данным набором прокси-индикаторов) играли значимую роль в большинстве референтных стран. Уровень насильственной преступности и бремя военных расходов ожидаемо оказались отрицательно связанными с экономическим ростом. В то же время

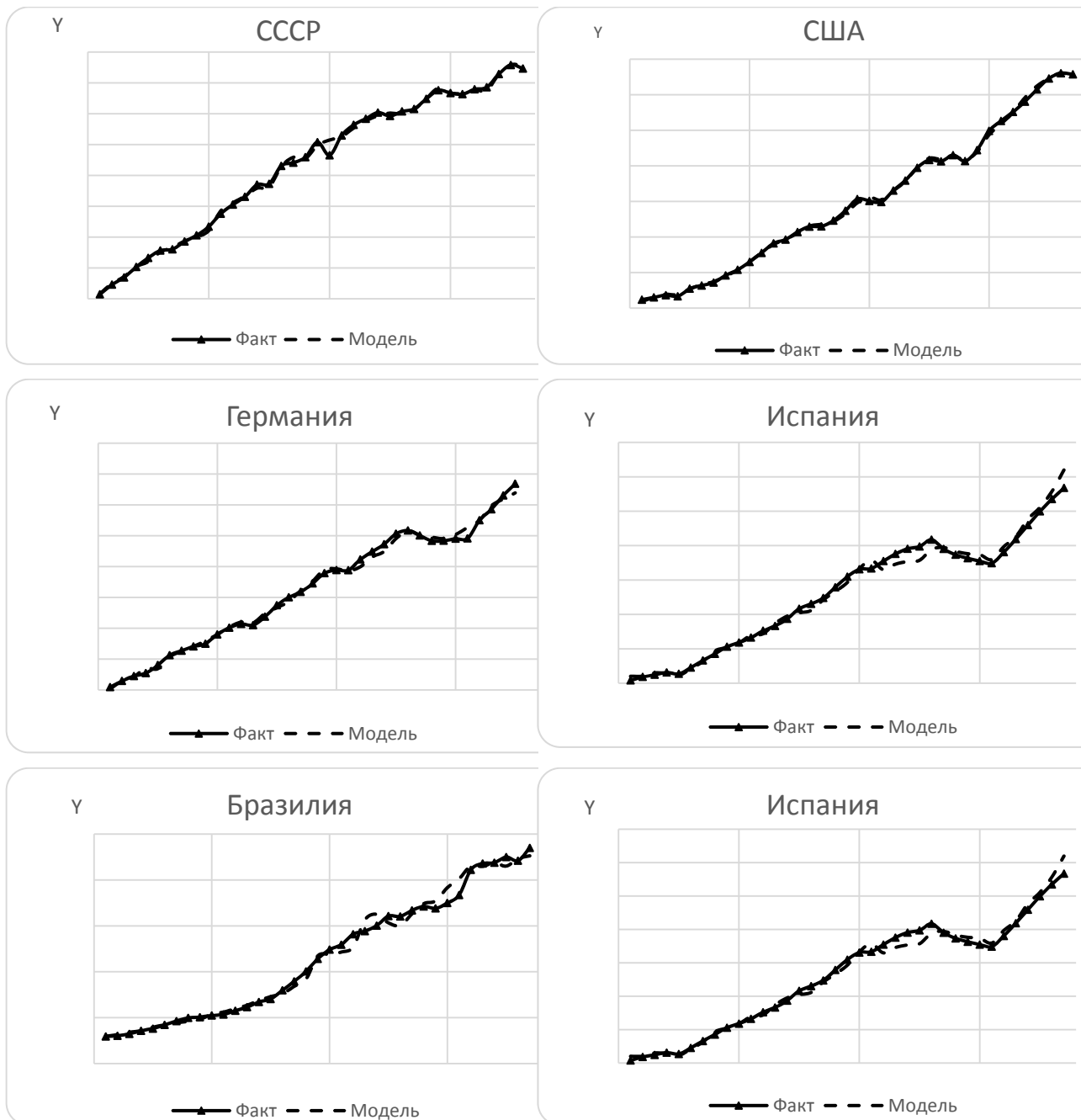

Рис. 2 / Fig. 2. Фактические и модельные значения в общих регрессиях по странам / Actual and modelled values in country-specific regressions

Примечание / Note: ВВП (Y) выражен в млн GK\$ по ППС 1990 г. / GDP (Y) is expressed in mln GK\$ at 1990 PPP.

Источник / Source: рассчитано авторами / Calculated by the authors.

эффекты другого измерения институциональной среды (политического режима) оказались смешанными. Если в ФРГ, стране с развитой рыночной экономикой, преодолевавшей последствия тоталитарного политического режима, наблюдался положительный и статистически значимый эффект повышения относительного уровня демократии,

то в Испании и Бразилии (более близких к СССР странам по уровню ВВП на душу населения) вклад демократизации в экономический рост оказывался скорее отрицательным.

Результаты эконометрического анализа не подтверждают идею об обреченности советской экономики в силу существенных недостатков ее

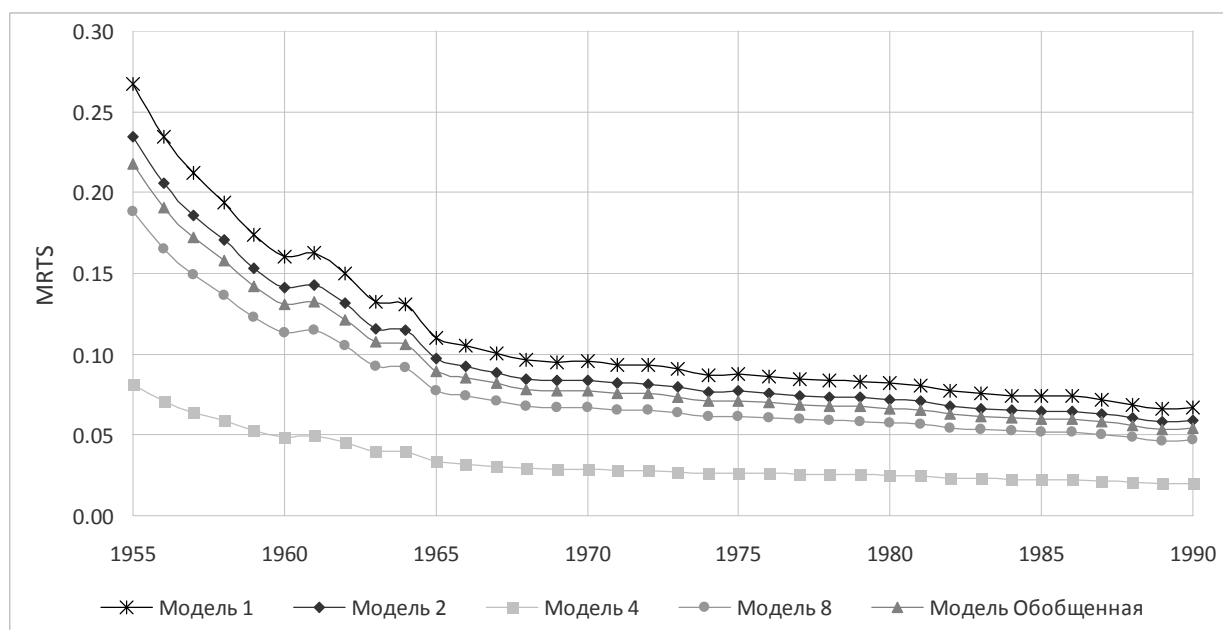

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика предельной нормы замещения (MRTS) физического капитала человеческим в частных моделях по СССР / Dynamics of the marginal rate of substitution (MRTS) of physical capital by human capital in partial models across the USSR

Примечание 1 / Note 1: MRTS – предельная норма замещения / Marginal Rate of Technical Substitution.

Примечание 2 / Note 2: см. примечание к рис. 1 / See note to Fig 1.

Источник / Source: рассчитано авторами / Calculated by the authors.

институтов. В межстрановом контексте она предстает как особый случай развития, имевший общие черты с референтными странами и особенности, характерные для отдельных из них (прежде всего — Китая, в ряде аспектов — Испании и Бразилии).

При том что в основе советского экономического роста лежало накопление физического капитала, вклад человеческого капитала также был положительным и статистически значимым. В большинстве референтных стран (кроме Испании, где его вклад был отрицательным) также наблюдается положительное и статистически значимое воздействие человеческого капитала на экономический рост. Но в СССР он был заметно ниже. Также в рыночных экономиках наблюдалось более сильное воздействие накопления физического капитала на экономический рост.

Для СССР установлена тенденция к снижению предельной нормы замещения физического капитала человеческим (рис. 3). Это интерпретируется как проявление снижения гибкости в управлении экономикой. Кроме того, включение прокси-индикаторов технологического уровня производства в страновые частные и обобщенные модели показало, что технологический режим в СССР был

связан со сравнительно слабыми изменениями сочетания основных факторов производства. Вероятно, это является следствием особенностей институциональной среды.

Не подтверждается также часто выдвигаемая в русле институционального подхода гипотеза «ресурсного проклятья»: показатель доли энергоносителей в экспорте СССР оказался с положительным коэффициентом, при этом статистически незначимым в двух группах моделей.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

В предшествовавшей нашему исследованию литературе предпринимались попытки квантифицировать институциональную среду и технологический уровень производства, ввести соответствующие прокси-индикаторы и проанализировать их динамику. Однако в известных нам работах они не включались в эконометрический анализ методом производственной функции.

Разработанная для проверки нашей гипотезы методика макроэкономического анализа посред-

ством производственных функций основана на творческой адаптации моделей, апробированных в мировой научной литературе последних лет, к изучению советской экономики с операционализацией посредством ряда прокси-индикаторов, по которым доступны исторические данные.

В рамках анализа модифицированных производственных функций нами представлены новые результаты расчетов эффектов от наращивания физического и человеческого капитала (квалифицированного труда) в советской экономике рассматриваемого периода.

Дальнейшая разработка исследуемой проблематики в рамках выполняемого проекта представляется перспективной в следующих направлениях:

- введение новых прокси-индикаторов, в большей степени характеризующих сферу го-

сударственного управления экономикой (связано с преодолением существующих ограничений в отношении исторических статистических данных);

- переход от анализа значений рядов переменных к анализу рядов темпов их изменений в подушевом выражении (на единицу рабочей силы);

- учет страновых эффектов в регрессии по панельным данным (объединение межстрановых и внутривострановых).

Ограничения для расширения перечня прокси-индикаторов связаны главным образом с недостаточностью, а также неполнотой некоторых рядов по экономике СССР: детализированные отчеты ЦСУ раскритикованы лишь до начала 1970-х гг., а данные в научной литературе часто носят отрывочный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 190 с.
North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fund of book on economics "Sources"; 1997. 190 p. (In Russ.).
2. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд-во Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ); 2010. 256 с.
North D. Understanding the process of economic change. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics (SU-HSE); 2010. 256 p. (In Russ.).
3. Popov V. Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West. New York: Oxford University Press; 2014. 191 p.
4. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ; 2015. 693 с.
Acemoglu D., Robinson J.A. Why are some countries rich and others poor. The origin of power, prosperity and poverty. Moscow: AST; 2015. 693 p. (In Russ.).
5. Mankiw N. G., Romer D., Weil D. N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*. 1992;107(2):407–437.
6. Popov V. Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s / Ed. by Estrin S., Kolodko G. W., Uvalic M. Transition and Beyond. Studies in Economic Transition. London: Palgrave Macmillan; 2007.
7. Solow R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function. *Review of Economics and Statistics*. 1957;39(3):312–320.
8. Van Leeuwen B., Didenko D., Földvári P. Inspiration versus perspiration in the economic development of the Former Soviet Union and China (ca. 1920–2010). *Economics of Transition*. 2015;23(1):228–230.
9. Анчишкин А.И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста / Сост. А.В. Суворов. М.: МАКС Пресс; 2003. 300 с.
Anchishkin A.I. Forecasting the pace and factors of economic growth. A. V. Suvorov, ed. Moscow: MAX Press; 2003. 300 p. (In Russ.).
10. Ярёмченко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. Кн. 1. М.: Наука; 2000. 400 с.
Yaremenko Yu. V. Theory and methodology of the study of multilevel economics. Prince 1. Moscow: Science Publishing House; 2000. 400 p. (In Russ.).

11. Weitzman M.L. Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution. *American Economic Review*. 1970;60(5):676–692.
12. Desai P. The Soviet Economy: Problems and Prospects. Oxford: Basil Blackwell; 1987. 273 p.
13. Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928–1985. *Journal of Economic Literature*. 1987;25(4):1767–1833.
14. Easterly W., Fischer S. The Soviet economic decline: Historical and Republican data. *World Bank Economic Review*. 1995;9(3):341–371.
15. Hamilton K., Ruta G., Bolt K., Markandya A., Pedroso-Galinato S., Silva P., Ordoubadi M. S., Lange G.-M., Tajibaeva L. Where is the wealth of nations? Measuring capital for the 21st century. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/287171468323724180/Where-is-the-wealth-of-nations-measuring-capital-for-the-21st-century>.
16. Lange G.-M., Hamilton K., Ruta G., Chakraborti L., Desai D., Edens B., Ferreira S., Fraumeni B., Jarvis M., Kingsmill W., Li H. The Changing Wealth of Nations. Measuring Sustainable Development in the New Millennium. Environment and Development. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2252>.
17. The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future / Ed. by G.-M. Lange, Q. Wodon, K. Carey. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29001>.
18. Воскобойников И.Б., Дрябина Е.В. Историческая статистика основных фондов российской промышленности в 1970–2004 годах. *Вопросы статистики*. 2010;(3):28–45.
Voskoboinikov I. B., Dryabina E. V. Historical statistics of fixed assets of Russian industry in 1970–2004. *Issues of Statistics = Voprosy statistiki*. 2010;(3):28–45. (In Russ.).
19. Becker A. S. Soviet national income, 1958–1964: National accounts of the USSR in the seven-year plan period. Berkeley: Univ. of California Press; 1969. 608 p.
20. Bergson A. Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; 1961. 472 p.
21. Moorsteen R., Powell R. The Soviet Capital Stock, 1928–1962. Homewood (Illinois): Richard D. Irwin, Inc.; 1966. 671 p.
22. Steinberg D. The Soviet Economy 1970–1990: A statistical analysis. San Francisco: Intern. Trade Press; 1990. 338 p.
23. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза 1922–1991. М.: Наука; 1993. 143 с.
Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkov T. L. The population of the Soviet Union in 1922–1991. Moscow: Science Publishing House; 1993. 143 p. (In Russ.).
24. Didenko D., Földvári P., Van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset. *Journal of Eurasian Studies*. 2013;4(2):123–135.
25. Karabchuk T., Kumo K., Selezneva E. Demography of Russia: From the Past to the Present. London: Palgrave Macmillan; 2017. 334 p.
26. Смирнов С.В. Динамика промышленного производства в СССР и России: Часть I. Опыт реконструкции, 1861–2012. *Вопросы экономики*. 2013;(6):59–83.
Smirnov S. V. The dynamics of industrial production in the USSR and Russia: Part I. Experience of reconstruction, 1861–2012. *Issues of Economics = Voprosy ekonomiki*. 2013;(6). (In Russ.).
27. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер; 2005. 912 с.
Luneev V. V. Criminality of the XX century: Global, regional and Russian trends. 2nd ed. Moscow: Wolters Kluwer; 2005. 912 p. (In Russ.).
28. Brada J. C., Graves R. L. Slowdown in Soviet Defense Expenditures. *Southern Economic Journal*. 1988;(54):969–984.
29. Maddison Project Database, version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden, “Rebasing ‘Maddison’: New income comparisons and the shape of long-run economic development”, Maddison Project Working Paper 10. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018>.
30. Feenstra R. C., Inklaar R., Timmer M. P. The Next Generation of the Penn World Table. *American Economic Review*. 2015;105(10):3150–3182.

31. Comin D., Hohlj B. Cross-Country Technological Adoption: Making the Theories Face the Facts. *Journal of Monetary Economics*. 2004;51(1):39–83.
32. Foldvari P. A latent democracy measure 1850–2000. CGEH Working Paper Series. Working paper. No. 59. June 2014.
33. Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука; 1991. 270 с.
Khanin G. I. The dynamics of economic development of the USSR. Novosibirsk: Science Publishing House; 1991. 270 p. (In Russ.).
34. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск: Изд-во НГТУ; 2008. 516 с.
Khanin G. I. Economic History of Russia in the XX century. Vol. 1. Soviet economy from the end 1930s to 1987. Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk State Technical University; 2008. 516 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Валерьевич Диденко — доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
didenko-dv@ranepa.ru

Наталья Владимировна Гринева — кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
NGrineva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Dmitry V. Didenko — Dr Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
didenko-dv@ranepa.ru

Natalia V. Grineva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
NGrineva@fa.ru

*Статья поступила 08.09.2020; после рецензирования 15.10.2020; принята к публикации 10.11.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 08.09.2020; revised on 15.10.2020 and accepted for publication on 10.11.2020.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-96-109
 УДК 364.1(045)
 JEL R23

Ранжирование регионов России по демографической ситуации с учетом уровня развития социальной инфраструктуры

Р.В. Фаттахов^а, М.М. Низамутдинов^б, В.В. Орешников^с

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^{б,с} Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5863-7982>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5643-1393>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-5779-4946>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы формирования демографической ситуации в России во взаимосвязи с влиянием на них параметров развития социальной инфраструктуры. На сегодняшний день большинство регионов страны характеризуется снижением численности населения. При этом именно уровень развития медицины, образования и иных составляющих социальной инфраструктуры определяют условия жизни населения и, как следствие, процессы естественного и миграционного движения населения. Целью исследования является определение количественных параметров данной взаимосвязи и формирование на основе полученных результатов рейтинга субъектов Российской Федерации. В рамках работы использованы методы ретроспективного анализа, группировки, кластерного анализа, корреляционно-регрессионного анализа и иные методы. Сформирован перечень показателей, характеризующих уровень развития социальной инфраструктуры территории, и выделены группы показателей. Предложен подход к формированию интегральных показателей уровня развития социальной инфраструктуры для отдельных составляющих движения населения. Проведена группировка регионов Российской Федерации по совокупности параметров демографической ситуации и социально-экономических факторов. В результате апробации подхода сформированы частные и интегральный рейтинги регионов России по соотношению параметров демографической ситуации и уровню развитости социальной инфраструктуры. Полученные результаты могут быть использованы в рамках разработки государственной демографической политики.

Ключевые слова: регион; развитие; социальная инфраструктура; рождаемость; демография; группировка регионов; смертность; миграция; факторы; интегральные показатели.

Для цитирования: Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Ранжирование регионов России по демографической ситуации с учетом уровня развития социальной инфраструктуры. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):96-109. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-96-109

Ranking of Regions of Russia by the Demographic Situation Considering the Level of Development of Social Infrastructure

R.V. Fattakhov^а, M.M. Nizamutdinov^б, V.V. Oreshnikov^с

^а Financial University, Moscow, Russia;

^{б,с} Institute for Social and Economic Research,

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-5863-7982>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5643-1393>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-5779-4946>

ABSTRACT

The article discusses the formation of the demographic situation in Russia, considering the influence on them of the parameters of the development of social infrastructure. Today, most regions of the country are characterized by a decrease in population. Moreover, it is the level of development of medicine, education and other components of social infrastructure that determine the living conditions of the population and, as a result, the processes of natural and

migration movement of the population. The study aims to determine the quantitative parameters of this relationship and the formation based on the results of the received rating of the administrative entities of the Russian Federation. In the framework of the work, we used methods of retrospective analysis, grouping, cluster analysis, correlation and regression analysis, and other methods. Further, we formed a list of indicators characterizing the level of development of the social infrastructure of the territory and highlighted groups of indicators. We proposed An approach to the formation of integral indicators of the level of development of social infrastructure for individual components of the population movement. The regions of the Russian Federation were grouped by the totality of the parameters of the demographic situation and socio-economic factors. As a result of testing the approach, we formed private and integral ratings of the regions of Russia according to the ratio of the parameters of the demographic situation and the level of development of social infrastructure. The results can be used in the development of the state demographic policy.

Keywords: region; development; social infrastructure; fertility; demography; grouping of regions; mortality; migration; factors; integral indicators

For citation: Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Ranking of regions of Russia by the demographic situation considering the level of development of social infrastructure. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):96-109. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-96-109

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы анализа взаимовлияния демографических процессов и развития социальной инфраструктуры в регионах России носят многоаспектный характер. Важность учета данных процессов при решении задач регионального развития, градостроительства, размещения производств и урегулировании смежных вопросов подчеркивается не только экономистами и демографами, но и специалистами в других сферах [1]. Изменение численности населения, его структуры, с одной стороны, так или иначе связано со множеством разнородных социально-экономических факторов, а с другой — является индикатором развития территории. Одним из наиболее значимых факторов при этом выступает именно уровень развитости социальной инфраструктуры [2, 3]. В отличие от экономических факторов, оказывающих скорее косвенное влияние на развитие демографических процессов, социальная инфраструктура напрямую влияет на поведение населения [4, 5] (при смене места жительства, принятии решений о рождении детей), а также на продолжительность жизни, и, как следствие, на уровень смертности населения. Таким образом, стабильное развитие социальной инфраструктуры является залогом обеспечения естественного и механического прироста населения.

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНАХ РФ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Анализ демографической ситуации в регионах России представляется целесообразным начать

с определения критериев и типологических групп, по которым можно было бы разделить регионы. Данный подход, в частности, позволит учесть отношение населения к политике планирования семьи и формированию со стороны государства общественного мнения, норм и стандартов демографического поведения.

Анализ демографической ситуации в регионах России показывает, что в большинстве из них (53 региона) в период с 2010 по 2017 г. произошло снижение численности населения. Рост отмечается лишь в 32 регионах (включая Республику Крым и г. Севастополь, наблюдения по которым начинаются с 2014 г.). Если же рассматривать более краткосрочные изменения, то ситуация оказывается еще сложнее. Так, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. численность населения сократилась в 56 регионах, возросла — в 24, еще в 5 субъектах РФ осталась на том же уровне.

По сравнению с 2010 г. практически во всех субъектах Российской Федерации произошло снижение уровня рождаемости (рис. 1). Исключение составляют лишь три региона — Сахалинская, Московская области и г. Санкт-Петербург. Однако и в них уровень рождаемости снижается по сравнению со значениями 2–3-летней давности.

В некоторой степени, ситуация компенсируется снижением уровня смертности (рис. 2). Так, нет ни одного региона, в котором бы уровень смертности в 2017 г. превзошел аналогичный показатель за 2010 г. Однако, как было показано ранее, более существенное снижение уровня рождаемости привело к тому, что доля регионов с естественной убылью населения возросла.

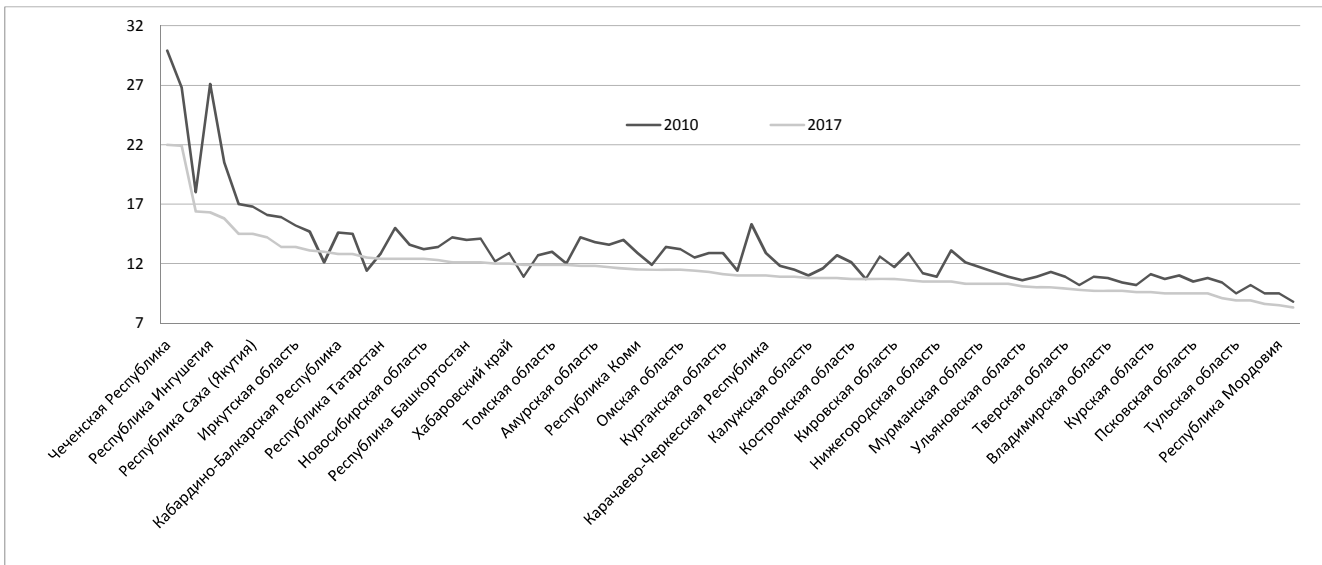

Рис. 1 / Fig. 1. Общие коэффициенты рождаемости (на 1000 человек населения) / General fertility rates (per 1000 population)

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

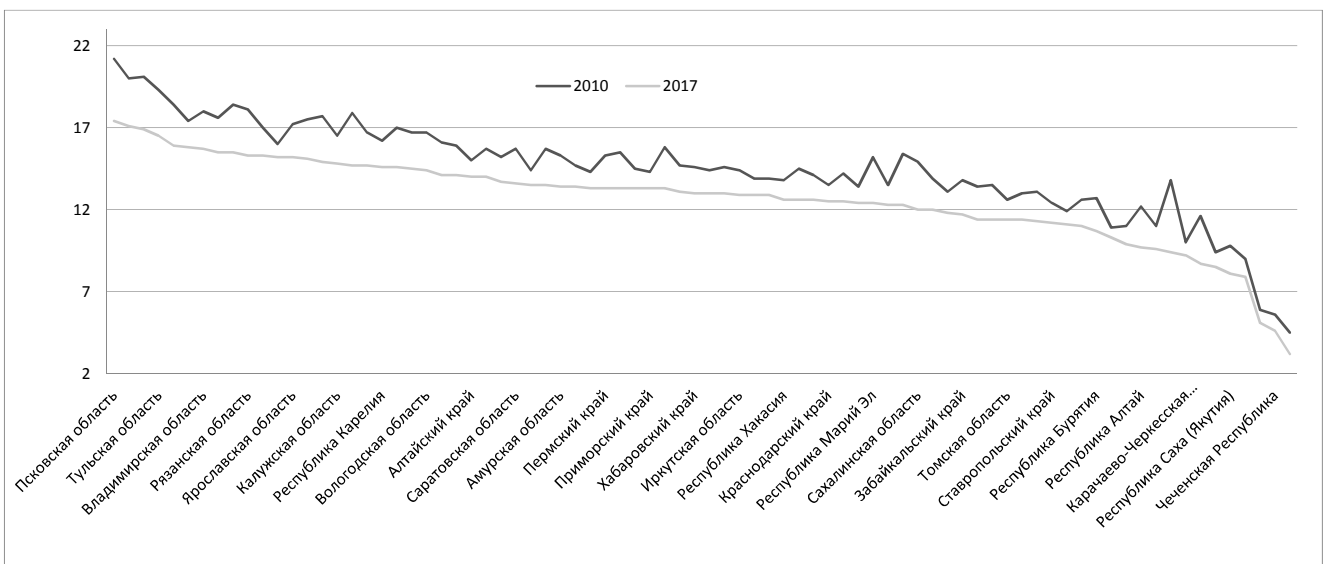

Рис. 2 / Fig. 2. Общие коэффициенты смертности (на 1000 человек населения) / General mortality rates (per 1000 population)

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

Для большинства регионов России характерна убыль населения, вызванная как естественными, так и миграционными причинами. Кроме того, обращает на себя внимание высокая концентрация регионов с миграционным и/или естественным приростом населения вблизи «пограничного состояния» (точки на рис. 3 с координатами 0;0), что говорит о рисках в демографической сфере для данных регионов. Несомненно, города федерального значения, а также «столичные области» являются привлекательными для мигрантов, что видно на

правой части графика. В противовес этому Дальневосточные регионы (а если охватывать более широко, то и в целом восточная часть страны) характеризуются миграционной убылью. Естественный прирост населения наблюдается в большей степени в Северо-Кавказских регионах, в то время как регионы Центральной России характеризуются существенным превышением смертности над рождаемостью. В целом же динамика такова, что в основном наблюдается ухудшение и без того сложной демографической ситуации в стране.

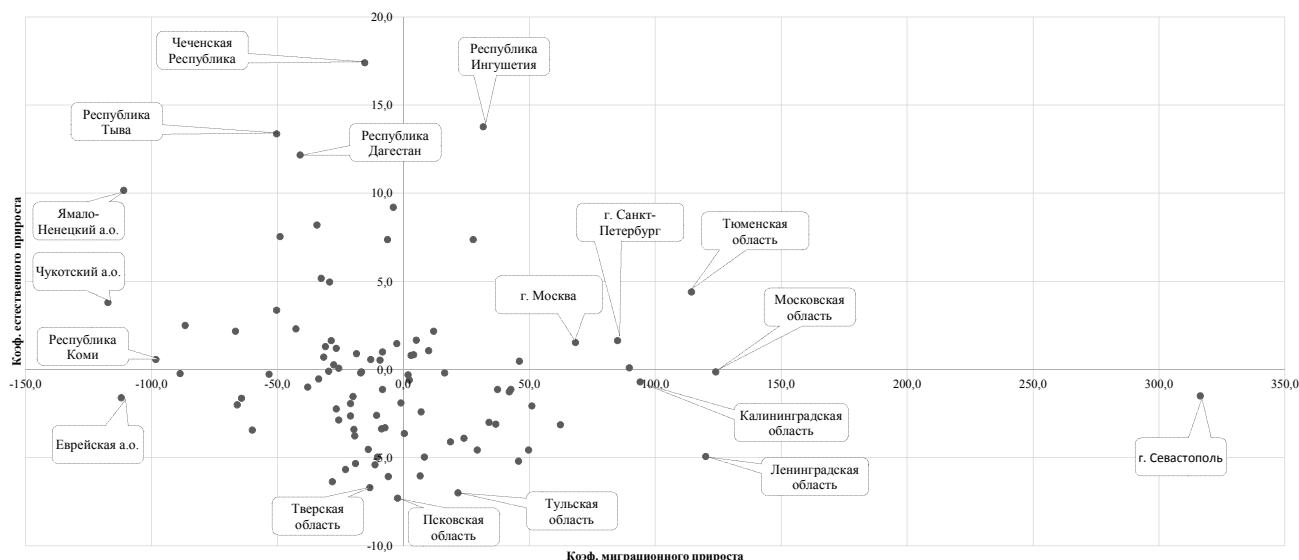

Рис. 3 / Fig. 3. Группировка регионов РФ по уровню естественного и миграционного прироста населения / Grouping of regions of the Russian Federation by the level of natural and migratory population growth

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

Исходя из полученных результатов, актуальным является вопрос выявления групп регионов, отличающихся схожей ситуацией в области формирования показателей демографического развития по различным параметрам. В связи с этим целесообразным представляется проведение кластерного анализа, т.е. многомерной статистической процедуры, включающей сбор данных, содержащих информацию о выборке объектов, и упорядочивание объектов в сравнительно однородные группы [6]. Перед тем как приступить к группировке регионов, выясним, формируют ли они так называемые «естественные» кластеры, которые могут быть экспертно осмыслены. Необходимые расчеты произведены с применением программного продукта Statistica 6.0.

На первом этапе кластерного анализа были рассмотрены исключительно демографические процессы. В качестве показателей, характеризующих их, выбраны общие коэффициенты рождаемости, смертности и миграционного прироста. Построенная дендрограмма [правило объединения — метод полной связи (Complete Linkage); мера близости — евклидово расстояние (Euclidean distance)] представлена на рис. 4.

Мера близости, определяемая евклидовым расстоянием $[d(x, y)]$, является геометрическим расстоянием между парами точек x и y в n -мерном пространстве и вычисляется следующим образом:

$$d(x, y) = \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - y_i)^2}. \quad (1)$$

Регионы, характеристики которых оказались ближе друг к другу, объединяются в кластеры. Каждый узел дендрограммы, приведенной выше, представляет объединение двух или более кластеров, положение узлов на вертикальной оси определяет расстояние, на котором были объединены соответствующие кластеры.

Анализ, проведенный с применением метода k -средних (для пяти кластеров), позволил сформировать следующие кластеры.

Первый кластер представлен 11 регионами, отличающимися хорошими показателями естественного прироста населения (высокий уровень рождаемости в сочетании с относительно низким уровнем смертности) и отрицательным миграционным приростом населения (в среднем 1,8 уехавших за пределы региона на 1000 человек населения). В данную группу вошла значительная часть регионов Северо-Кавказского федерального округа, а также регионов Сибири. Достаточно сильно из общего ряда выбивается Республика Ингушетия, в которой имеет место миграционный прирост (3,2 на 1000 чел.), однако в данном регионе отмечен минимальный уровень смертности (3,3 на 1000 чел. при среднем по России значении, превышающем 12 единиц). В связи с этим в совокупности данный

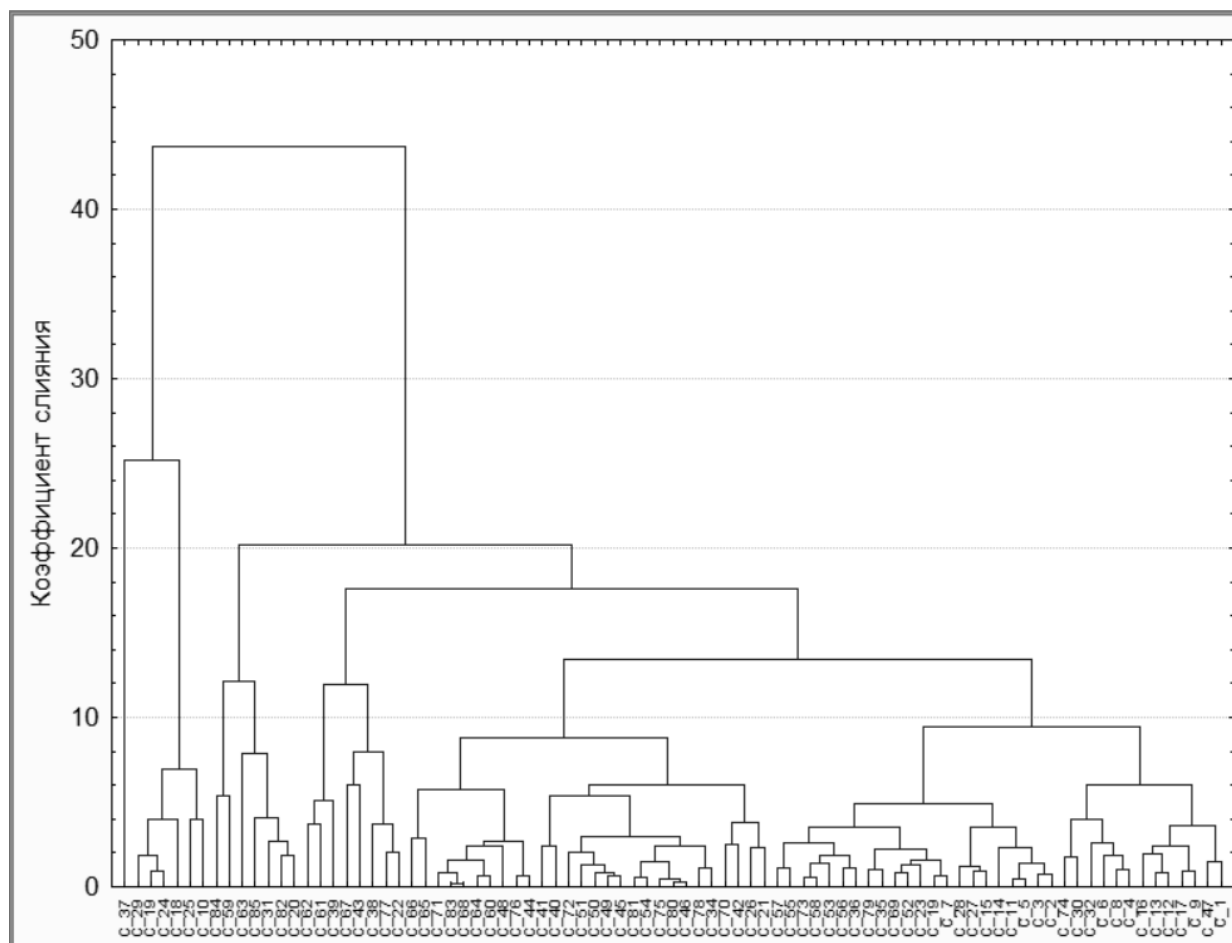

Рис. 4 / Fig. 4. Вертикальная дендрограмма по регионам РФ / Vertical dendrogram by region of the Russian Federation

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

регион был отнесен к первому кластеру (метод полной связи).

Второй кластер (12 регионов) характеризуется средними уровнями рождаемости и смертности в сочетании с высоким уровнем миграционного оттока (в среднем $-7,9$ на 1000 чел. населения). Данный кластер в основном сформирован Дальневосточными и Северо-Кавказскими регионами.

Регионы третьего кластера по сравнению с предыдущей группой отличаются несколько меньшими значениями уровня рождаемости и более высоким уровнем смертности. При этом миграционная ситуация, хоть и не характеризуется притоком населения, однако существенно лучше, чем в регионах второго кластера. Это наиболее многочисленный кластер, включающий 47 регионов.

Четвертый кластер можно охарактеризовать как миграционно-привлекательный. В него вхо-

дят регионы европейской части страны, включая Москву, Санкт-Петербург и оба столичных региона, а также Республику Крым. В совокупности кластер представлен 14 регионами. Однако уровень смертности в большинстве данных регионов превышает уровень рождаемости, в связи с чем имеет место естественная убыль.

Пятый кластер представлен одним-единственным регионом — г. Севастополем. Его отличительной особенностью является крайне высокий уровень миграционного прироста населения. При этом, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание особый статус данного региона и политические причины.

Анализ вариации показывает значимость выделенных факторов (табл. 1).

При этом в соответствии с демографическим прогнозом до 2035 г., опубликованным на сайте Федеральной службы государственной статистики

Таблица 1 / Table 1

Анализ вариации / Variation analysis

Переменные	Дисперсия между кластерами	Число степеней свободы для межклассовой дисперсии	Дисперсия внутри кластеров	Число степеней свободы для внутрикласовой дисперсии	F-критерий Фишера	p – вероятность ошибки
Рождаемость	279,8	4	199,1	80	28,1	0,00
Смертность	417,2	4	299,2	80	27,9	0,00
Миграция	2440,6	4	394,5	80	123,7	0,00

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

России¹, два из трех вариантов развития («низкий» и «средний») подразумевают снижение численности населения страны до 138,1 и 144,0 млн чел. соответственно. Лишь «высокий» вариант прогноза ориентирован на рост численности населения до 153,2 млн чел. При этом данный рост обеспечивается благодаря миграционной составляющей, в то время как естественная убыль в период с 2019 по 2035 г. в совокупности прогнозируется на уровне 186,5 тыс. чел. Несомненно, следует признать, что имеют место объективные факторы. Ключевым из них является изменение возрастной структуры населения. С одной стороны, наблюдается снижение числа и доли женщин, находящихся в наиболее активном для воспроизводства населения возрасте (с нашей точки зрения, рассматривать в данном случае фертильный возраст представляется не в полной мере корректным в связи с неоднородностью числа родов, приходящихся на 1000 женщин различных возрастных групп). С другой стороны, изменение репродуктивного поведения населения (в том числе женщин), направленное на рождение детей в более старшем возрасте, и ориентация на получение образования и карьерный рост [7] снижают суммарный коэффициент рождаемости (в соответствии с «низким» вариантом прогноза на 5% к 2035 г.).

При этом, кроме ценностных ориентиров населения, на показатели демографического развития оказывают влияние параметры среды проживания людей. Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на демографические процессы в ре-

гионах Российской Федерации, является *уровень развития социальной инфраструктуры*. В рамках проведенного исследования были рассмотрены следующие сферы общественной жизнедеятельности, характеризующие ее развитие: здравоохранение, образование, культурно-досуговая сфера, жилищно-коммунальная сфера, а также розничная торговля и предоставление услуг населению [8]. Каждое из данных направлений характеризуется комплексом разнородных показателей (рис. 5). Суммарное количество значений показателей в сформированной базе данных превышает 50 тыс. единиц. Представленные параметры взаимосвязаны друг с другом, что обосновывает необходимость дальнейшего их исследования и отбора наиболее значимых с точки зрения решения поставленной задачи. Можно отметить, что многие из них имеют непосредственное отношение к социальной сфере развития региона и характеризуют социальную инфраструктуру. В связи с этим на следующих этапах анализа представляется целесообразным сконцентрировать внимание на 15–25 наиболее существенных факторах. Выделение ключевых переменных, описывающих социальную инфраструктуру, а также их влияние на итоговые демографические показатели, позволит сделать конкретные выводы.

При этом обращает на себя внимание различие в размерности показателей, что затрудняет их использование в рамках единого вычислительного процесса. В связи с этим для обеспечения сопоставимости данных предварительно осуществлено нормирование и оценка взаимосвязи частных показателей для исключения их «дублирования» с применением методов корреляционного анализа. На следующем этапе сформированы интеграль-

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

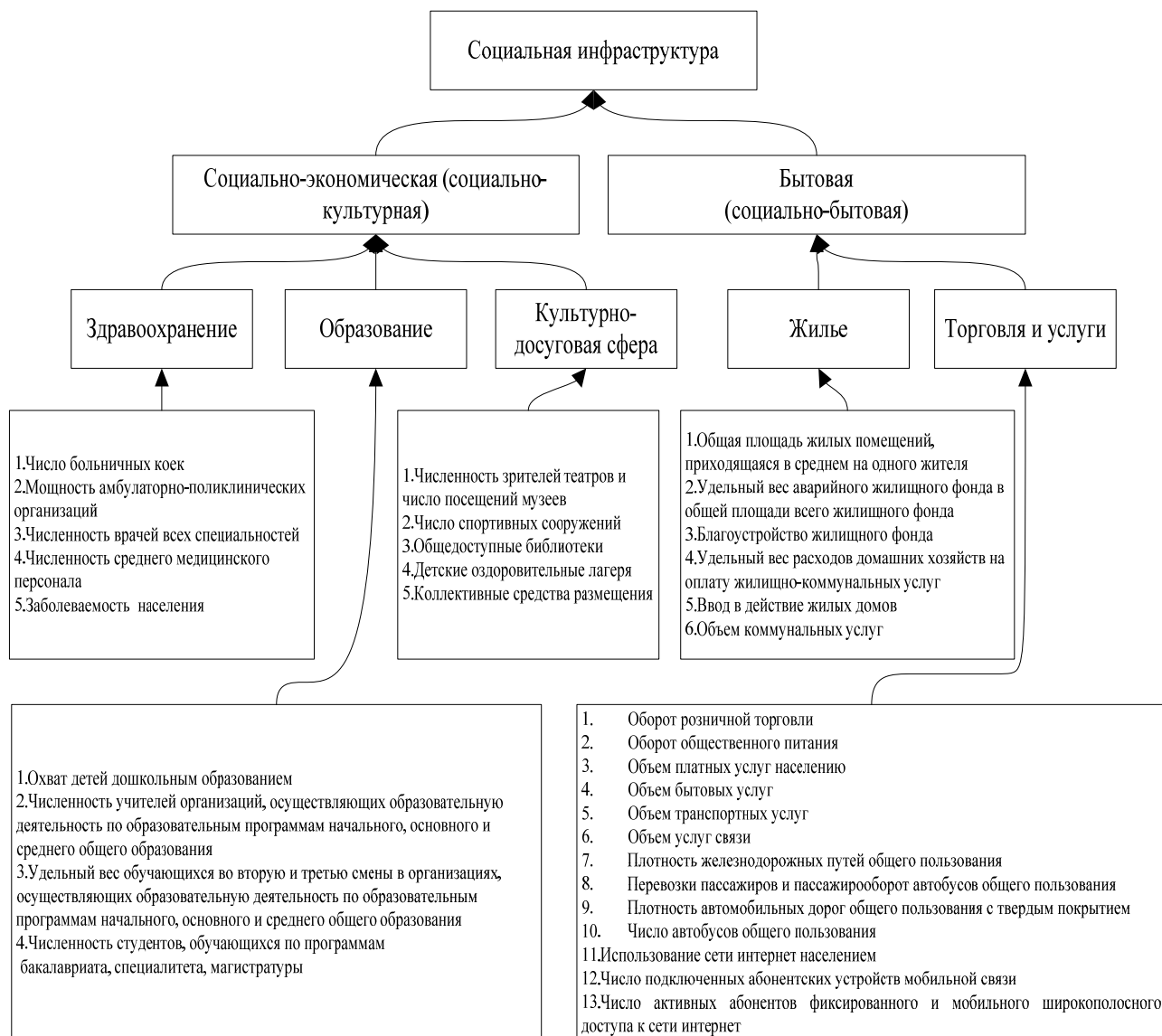

Рис. 5 / Fig. 5. Состав показателей уровня развития социальной инфраструктуры / Composition of indicators of the level of development of social infrastructure

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

ные показатели по каждому из вышеуказанных направлений, представляющие собой среднегеометрические величины нормированных показателей развития социальной инфраструктуры регионов России.

Анализ показывает, что, оценивая уровень развития социальной инфраструктуры, следует определиться, для решения какой именно задачи производится данная оценка. Так, высокий уровень развития высшего образования в регионе способен привлечь на его территорию студентов из других регионов, сформировав тем самым миграционный прирост населения [9, 10]. Однако данный параметр

развития социальной инфраструктуры вряд ли может рассматриваться в качестве первостепенного при решении задач по снижению смертности или повышению рождаемости. Более того, зачастую наблюдается корреляция между повышением доступности высшего образования и снижением уровня рождаемости [11]. В связи с этим оценка общего уровня развития социальной инфраструктуры, на наш взгляд, должна осуществляться по трем направлениям — с точки зрения влияния на рождаемость, смертность и миграцию, т.е. фактически путем расчета трех интегральных показателей развития социальной инфраструктуры в регионе.

В частности, для оценки социальной инфраструктуры с точки зрения ее влияния на уровень рождаемости (в качестве количественного измерителя рассматривается суммарный коэффициент рождаемости) было получено следующее уравнение:

$$Y_{\text{СИ_рожд.}}^n = 0,89 * Y_{\text{зд.}}^n + 0,00 * Y_{\text{обр.}}^n + 0,38 * Y_{\text{кул.-дос.}}^n + 0,10 * Y_{\text{жил.}}^n + 1,00 * Y_{\text{торг/усл.}}^n \quad (2)$$

где $Y_{\text{СИ_рожд.}}^n$ — значение интегральных показателей уровня развития социальной инфраструктуры с точки зрения влияния на рождаемость;

$Y_{\text{зд.}}^n$ — значение интегрального показателя уровня обеспеченности услугами здравоохранения в регионе;

$Y_{\text{обр.}}^n$ — значение интегрального показателя уровня обеспеченности услугами сферы образования в регионе;

$Y_{\text{кул.-дос.}}^n$ — значение интегрального показателя уровня обеспеченности услугами культурно-досуговой сферы в регионе;

$Y_{\text{жил.}}^n$ — значение интегрального показателя уровня обеспеченности жилищной и коммунальной инфраструктурой в регионе;

$Y_{\text{торг/усл.}}^n$ — значение интегрального показателя уровня обеспеченности инфраструктурой в сфере торговли и оказания услуг в регионе.

При этом значение весовых коэффициентов при каждом из элементов уравнения определяется исходя из степени их корреляции с улучшением ситуации в области рождаемости с учетом нормирования.

Аналогичным образом определены уровни развития социальной инфраструктуры с позиции решения вопросов снижения смертности и повышения миграционной привлекательности регионов.

ГРУППИРОВКА РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО СОВОКУПНОСТИ ПАРАМЕТРОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Предложенный подход к определению уровня развития социальной инфраструктуры позволяет провести ее оценку с позиции влияния на демографические процессы. Однако в России наблюдается высокий уровень дифференциации регионов не только по данным параметрам, но

и по множеству иных критериев, включая обусловленные культурно-историческими особенностями развития проживающих в них народов, климатическими особенностями территорий и т. д. В связи с этим при одинаковом уровне развития социальной инфраструктуры регионы могут находиться в совершенно не похожих демографических условиях. Данные факты также необходимо принимать во внимание.

Проведенный анализ показал, что в России на сегодняшний день достаточно четко сложились различные группы регионов в зависимости от демографической ситуации. Однако остается открытым вопрос о том, насколько данные процессы соотносятся с развитием социальной инфраструктуры. Для ответа на него представляется необходимым сгруппировать регионы по соответствующим параметрам.

Группировка регионов была осуществлена в соответствии со следующим алгоритмом:

1. Определены максимальные и минимальные значения рассматриваемых параметров [трех параметров демографического развития (рождаемости, смертности и миграции) и трех соответствующих им интегральных показателей уровня развития социальной инфраструктуры].

2. Определены границы интервалов, соответствующие категориям «низкое», «среднее» и «высокое» значение.

3. Разработан комплекс правил отнесения региона к той или иной группе, исходя из сочетания категорий по каждому из двух параметров, первый из которых представляет собой показатель демографического развития региона, а второй — интегральный уровень развития социальной инфраструктуры для данного направления.

Одним из ключевых показателей демографического развития Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ № 204 и национальным проектом «Демография» является суммарный коэффициент рождаемости. В качестве одного из преимуществ по сравнению с общим коэффициентом рождаемости следует отметить меньшую степень влияния половозрастной структуры населения. В связи с этим суммарный коэффициент рождаемости более точно отражает происходящие процессы. Проведенный анализ показал, что для различных регионов соотношение между величиной суммарного коэффициента рождаемости и рассчитанным ранее интегральным показателем

Таблица 2 / Table 2

**Границы интервалов для параметров группы «Рождаемость» /
Interval boundaries for the parameters of the group “Birth rate”**

Интервалы значений	Суммарный коэффициент рождаемости		СИ _{рожд}	
	нижняя граница	верхняя граница	нижняя граница	верхняя граница
Низкое	1,273	1,782	0,322	0,619
Среднее	1,783	2,291	0,620	0,916
Высокое	2,292	3,308	0,917	1,509

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

**Правила группировки регионов (определение номера группы) /
Rules for grouping the regions (definition of a group number)**

Параметр демографического развития региона	Уровень развития социальной инфраструктуры		
	низкое	среднее	высокое
Низкое	3	2	1
Среднее	4	3	2
Высокое	5	4	3

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

уровня развития социальной инфраструктуры для рождаемости (СИ_{рожд}) неодинаково. Можно говорить о том, что имеются группы регионов, в которых при низком уровне СИ_{рожд} наблюдаются высокие значения суммарного коэффициента рождаемости, и наоборот. Границы интервалов представлены в табл. 2.

Исходя из приведенных границ интервалов, каждому региону присвоена соответствующая характеристика. Дальнейшая группировка регионов по двум данным критериям приведена в табл. 3. Логика ее формирования заключается в том, что в правой верхней зоне находятся регионы, у которых при высоком значении СИ_{рожд} наблюдается низкое значение суммарного коэффициента рождаемости, а в левой нижней — наоборот. Фактически можно говорить о степени реализации потенциала социальной инфраструктуры. Чем она выше, тем большее значение присваивается данному региону.

Поскольку таблицы определения принадлежности региона к той или иной группе идентичны для рождаемости, смертности и миграции, приведем их обобщенный вид.

По результатам вычислений была сделана следующая группировка регионов (табл. 4).

Анализ получившихся групп регионов свидетельствует о возможности их логической интерпретации. Так, например, все три города федерального значения вошли в первую группу, а четвертая и пятая группа в основном представлены Северо-Кавказскими и южными регионами Сибирского федерального округа, отличающимися весьма низкими параметрами социально-экономического развития в сочетании с высоким уровнем рождаемости. На наш взгляд, отнесение регионов к тем или иным группам фактически обуславливается влиянием региональных стандартов демографического поведения на рождаемость. В связи с этим представляется целесообразным учитывать факт принадлежности к той или иной группе регионов при формировании комплекса моделей изменения демографической ситуации в субъектах Российской Федерации.

Аналогичным образом осуществлена группировка регионов по соотношению уровня развития социальной инфраструктуры с уровнями смертности и миграции в регионах России. Получен-

Таблица 4 / Table 4

Группировка регионов по влиянию социальной инфраструктуры на параметр «Рождаемость» (фрагмент) /
Grouping of regions according to the influence of social infrastructure on the parameter "Birth rate" (fragment)

Субъект РФ	Суммарный коэффициент рождаемости	СИрожд	Группа по суммарному коэффициенту рождаемости	Группа по СИрожд	Итоговая группа
Москва	1,417	1,509	1	3	1
Воронежская область	1,455	1,244	1	3	1
Санкт-Петербург	1,575	1,457	1	3	1
Магаданская область	1,621	1,174	1	3	1
Липецкая область	1,642	1,130	1	3	1
Хабаровский край	1,758	1,240	1	3	1
Тамбовская область	1,463	1,060	1	3	1
Белгородская область	1,499	1,058	1	3	1
Волгоградская область	1,536	0,947	1	3	1
Курская область	1,606	1,056	1	3	1
...
Иркутская область	1,953	0,767	2	2	3
Забайкальский край	1,970	0,840	2	2	3
Республика Саха (Якутия)	2,069	0,869	2	2	3
Чукотский автономный округ	2,096	0,801	2	2	3
Республика Ингушетия	1,832	0,447	2	1	4
Республика Алтай	2,557	0,738	3	2	4
Республика Дагестан	1,969	0,503	2	1	4
Курганская область	2,012	0,556	2	1	4
Республика Тыва	3,308	0,724	3	2	4
Чеченская Республика	2,717	0,322	3	1	5

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

Рейтинг регионов России по соотношению параметров демографической ситуации и уровня развитости социальной инфраструктуры (фрагмент) / Rating of Russian regions by the ratio of the parameters of the demographic situation and the level of development of social infrastructure (fragment)

Регион	Соотношение нормированного значения показателя и уровня развития социальной инфраструктуры			Рейтинг региона по соотношению нормированного значения показателя и уровня развития социальной инфраструктуры			Интегральный рейтинг региона
	рождаемость	смертность	миграция	рождаемость	смертность	миграция	
Республика Бурятия	0,88	1,57	0,96	11	61	8	1
Республика Тыва	2,96	0,66	15,45	2	78	1	2
Сахалинская область	0,54	5,33	0,50	32	7	44	3
Севастополь	0,38	2,55	1,58	56	24	3	3
Краснодарский край	0,36	4,42	0,66	58	9	17	5
Республика Ингушетия	2,62	0,01	1,95	3	82	2	6
Пермский край	0,73	2,02	0,60	17	44	27	7
Новосибирская область	0,52	2,29	0,64	34	35	19	7
Республика Алтай	1,80	0,75	1,00	6	77	7	9
...
Магаданская область	0,24	3,29	0,14	73	15	79	79
Мурманская область	0,38	1,75	0,43	55	56	61	80
Республика Калмыкия	0,65	0,80	0,25	22	76	78	81
Пензенская область	0,22	2,29	0,39	74	34	69	82

Источник / Source: разработано и составлено авторами / designed and compiled by the authors.

ные результаты группировки регионов по всем трем элементам движения населения послужили основой для формирования соответствующего рейтинга регионов.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЙТИНГОВ

Формирование рейтинга регионов базируется на оценке степени соответствия значений демографических параметров уровню развитости социальной инфраструктуры по конкретным направлениям. Расчет интегрального рейтинга базируется на определении среднего значения рейтингов по соотношению нормированных значений демографических показателей (рождаемость,

смертность, миграция) и уровня развития социальной инфраструктуры по соответствующему направлению. Фрагмент полученного рейтинга регионов представлен в табл. 5.

Следует отметить, что данный рейтинг оценивает не собственно демографическую ситуацию или уровень развития социальной инфраструктуры региона, а рассматривает соотношение между данными параметрами. Именно по этой причине, например, Москва, обладающая достаточно развитой социальной инфраструктурой [12] (но существенно отстающей от Республики Тыва), по уровню рождаемости оказалась на относительно низкой позиции.

ВЫВОДЫ

В рамках исследования авторами был проведен анализ демографических процессов в регионах Российской Федерации, позволивший провести группировку регионов по соотношению естественного и миграционного прироста населения. Анализ показал, что для различных регионов соотношение между параметрами движения населения и соответствующими интегральными показателями уровня развития социальной инфраструктуры существенно различается, что позволило сделать вывод о различной степени реализации потенциала социальной инфраструктуры в субъектах Российской Федерации. В рамках решения данной задачи разработан подход к группировке регионов по указанному критерию, включающий определение правил проведения группировки и границ соответствующих интервалов (по двум шкалам). В результате апробации подхода сформированы частные и интегральный рейтинги регионов России по соотношению параметров демографической ситуации и уровню развитости социальной инфраструктуры.

Практическую значимость представляет выявление регионов Российской Федерации, которые, обладая относительно слабой социальной инфраструктурой, добились успеха в решении демографических задач. Анализ их опыта и выявление «лучших практик» являются необходимыми условиями для решения аналогичных проблем в других субъектах Российской Федерации. Кроме

того, принимая во внимание действие закона убывающей предельной полезности, полученный рейтинг позволяет определить «отдачу» от вложений в развитие социальной инфраструктуры и ожидаемые последствия подобных действий для развития того или иного региона страны. Например, несмотря на низкий уровень развития социальной инфраструктуры, республики Бурятия и Тыва занимают лидирующие позиции в сформированном рейтинге. Исходя из этого представляется обоснованным предположить, что вложение бюджетных средств в данные регионы окажет больший эффект в части демографического развития страны, чем финансирование «более благополучных» регионов.

Итоги ранжирования позволяют говорить о формировании в России групп регионов, существенно отличающихся друг от друга как по отдельным показателям демографического развития, так и в целом по социо-демографической ситуации. Соответственно для решения обозначенных проблем в отношении данных групп регионов должны быть разработаны и реализованы меры государственной политики, учитывающие данные различия. Предложенные правила группировки регионов позволят оценить эффективность использования регионами имеющихся ресурсов социальной инфраструктуры. Данный подход фактически нивелирует эффект масштаба и позволяет проводить адекватную оценку ситуации в регионе.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075–01211–20–01 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2020 г.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study carried out as part of state assignment No. 075–01211–20–01 of Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences for 2020.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dash R. K., Sahoo P. Economic growth in India: the role of physical and social infrastructure. *Journal of Economic Policy Reform*. 2010;13(4):373–385.
2. Bielaczyc K. Designing social infrastructure: Critical issues in creating learning environments with technology. *Journal of the Learning Sciences*. 2006;(15):301–329.
3. Татаркин А. И., Анимича Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики. *Экономика региона*. 2012;(3):11–21.
4. Peters D. J., Hamideh S., Zarecor K. E., Ghandour M. Using entrepreneurial social infrastructure to understand smart shrinkage in small towns. *Journal of Rural Studies*. 2018;(64):39–49. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.10.001
5. Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Научно-методические аспекты задачи моделирования миграционных процессов в субъектах РФ. *Финансы: теория и практика*. 2018;22(3):100–111.

6. Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Анализ пространственной мобильности населения регионов России: тенденции и механизмы регулирования. *Экономика в промышленности*. 2017;10(2):162–171.
7. Буньковский Д. В., Капустюк П. А. Оплата труда как элемент добавленной стоимости, создаваемой в теневой экономике. *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. 2017;(4):158–168.
8. Munyasya B. M., Chileshe N. Towards Sustainable Infrastructure Development: Drivers, barriers, strategies, and coping mechanisms. *Sustainability* 2018;10(12):4341. DOI: 10.3390/su10124341
9. Altbach P. The Costs and Benefits of World-Class Universities. *Academe*. 2004;90(1):20–23.
10. Мартышенко С. Н. Оценка и анализ миграционных настроений в студенческой среде приморского края. *Информационные технологии моделирования и управления*. 2014;(6):467–479.
11. Атнабаева А. Р. Исследование естественного движения населения в Республике Башкортостан с применением параметрического метода. *Известия Уфимского научного центра РАН*. 2019;(3):81–86.
12. Атаева А. Г., Уляева А. Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа). *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2018;(44):38–57.

REFERENCES

1. Dash R. K., Sahoo P. Economic growth in India: the role of physical and social infrastructure. *Journal of Economic Policy Reform*. 2010;13(4):373–385.
2. Bielaczyc K. Designing social infrastructure: Critical issues in creating learning environments with technology. *Journal of the Learning Sciences*. 2006;(15):301–329.
3. Tatarkin A. I., Animitsa E. G. Formation of a paradigm theory of regional economics. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2012;(3):11–21. (In Russ.).
4. Peters D. J., Hamideh S., Zarecor K. E., Ghandour M. Using entrepreneurial social infrastructure to understand smart shrinkage in small towns. *Journal of Rural Studies*. 2018;(64): 39–49. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.10.001
5. Fattakhov R. V., Nizamutdinov M. M., Oreshnikov V. V. Scientific and methodological aspects of the problem of modeling migration processes in the subjects of the Russian Federation. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2018;22(3):100–111. (In Russ.).
6. Fattakhov R. V., Nizamutdinov M. M., Oreshnikov V. V. Analysis of spatial mobility of the population of the regions of Russia: trends and regulatory mechanisms. *Ekonomika v promyshlennosti = Economics in industry*. 2017;10(2):162–171. (In Russ.).
7. Bunkovsky D. V., Kapustyuk P. A. Remuneration as an element of value added created in the shadow economy. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(4):158–168. (In Russ.).
8. Munyasya B. M., Chileshe N. Towards Sustainable Infrastructure Development: Drivers, barriers, strategies, and coping mechanisms. *Sustainability*. 2018;10(12):4341. DOI: 10.3390/su10124341
9. Altbach P. The Costs and Benefits of World-Class Universities. *Academe*. 2004;90(1):20–23.
10. Martysenko S. N. Assessment and analysis of migratory moods in the student community of the Primorsky Territory. *Informatsionnyye tekhnologii modelirovaniya i upravleniya = Information technology modeling and management*. 2014;(6):467–479. (In Russ.).
11. Atnabaeva A. R. Study of the natural movement of the population in the Republic of Bashkortostan using the parametric method. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN = Vestnik Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2019;(3):81–86. (In Russ.).
12. Ataeva A. G., Ulyayeva A. G. Interregional youth migration as a threat to the loss of human capital of the territory (based on the materials of the Republic of Bashkortostan and the regions of the Volga Federal District). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2018;(44):38–57. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рафаэль Валиахметович Фаттахов — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
fattakhov@mail.ru

Марсель Малихович Низамутдинов — кандидат технических наук, доцент, заведующий сектором экономико-математического моделирования, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия
marsel_n@mail.ru

Владимир Владимирович Орешников — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия
voresh@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Rafael V. Fattakhov — Dr. Sci. (Econ.), Professor of Department of Public Finance, Financial University, Moscow, Russia
fattakhov@mail.ru

Marsel M. Nizamutdinov — Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor, Head of the Sector of economic and mathematical modelling, Institute of Social and Economic Research of Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
marsel_n@mail.ru

Vladimir V. Oreshnikov — Cand. Sci. (Econ.), Senior researcher of the Sector of economic and mathematical modelling, Institute of Social and Economic Research of Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
voresh@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Фаттахов Р.В. — разработка методологии исследования, обоснование выбора показателей для анализа, интерпретация полученных результатов.

Низамутдинов М.М. — обзор подходов, кластерный анализ, формирование выводов и рекомендаций по результатам исследования.

Орешников В.В. — статистический анализ данных, описание используемой методики расчета, анализ полученных результатов, табличное и графическое представление результатов.

Authors' declared contribution:

Fattakhov R. V. — development of the research methodology, justification of the choice of indicators for analysis, interpretation of the results obtained.

Nizamutdinov M. M. — review of approaches, cluster analysis, the formation of conclusions and recommendations based on the results of the study.

Oreshnikov V. V. — statistical data analysis, description of the calculation method used, analysis of the results obtained, tabular and graphical presentation of the results.

Статья поступила 24.05.2020; после рецензирования 10.06.2020; принята к публикации 15.07.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.05.2020; revised on 10.06.2020 and accepted for publication on 15.07.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-110-122
УДК 330.322(045)
JEL O21

Инвестиционный комплекс России: структурные сдвиги

И.А. Кириченко^а, А.В. Смирнов^б

^{а, б} Институт макроэкономических исследований ВАТ Минэкономразвития России, Москва, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0002-1657-5648>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2077-4663>

АННОТАЦИЯ

В статье приведены результаты анализа основных параметров развития инвестиционной сферы за последние 12 лет. В качестве базового года для сравнения взят докризисный 2007 г. Основные тенденции, сложившиеся в инвестиционной деятельности, рассмотрены как по полному кругу предприятий и организаций, так и по кругу крупных и средних предприятий (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами). Сделан вывод о целесообразности при проведении дальнейшего исследования основываться на данных, собираемых Росстатом, по кругу крупных и средних предприятий. Для выявления зон активности инвестиционной сферы виды экономической деятельности были сгруппированы в 14 однородных отраслевых комплексов. Анализ источников финансирования инвестиционной деятельности проведен в разрезе собственных и привлеченных средств. Видовой разрез инвестиций увязан с анализом по секторам экономики, поскольку именно характер отрасли, ее функциональность определяют присущую ей видовую структуру. В результате проведенного анализа инвестиционной сферы авторами установлена крайняя неустойчивость инвестиционной динамики в последние годы, выделены проблемные точки в сфере капиталовложений, решение которых будет способствовать росту инвестиционной активности в стране.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал; виды экономической деятельности; источники финансирования; видовая структура

Для цитирования: Кириченко И.А., Смирнов А.В. Инвестиционный комплекс России: структурные сдвиги. *Мир новой экономики*. 2020;14(4):110-122. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-110-122

ORIGINAL PAPER

Investment Complex of Russia: Structural Shifts

I.A. Kirichenko^а, A.V. Smirnov^б,

^{а, б} Institute for Macroeconomic Research, Russian Foreign Trade Academy,
Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0002-1657-5648>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2077-4663>

ABSTRACT

The article presents the results of the analysis of the main parameters of the investment sphere development over the past twelve years. The base year for comparison is pre-crisis 2007. We considered the main trends in the development of investment activity both for the full range of enterprises and organizations, and for large and medium-sized enterprises (without small businesses and the volume of investment that is not observed by direct statistical methods). We concluded that it is advisable to base further research on data collected by Rosstat for large and medium-sized enterprises. We grouped economic activities into 14 homogeneous industry complexes to identify areas of activity in the investment sphere. We carried out the analysis of sources of financing for investment activities in the context of own and attracted funds. The specific section of investments is linked to the investigation by economic sectors since it is the nature of the industry and its functionality that determine its specific structure. As a result of the analysis of the investment sphere, the authors have established the extreme instability of investment dynamics in recent years, identified problem points in the field of investment, the solution of which will contribute to the growth of investment activity in the country.

Keywords: investment in fixed capital; macroeconomic policy; types of economic activity; sources of financing; type structure

For citation: Kirichenko I.A., Smirnov A.V. Investment complex of Russia: Structural shifts. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(4):110-122. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-110-122

© Кириченко И.А., Смирнов А.В., 2020

Обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности остается главной макроэкономической задачей на ближайшее десятилетие. Об этом говорится в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в рамках национальной цели «достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство». Эта задача напрямую связана с обеспечением реального роста инвестиций в основной капитал не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.

Рассмотрим, с какими результатами подошла инвестиционная сфера России к 2020 г. За точку отсчета принят 2007 г., когда темпы роста инвестиций достигли своего пика и составили 123,8% (рис. 1).

Как мы видим, инвестиции характеризуются крайне неравновесным состоянием, их раскачивает, как маятник. За истекший 12-летний период в инвестиционной деятельности выделяются 6 этапов, средняя продолжительность которых составляет 2 года (табл. 1). Очевидно, что для инвестиционной деятельности, носящей долгосрочный характер, такая динамика не позволяет разворачивать сколь-либо серьезную инвестиционную программу.

Более детальный анализ публикуемых Росстатом данных (<http://www.gks.ru>) показывает, что динамика инвестиций, рассчитанная по полному кругу предприятий (с учетом субъектов малого предпринимательства и досчетом на неформальную деятельность)¹, все больше отрывается от фактически собираемых отчетных данных по кругу крупных и средних предприятий и организаций (табл. 2, рис. 2–3).

Результат анализа тенденций развития инвестиционной деятельности по кругу крупных и средних предприятий демонстрирует несколько иную картину, а именно: период стагнации охватывает 4 года (с 2016 по 2019 г.); период снижения инвестиционной активности растянулся на 3 года (с 2013 по 2015 г.).

В результате докризисный уровень 2008 г. к настоящему времени так и не достигнут (в 2019 г. —

85% к уровню 2008 г. в сопоставимой оценке), т. е. ситуация менее оптимистичная, нежели при оценке инвестиций по полному кругу.

Характерным для последних лет стало систематическое отставание динамики инвестиций в основной капитал по крупным и средним предприятиям и организациям от аналогичного показателя по полному кругу хозяйствующих субъектов. Так, за период с начала 2019 г. индекс физического объема инвестиций в основной капитал по крупным и средним предприятиям составил 97,8% против 101,7% по полному кругу хозяйствующих субъектов (объемы соответственно 14 245,5 и 19 318,8 млрд руб., т. е. доля досчета составляет 26,3%).

Несложно оценить, что для достижения такой динамики показателя по полному кругу хозяйствующих субъектов темпы роста физического объема инвестиций в основной капитал в секторе малых предприятий и неформальной деятельности должны составлять не менее 112,5–113,0%, что в нынешних условиях инвестиционной паузы представляется труднодостижимой величиной.

В нашем дальнейшем анализе будем основываться на данных, собираемых Росстатом, по кругу крупных и средних предприятий. Немаловажно и то, что эти данные публикуются более оперативно в ежеквартальном режиме², не содержат досчетов и позволяют проводить анализ как по видам экономической деятельности, так и по источникам финансирования инвестиционной деятельности и видовой структуре [1].

Данные рис. 3 и табл. 3 наглядно демонстрируют тот факт, что рост инвестиций в основной капитал прекратился еще до введения санкций против России, а именно в 2013 г. Наиболее сильный спад в инвестиционной активности по анализируемому кругу предприятий и организаций наблюдался в 2015–2016 гг.

Для выявления зон активности инвестиционной сферы мы сгруппировали виды экономической деятельности в 14 однородных отраслевых комплексов (табл. 3, 4).

Положительную динамику в этот период сохранили главным образом экспортно ориентированные отрасли: нефтегазовый, металлургический и химический комплексы. В наибольшей степени

¹ Официальная статистическая методология определения инвестиций в основной капитал на федеральном уровне, утвержденная приказом Росстата от 25.11.2016 № 746 (в редакции приказа Росстата от 19.04.2018 № 205).

² Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 671-р (ред. от 10.04.2019) «Об утверждении Федерального плана статистических работ» (вместе с Федеральным планом статистических работ).

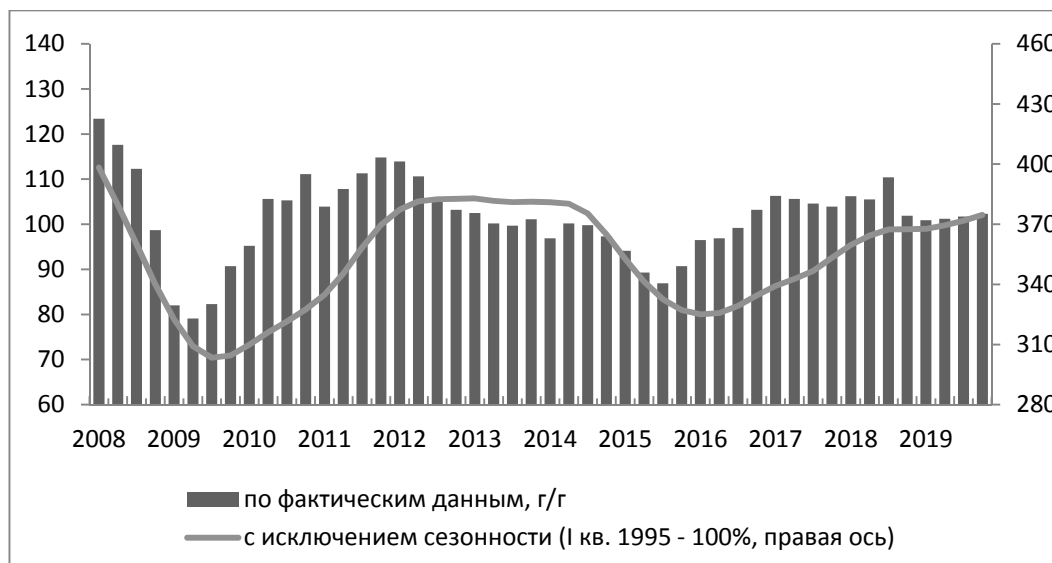

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика инвестиций в основной капитал по полному кругу предприятий с учетом параметров неформальной деятельности / Dynamics of investment in fixed assets for a full range of enterprises, taking into account the parameters of informal activities

Источник / Source: Росстат / Rosstat.

в этот период пострадали машиностроительный и энергетический комплексы, снизившие инвестиционные программы почти на треть; отрасли, финансируемые преимущественно из бюджета (образование, здравоохранение, госуправление, предоставление коммунальных и социальных услуг), а также строительство и производство стройматериалов.

Несмотря на то что падение инвестиционной деятельности в 2009 г. было более глубоким и масштабным, чем в 2015 г., в 2011 г. экономика вышла по этому показателю на траекторию роста как по полному кругу предприятий, так и по кругу крупных и средних (без учета субъектов малого предпринимательства и неформальной деятельности). Однако восстановить свою былую инвестиционную активность крупные и средние предприятия не смогли и в 2019 г. (рис. 3).

Со всей очевидностью можно констатировать, что за истекшее десятилетие (с 2009 по 2018 г.) экспортно-сырьевая направленность экономики, рассмотренная через призму показателя «инвестиции в основной капитал», не только сохранилась, но и за последние годы в еще большей степени усилилась.

Если в 2008–2009 гг. на долю экспортно ориентированных отраслей (нефтегазовый, химический и металлургический комплексы) приходилось 31,6% инвестиций (по кругу предприятий без

Таблица 1 / Table 1

Этапы развития инвестиционной деятельности в 2008–2019 гг. / The stages of development of investment activity in the years 2008–2019

Годы	Этапы	Продолжительность (лет)
2008–2009	Спад	1
2010–2012	Подъем	3
2013–2014	Стабилизация	2
2015–2016	Спад	2
2017–2018	Подъем	2
2019	Стабилизация	1

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами), то в 2017–2018 гг. — уже 37,7% (табл. 4).

Обращает на себя внимание значительное снижение доли в общем объеме инвестиций в основной капитал такого вида экономической деятельности, как операции с недвижимостью (с 11% в 2008–2009 гг. до 6,8% в 2017–2018 гг.), что явилось прямым следствием падения платежеспособного

Таблица 2 / Table 2

Динамика физического объема инвестиций в основной капитал в 2008–2019 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года / The stages of development of investment activity in the years 2008–2019, %

Вид организаций	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Крупные и средние организации	105,6	82,5	105,1	110,4	100,7	94,5	95,7	89,8	98,8	104,2	102,2	97,8
Полный круг организаций	109,5	86,5	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,8	104,8	105,4	101,7

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

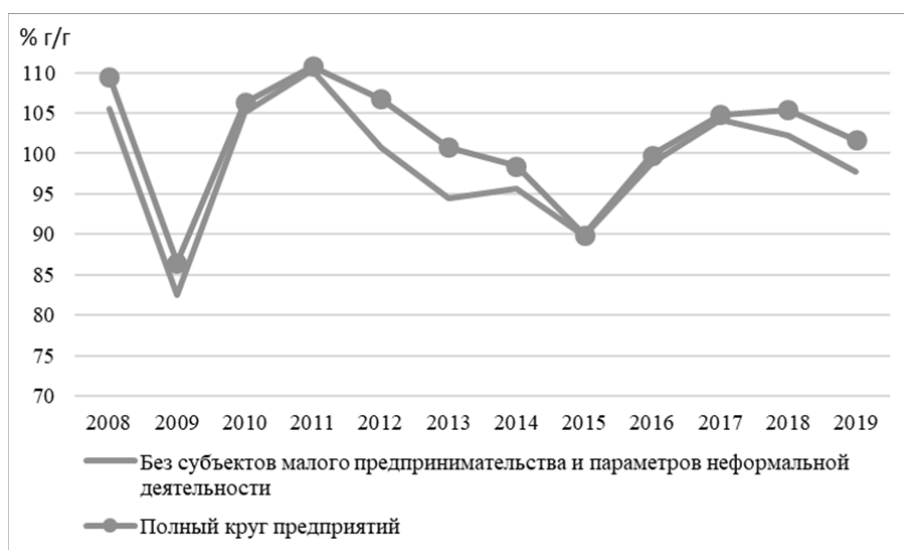

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика инвестиций в основной капитал в 2008–2019 гг. / Dynamics of investments into fixed capital in the years 2008–2019

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

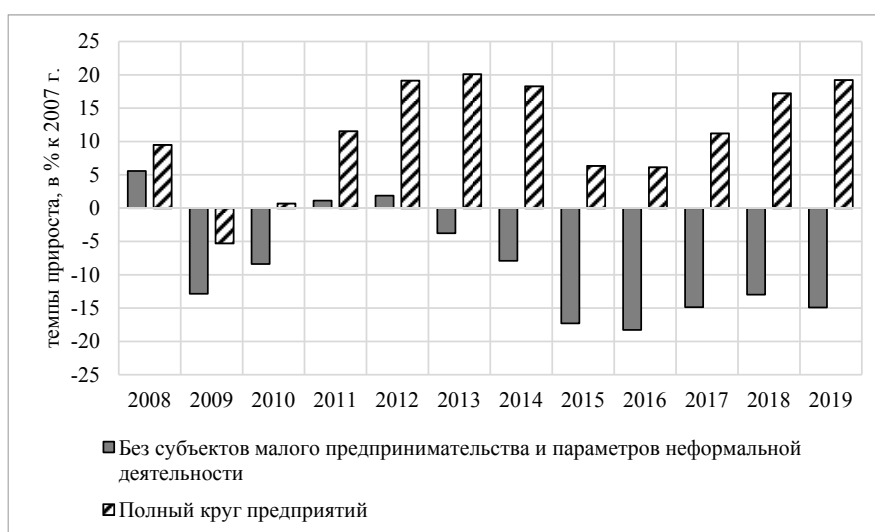

Рис. 3 / Fig. 3. Темпы прироста инвестиций в основной капитал в 2008–2019 гг. по отношению к уровню 2007 г. / Growth rates of investments in fixed assets in 2008–2019 in relation to the level of 2007

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

Таблица 3 / Table 3

Динамика инвестиций в основной капитал по комплексам видов экономической деятельности в 2008–2019 гг. (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) за период, в сопоставимых ценах, % / Dynamics of investment in fixed assets by type of economic activity in 2008–2019 (without small businesses and investment volumes not observed by direct statistical methods), %

Комплексы видов экономической деятельности	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2016	2017–2018*	2019*
Инвестиции в основной капитал, всего	87,1	116,9	90,4	88,7	106,5	97,8
Агропромышленный	69,8	92,1	93,7	90,6	107,8	98,9
Деревообрабатывающий	67,3	111,7	65,6	97,5	116,3	90,2
Нефтегазовый (включая трубопроводный)	115,1	132,6	95,5	105,1	106,2	92,2
нефтяная отрасль	123,7	114,1	122,5	102,1	101,9	104,8
газовая отрасль	104,8	158,7	60,7	116,9	114,9	71,5
Металлургический сектор	78,5	98,4	73,6	108,5	100,6	102,2
Машиностроительный	81,5	122,9	120,4	69,6	111,0	88,1
Энергетический	111,0	136,3	89,0	62,2	98,8	91,2
Химический	75,8	140,2	92,3	116,3	111,3	91,7
Торговля	72,3	103,0	114,6	106,8	93,2	87,9
Транспортный (без трубопроводного)	104,5	133,6	86,9	91,1	115,3	101,2
трубопроводный	151,2	114,5	71,4	78,7	112,3	76,5
Связь	63,4	121,1	81,5	84,3	116,9	115,6
Недвижимость	71,4	88,8	108,0	74,8	87,9	93,3
Строительство и производство строительных материалов	69,8	87,8	70,5	67,1	115,2	87,1
Образование, здравоохранение, культура, спорт	81,6	120,8	72,7	67,3	112,4	106,2
Прочее	42,5	87,4	75,2	86,7	109,8	103,1

Примечание: * За 2017–2019 гг. на основе ОКВЭД2 / For 2017–2019 based on OKVED 2.

** Разрабатывается с 2017 г. / Developed since 2017.

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

спроса населения. Относительно стабильно на этом фоне выглядят транспортный, деревообрабатывающий комплексы, связь и сфера бюджетного финансирования.

Остановимся более подробно на отчетных данных за 2019 г. Как видно из данных табл. 3, в том году вновь поменялся инвестиционный тренд: этап роста для круга крупных и средних предприятий сменился падением их инвестиционной активности в подавляющем большинстве отраслей. Даже нефтяной отрасли не удалось вытянуть на

положительную динамику нефтегазовый комплекс, просевший из-за существенного снижения инвестиционной деятельности в газовой отрасли.

На плаву остались лишь металлургический, транспортный комплексы и связь, в результате их доля в общем объеме инвестиций в основной капитал по кругу крупных и средних предприятий увеличилась с 4,6 до 4,9; с 12,8 до 13,8 и с 3,7 до 4,8% соответственно (рис. 4).

В структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал (без субъектов малого

Таблица 4 / Table 4

Структура инвестиций в основной капитал по комплексам видов экономической деятельности в 2008–2019 гг. (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами), % к итогу / Structure of investments in fixed assets by economic activity complexes in 2008–2019 (without small businesses and investment volumes not observed by direct statistical methods), %

Комплексы видов экономической деятельности	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2016	2017–2018*	2019*
Инвестиции в основной капитал, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Агропромышленный	6,2	5,3	5,2	5,4	5,4	5,4
Деревообрабатывающий	1,1	1,0	0,8	0,9	1,0	0,9
Нефтегазовый (включая трубопроводный)	25,0	28,6	28,6	31,7	29,2	26,0
нефтяная отрасль	15,3	14,5	17,7	19,5	17,1	16,3
газовая отрасль	7,2	10,5	7,3	8,6	9,4	7,0
Металлургический сектор	4,7	4,0	3,3	3,9	4,6	4,9
Машиностроительный	2,5	2,5	3,1	3,2	2,9	2,8
Энергетический	9,7	11,9	11,1	8,5	7,1	6,8
Химический	1,9	2,2	2,6	3,6	3,9	3,7
Торговля	2,6	2,6	2,8	3,1	2,9	2,6
Транспортный (без трубопроводного)	13,7	12,9	12,0	11,7	12,8	13,8
трубопроводный	7,9	10,0	6,7	6,5	5,7	4,4
Связь	3,7	3,6	3,1	3,3	3,7	4,8
Недвижимость	11,0	8,5	10,7	11,0	6,8	6,4
Научная, техническая и административная деятельность**					4,2	5,6
Строительство и производство стройматериалов	5,1	3,7	3,3	2,2	3,0	2,9
Образование, здраво-охранение, культура, спорт	4,8	4,6	4,1	3,5	5,1	5,7
Прочее	8,2	8,8	9,3	8,2	7,4	7,7

Примечание: * За 2017–2019 гг. на основе ОКВЭД2 / For 2017–2019 based on OKVED 2.

** Разрабатывается с 2017 г. / Developed since 2017.

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) за анализируемый период неуклонно росла доля собственных средств организаций (табл. 5, рис. 5).

Так, в 2019 г. на долю собственных средств пришлось 57,1% от всех инвестиций в основной капитал против 38,2% в 2008–2009 гг. Происходило это на фоне регулярного уменьшения долей государственного финансирования — с 21,3 до 15,8%

и заемных средств других организаций — с 8,5 до 4,5% за рассматриваемый период времени.

В диапазоне от 8 до 11% на рассматриваемом промежутке времени варьируется доля банковских кредитов, даже несмотря на проводимую в последние годы Банком России политику по снижению ставки рефинансирования. Это свидетельство, с одной стороны, по-прежнему дорогой для предприятий цены предоставляемых банками долгосрочных кредитов, с другой — недостаточной

Рис. 4 / Fig. 4. Структура инвестиций крупных и средних организаций в 2018–2019 г., % / Investment structure of large and medium-sized organizations in 2018–2019, %

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

Таблица 5 / Table 5

Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами), % к итогу / Structure of fixed capital investments by sources of financing (excluding small businesses and the volume of investments not observed by direct statistical methods), %

Источники финансирования	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2016	2017–2018	2019
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Собственные средства	38,2	43,3	47,8	51,5	53,3	57,1
Привлеченные средства	61,8	56,7	52,2	48,5	46,7	42,9
Кредиты банков	10,3	8,1	9,5	9,2	10,8	8,7
из них кредиты иностранных банков	2,6	1,5	1,0	2,4	5,0	2,1
Заемные средства других организаций	8,5	5,3	6,4	5,6	4,5	4,5
Бюджетные средства	21,3	18,6	17,8	16,2	15,8	15,8
из них из федерального бюджета	9,4	9,8	9,3	9,3	7,8	7,5
из бюджетов субъектов Федерации	10,5	7,7	7,1	5,8	6,8	7,1
Средства внебюджетных фондов	0,3	0,3	0,2	0,3	0,2	0,2
Средства организаций и населения, привлеченные для долевого строительства	2,8	1,9	1,7	2,9	2,8	3,7
Прочие	18,6	22,5	16,6	14,4	12,5	10,0

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

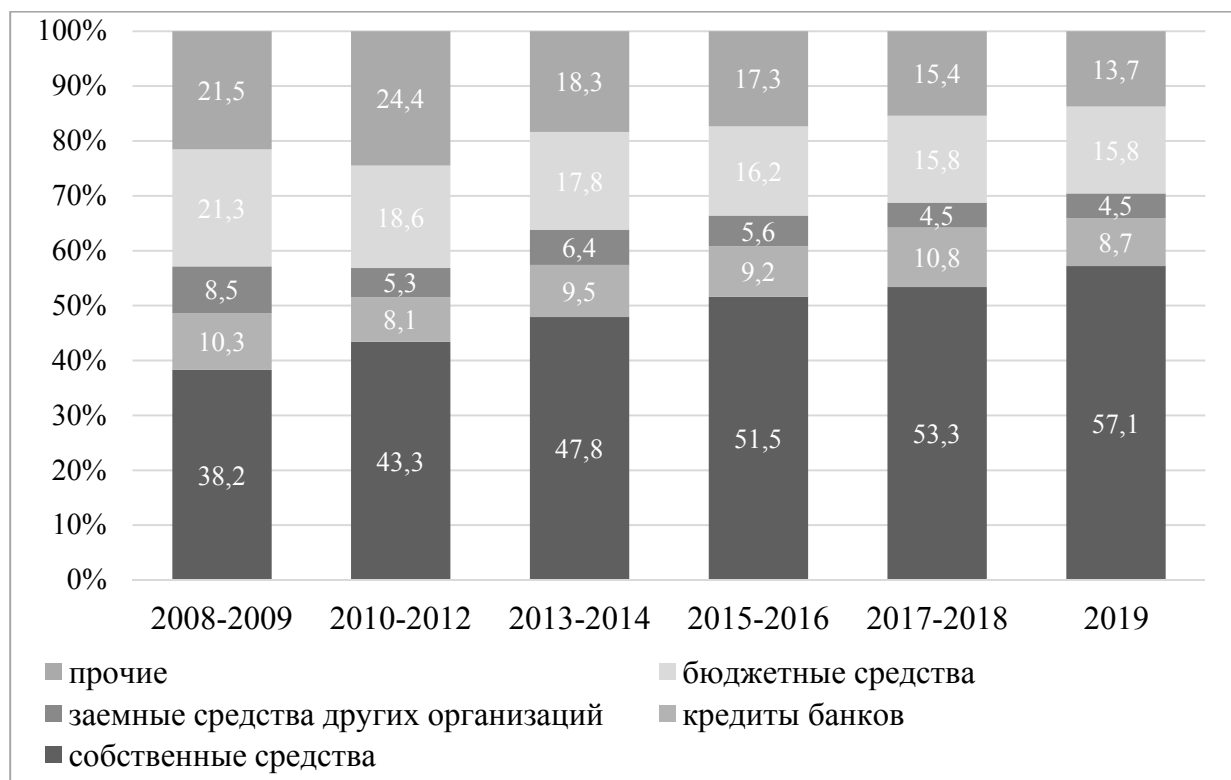

Рис. 5 / Fig. 5. Структура источников финансирования инвестиций в основной капитал в 2008–2019 гг., % / Structure of sources of financing for fixed capital investments in 2008–2019, %

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

Таблица 6 / Table 6

Видовая структура инвестиций в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами), % к итогу / Type structure of investments in fixed assets (excluding small businesses and the volume of investments not observed by direct statistical methods), %

Видовая структура инвестиций в основной капитал	2008–2009	2010–2012	2013–2014	2015–2016	2017–2018	2019
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Жилища	6,7	5,0	5,1	5,6	4,8	5,5
Здания (кроме жилых) и сооружения	54,0	53,5	50,8	51,1	50,6	44,5
Машины, оборудование, транспортные средства, инвентарь	32,1	34,7	35,3	32,8	34,8	38,5
Прочие	7,1	6,8	8,8	10,5	9,8	11,5

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

Рис. 6 / Fig. 6. Видовая структура инвестиций в основной капитал в 2008–2019 гг., % / Type structure of fixed capital investments in 2008–2019, %

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

рентабельности и прибыльности крупных и средних предприятий.

На протяжении последних пяти лет наблюдается выравнивание долей федерального бюджета и бюджетов субъектов Федерации [2] в качестве источников финансирования инвестиций в основной капитал. В 2015–2016 гг. их доли составляли 9,3 и 5,8% соответственно, а в 2019–7,5 и 7,1%.

В 2019 г. зафиксирован рекордный за последние 12 лет процент средств, привлеченных для долевого строительства, — 3,7% от общего объема.

Видовую структуру инвестиций в основной капитал иллюстрируют табл. 6 и рис. 6. На протяжении всего рассматриваемого периода преимущественным видом инвестиций в основной капитал по-прежнему были вложения в здания (кроме жилых) и сооружения. Однако если в 2008–2009 гг. они лидировали по объему привлекаемых средств с большим отрывом от всех остальных, то к 2019 г. потеряли почти 10% своей доли в общем объеме инвестиций в основной капитал.

Так, в 2008–2009 гг. на них приходилось 54%, в 2019 г. — 44,5%. За этот период, и особенно

в последний год, увеличили свой удельный вес инвестиции в активную часть основных производственных средств. Если в 2008–2009 гг. они составляли 32,1%, то в 2019 г. — уже 38,5%. Это говорит об активизации процессов перевооружения и модернизации отечественных производств. Доля инвестиций в жилые здания остается практически неизменной и колеблется в диапазоне 5–6%.

Видовой разрез инвестиций в увязке с анализом по секторам экономики представлен в табл. 7. Именно характер отрасли, ее функциональность определяют присущую ей видовую структуру [3]. Поэтому отнюдь не случайно наиболее высокий удельный вес машин, оборудования, транспортных средств характерен для обрабатывающих производств, а весомую величину зданий (кроме жилых) и сооружений следует находить среди добывающих, энергетических, транспортных и отраслей, связанных со строительством.

Это подтверждается данными табл. 7. Так, инвестиции в машины, оборудование и транспортные средства составляют 72,6% в общем объеме инвестиций в основной капитал в деревообрабатыва-

Таблица 7 / Table 7

Видовая структура инвестиций в основной капитал по комплексам видов деятельности в 2019 г., % к итогу / Type structure of investments in fixed assets by type of activity in 2019, %

Комплексы видов экономической деятельности	Жилые здания и помещения	Здания (кроме жилых) и сооружения	Машины, оборудование, транспортные средства, инвентарь	Объекты интеллектуальной собственности	Прочие инвестиции
Инвестиции в основной капитал, всего	5,5	44,5	38,5	4,3	7,2
Агропромышленный	0,3	36,2	50,3	0,3	12,9
Деревообрабатывающий	0,3	26,6	72,6	0,4	0,1
Нефтегазовый (включая трубопроводный)	0,1	49,2	20,9	4,9	24,9
нефтяная отрасль	0,1	49,4	19,1	4,8	26,6
газовая отрасль	0,1	47,9	19,3	4,8	27,8
Металлургический сектор	0,4	30,0	63,2	5,6	0,8
Машиностроительный	0,2	21,8	67,3	9,4	1,2
Энергетический	0,0	60,6	37,2	1,0	1,2
Химический	0,3	52,1	45,5	1,9	0,2
Торговля	2,7	46,2	45,8	3,6	1,7
Транспортный (без трубопроводного)	0,1	47,3	51,6	0,6	0,4
трубопроводный	0,2	84,1	14,0	1,4	0,3
Связь	0,1	12,0	62,2	25,3	0,4
Недвижимость	31,5	54,1	12,6	0,8	1,1
Научная, техническая и административная деятельность	14,5	43,3	34,3	6,2	1,6
Строительство и производство стройматериалов	23,6	51,4	23,1	0,1	1,7
Образование, здравоохранение, культура, спорт	3,2	23,8	68,8	1,2	3,0
Прочее	4,9	46,1	41,2	6,3	1,5

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

ющем комплексе; 67,3% — в машиностроительном комплексе; 63,2% — в металлургии; 50,3% — в агропромышленном комплексе. При этом в 2019 г. 84,1% составили инвестиции в трубопроводном транспорте; 60,6% — в энергетике; 49,2% — в нефтегазовом комплексе.

Относительно высокий удельный вес инвестиций в жилые здания и сооружения, несом-

ненно, свойствен таким видам экономической деятельности, как недвижимость (31,5%), а также строительство и производство стройматериалов (23,6%).

Среди отраслей, вкладывающих значительные средства в объекты интеллектуальной собственности, на первом месте и с большим отрывом выделяется связь. Ее организации 25,3% своих

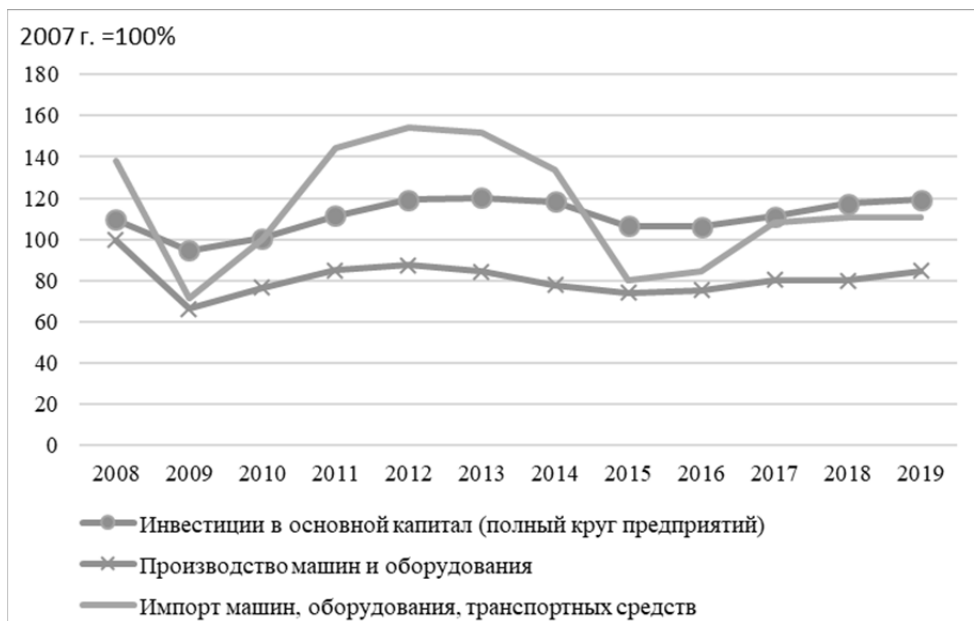

Рис. 7 / Fig. 7. Динамика инвестиций в основной капитал, производства и импорта машин и оборудования в 2008–2019 гг. / Dynamics of investment in fixed assets, production and import of machinery and equipment in 2008–2019

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

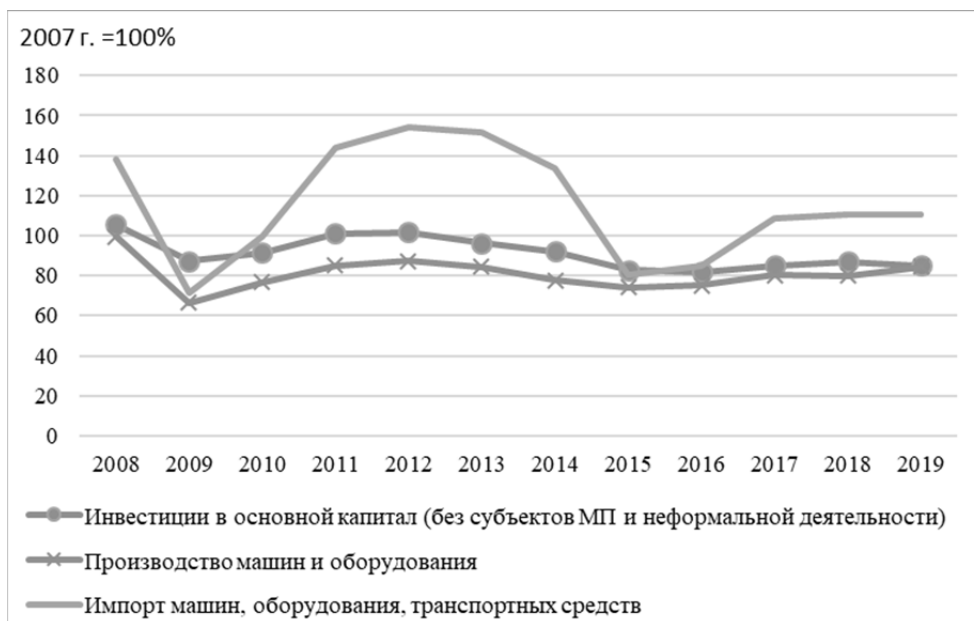

Рис. 8 / Fig. 8. Динамика инвестиций в основной капитал, производства и импорта машин и оборудования в 2008–2019 гг. / Dynamics of investment in fixed assets, production and import of machinery and equipment in 2008–2019

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

средств вкладывают в этот вид инвестиций, что предопределяет высокий уровень научно-технологических инноваций в данной отрасли. На втором месте по величине этого вида ресурса — 9,4% — стоит машиностроительный комплекс,

что свидетельствует о его стремлении освоить выпуск передовых средств производства.

Отрыв России от мировых рынков, произошедший в результате введения санкций в отношении нашей страны в 2014 г., привел к резкому сни-

жению импорта машин и оборудования, составлявших значительный удельный вес для многих обрабатывающих отраслей и производств. На рис. 7 и 8 показаны три тренда, демонстрирующих связь инвестиций в основной капитал с производством и импортом машин и оборудования. В качестве базового года принят 2007 г.

Сколько-либо значимых отличий между двумя срезами — полным кругом предприятий и предприятий без субъектов малого предпринимательства и неформальной деятельности мы не наблюдаем, за исключением большей зависимости инвестиций крупных и средних предприятий от отечественного производства машин и оборудования. Но в обоих случаях резкое падение импорта машин и оборудования в 2015–2016 гг. сказалось на снижении инвестиционной активности, а постепенное увеличение их ввоза имело положительное воздействие на развитие инвестиционных процессов. Графики на рис. 8 показывают существующую зависимость российских производителей от зарубежных образцов техники и технологий.

Таким образом, проведенный на макроэкономическом и секторальном уровне анализ инвестиционного процесса в 2008–2019 гг. показывает его подверженность сильным и относительно коротким по времени маятниковым колебаниям, а также локализованность зон роста инвестиционной активности в крайне ограниченном сегменте видов экономической деятельности.

Экспортно-сырьевая направленность экономики, рассмотренная через призму показателя «инвестиции в основной капитал», не только сохранилась, но и в еще большей степени усилилась за последние годы. На протяжении всего анализи-

руемого периода времени основным источником финансовых вложений в основной капитал являлись собственные средства организаций, размер которых не позволяет проводить предприятиям активную инвестиционную политику.

Сравнительный анализ динамики инвестиций в основной капитал, а также производства и импорта машин и оборудования свидетельствует о необходимости дальнейшего развития процессов импортозамещения с целью обновления производственного аппарата страны.

Таков портрет инвестиционной сферы перед началом 2020 г., когда пандемия поставила на паузу многие сектора экономики. Принимаемые правительством нашей страны меры поддержки системообразующих предприятий и отраслей, а также представителей малого бизнеса несколько смягчили последствия пандемии коронавируса COVID-19. Однако оценить ее реальное влияние на деловую конъюнктуру в стране еще только предстоит.

Вместе с тем очевидно, что без разработки комплекса долгосрочных мер, нацеленных на структурное преобразование отечественной экономики, не следует ожидать ни прорывных темпов роста, ни значительного улучшения благосостояния россиян [4].

Не вызывает сомнения тот факт, что любые изменения, касающиеся сколько-либо серьезных отраслевых и производственных сдвигов в экономике, базируются на инвестициях. А они, в свою очередь, требуют наличия длинных денег в экономике, использование которых под силу хозяйствующим субъектам при условии разогретого спроса. На этот вызов необходимо ответить в самое ближайшее время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маршова Т. Н. Принципы формирования статистических данных для анализа и прогноза социально-экономического развития. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2017;(14):25–36.
2. Кириченко И., Смирнов А. Национальное накопление основного капитала с учетом регионального инвестиционного потенциала. *Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: сб. материалов VI Международной конференции*. Нижний Новгород; 2018.
3. Березинская О. Б., Ведев А. Л. Новые аспекты видовой структуры инвестиций в основной капитал, или помогут ли национальные проекты? *Экономическое развитие России*. 2019;26(8):13–17.
4. Кириченко И., Маршова Т., Смирнов А. Прогнозирование инвестиций в основной капитал как важнейший элемент стратегического планирования — государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. *Материалы 16-й Международной конференции «Государственное управление в XXI веке»: сборник*. М.: КДУ, Университетская книга; 2019.

REFERENCES

1. Marshova T.N. Principles of forming statistical data for analysis and forecast of socio-economic development. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. 2017;2(14):25–36. (In Russ.).
2. Kirichenko I., Smirnov A. National accumulation of fixed capital taking into account the regional investment potential. In: Economic security of Russia: problems and prospects. Proceedings of the VI International conference. Nizhny Novgorod; 2018:100–104. (In Russ.).
3. Berezinskaya O.B., Vedev A.L. New aspects of the specific structure of investment in fixed assets, or will national projects help? *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. 2019;26(8):13–17. (In Russ.).
4. Kirichenko I., Marshova T., Smirnov A. Forecasting investment in fixed assets as an essential element of strategic planning. In: Public administration of the Russian Federation: challenges and prospects. Proceedings of the 16th International conference Public administration in the XXI century: Collection. Moscow: KDU, University book; 2019:242–251. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Алексеевна Кириченко — кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра государственного регулирования, инвестиционного и институционального развития, Институт макроэкономических исследований ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия
94522@bk.ru

Александр Владимирович Смирнов — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией Центра государственного регулирования, инвестиционного и институционального развития, Институт макроэкономических исследований ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия
asmirnoff@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kirichenko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Center for State Regulation, Investment and Institutional Development at the Institute for Macroeconomic Research of Russian Foreign Trade Academy of Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
94522@bk.ru

Alexander V. Smirnov — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Laboratory of the Center for State Regulation, Investment and Institutional Development at the Institute for Macroeconomic Research of Russian Foreign Trade Academy of Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
asmirnoff@mail.ru

Статья поступила 24.09.2020; после рецензирования 01.10.2020; принята к публикации 20.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.09.2020; revised on 01.10.2020 and accepted for publication on 20.10.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ» ЗА 2020 Г.

№ 1

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Сергеева М.А., Воронина М.В., Раскладкина М.К.

Доступный космос: геоинформационные технологии для школьников 6

Д.С. Пащенко, Н.М. Комаров

**Стратегические альянсы и партнерские программы
в новой экономике: опыт российской и мировой IT-отрасли 15**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Звонова Е.А., Кузнецов А.В., Пищик В.Я., Сильвестров С.Н.

**Особенности и перспективы построения двухконтурной валютно-финансовой системы на национальном
и региональном уровне 26**

Исаев В.А., Филоник А.О.

**Продовольственная проблема в арабских странах
в свете вызовов «зеленой» экономики 34**

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Казанцев С.В.

**Санкции и прямые иностранные инвестиции:
ущерб для России и стран-санкционеров 44**

Куприянова Л.М., Шнайдер О.В.

Анализ доходности сегментов бизнеса 54

Полунин Ю.А., Юданов А.Ю.

**Господдержка быстрорастущих компаний:
рождение новой идеологии промышленной политики?** 62

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Воронов Ю.П.

Помог бедным – не спи спокойно (О Нобелевской премии по экономическим наукам 2019 года) 77

Бобрышев И.С., Ведерникова А.В., Воронин В.В., Ерина Н.В., Тюпышев Д.А.

**Механизмы прогнозирования и стратегического целеполагания
социально-экономического развития Российской Федерации** 88

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Васецкая Н.О.

**Когнитивные компетенции выпускника в условиях
становления знаниево-цифровой экономики** 101

Соколов И.А., Филиппова И.Н.

**Эффективность реформирования бюджетной сети
в сфере здравоохранения в 2010-х годах** 108

№ 2

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Бобков В.Н., Черных Е.А.

Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости 6

Мухаметов Д.Р.

**Развитие человеческого капитала в «умных городах» России:
сети и «живые лаборатории»** 16

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Лысунец М.В.

**Перспективы налогообложения цифровых компаний
в странах Европейского союза: проблемы и противоречия** 25

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Внутренние источники роста производительности труда в России 32

Кочкаров А.А., Калашников Н.В., Кочкаров Р.А.

Выявление ботов в социальных сетях на примере LiveJournal 44

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Блохин А.А., Фонов А.Г.

Глобальные ловушки для российской инновационной системы 51

Бобылев С.Н., Соловьева С.В.

Циркулярная экономика и ее индикаторы для России 63

Малов В.Ю., Мелентьев Б.В.

Политэкономия и инструменты прогнозирования 73

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Погребинская В.А.*

Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века)	82
--	-----------

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА*Миракян Д.Г.*

Проекты социального воздействия: перспективы развития в Российской Федерации	91
---	-----------

№ 3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*Казанцев С.В.*

Сопоставление угрозы национальной безопасности и опасностей коронавирусов	6
--	----------

Меньшикова О.И.

Уровень благосостояния трудоспособного населения как концентрированное выражение качества трудовой жизни.....	15
--	-----------

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА*Коротков И.Г.*

Национальная инновационная система Израиля в начале XXI века.....	27
--	-----------

Зубенко В.А., Масалимова А.М.

Анализ глобальных экономических и политических факторов и вызовов евразийской экономической интеграции.....	34
--	-----------

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА*Соколинская Н.Э., Куприянова Л.М.*

Риски развития информационных технологий в банковском секторе	44
--	-----------

Донецкова О.Ю., Петрушова В.В.

Текущее состояние инвестиционной деятельности банков в России.....	54
---	-----------

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР*Подвойский Г.Л., Ларионов А.В.*

Повышение эффективности распределения денежных потоков в рамках системы социального страхования	64
--	-----------

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Кочемасова Е.Ю.*

Актуальные проблемы устойчивого развития и их решение в России	75
---	-----------

Стрижкова Л.А., Куранов Г.О.

Качество экономического роста как предпосылка повышения эффективности управления социально-экономическим развитием России	83
--	-----------

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА*Секачева А.Б.*

Современное состояние и перспективы развития топливно-энергетического комплекса Франции..... 6

Паксютов Г.Д.

Японские «креативные отрасли» на глобальных рынках: текущие проблемы и роль государства15

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА*Кузнецов А.В.*

Региональная роль Евразийского банка развития в посткоронавирусном мире.....22

Аландаров Р.А., Зайцева Э.А.

Анализ отечественного опыта применения мер и инструментов бюджетной политики для стимулирования экономического роста33

Кишкович Ю.П.

Концептуальная модель системы управления финансами предприятий с применением современных информационных технологий47

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР*Мозучев Н.С., Хузина А.Ф.*

Особенности институциональной среды государственно-частного партнерства в России: региональный аспект56

Митяков С.Н., Федосеева Т.А., Митяков Е.С.

Система индикаторов экономической безопасности муниципалитета как составной элемент многоуровневой системы экономической безопасности67

Диденко Д.В., Гринева Н.В.

Анализ роли институтов и технологий в экономическом росте позднего СССР в межстрановом сопоставлении81

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В.*

Ранжирование регионов России по демографической ситуации с учетом уровня развития социальной инфраструктуры.....96

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД*Кириченко И.А., Смирнов А.В.*

Инвестиционный комплекс России: структурные сдвиги 110